МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
«НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»

НАУКА и ПРОСВЕЩЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ЗАКОН И ПОРЯДОК:

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

СБОРНИК СТАТЕЙ XIV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
СОСТОЯВШЕЙСЯ 25 ОКТЯБРЯ 2026 Г. В Г. ПЕНЗА

ПЕНЗА
МЦНС «НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»
2026

УДК 001.1
ББК 60
Ю73

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич, кандидат экономических наук

Ю-73
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ЗАКОН И ПОРЯДОК: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2026. – 192 с.

ISBN 978-5-00268-754-1

Настоящий сборник составлен по материалам XIV Международной научно-практической конференции «**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ЗАКОН И ПОРЯДОК: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**», состоявшейся 25 октября 2026 г. в г. Пенза. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы науки и практики применения результатов научных исследований.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке **Elibrary.ru** в соответствии с Договором №1096-04/2016К от 26.04.2016 г.

УДК 001.1
ББК 60

© МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2026
© Коллектив авторов, 2026

ISBN 978-5-00268-754-1

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич – кандидат экономических наук

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:
Агаркова Любовь Васильевна – доктор экономических наук, профессор
Ананченко Игорь Викторович – кандидат технических наук, доцент
Антипов Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор
Бабанова Юлия Владимировна – доктор экономических наук, доцент
Багамаев Багам Манапович – доктор ветеринарных наук, профессор
Баженова Ольга Прокопьевна – доктор биологических наук, профессор
Боярский Леонид Александрович – доктор физико-математических наук
Бузни Артемий Николаевич – доктор экономических наук, профессор
Буров Александр Эдуардович – доктор педагогических наук, доцент
Васильев Сергей Иванович – кандидат технических наук, профессор
Власова Анна Владимировна – доктор исторических наук, доцент
Грицай Людмила Александровна – доктор педагогических наук, доцент
Давлетшин Рашит Ахметович – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ирина Викторовна – кандидат психологических наук
Иглин Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент
Ильин Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент
Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент
Казданян Сусанна Шалвовна – кандидат психологических наук, доцент
Качалова Людмила Павловна – доктор педагогических наук, профессор
Кожалиева Чинара Бакаевна – кандидат психологических наук
Колесников Геннадий Николаевич – доктор технических наук, профессор
Корнев Вячеслав Вячеславович – доктор философских наук, профессор
Кремнева Татьяна Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор
Крылова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, профессор
Кунц Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор
Курленя Михаил Владимирович – доктор технических наук, профессор
Малкоч Виталий Анатольевич – доктор искусствоведческих наук
Малова Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент
Месеняшина Людмила Александровна – доктор педагогических наук, профессор
Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук, профессор
Непомнящий Олег Владимирович – кандидат технических наук, доцент
Оробец Владимир Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор
Попова Ирина Витальевна – доктор экономических наук, доцент
Пырков Вячеслав Евгеньевич – кандидат педагогических наук, доцент
Рукавишников Виктор Степанович – доктор медицинских наук, профессор
Семенова Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, доцент
Удут Владимир Васильевич – доктор медицинских наук, профессор
Фионова Людмила Римовна – доктор технических наук, профессор
Чистов Владимир Владимирович – кандидат психологических наук, доцент
Швец Ирина Михайловна – доктор педагогических наук, профессор
Юрова Ксения Игоревна – кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ... 8

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: КРИТЕРИИ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРЕДЕЛЫ
ЮРЧЕНКО ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ... 9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ ГРАЖДАНИНА НЕДЕЕСПОСОБНЫМ
ФЕДОРОВА АЛЕКСАНДРА АНТОНОВНА ... 12

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО ... 16

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУТОВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ И СТИМУЛИРОВАНИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: АНАЛИЗ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ШЕСТАКОВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ... 17

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО ... 22

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ПО ДЕЛАМ О ЛИШЕНИИ И ОГРАНИЧЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ
ЯРЕМЧУК МАРИЯ ОЛЕГОВНА ... 23

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
МАНИФАСОВА ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА ... 28

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО И ПРЕДЕЛЫ УПРАВЛЕНИЯ ЕГО ИМУЩЕСТВОМ РОДИТЕЛЯМИ
КАЛМЫКОВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ... 31

ФИНАНСОВОЕ, НАЛОГОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО ... 36

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО: ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНУ ОТ 26.07.2026 № 253-ФЗ
МАРТЮШЕВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА ... 37

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО. ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО ... 42

САМОВОЛЬНОЕ ЗАНЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
МУХАНОВА УЛЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ... 43

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС ... 47

ПАРАДОКС ДВОЙНОГО СТАНДАРТА: ПРИЗНАНИЕ СНА И ОПЬЯНЕНИЯ БЕСПОМОЩНЫМ СОСТОЯНИЕМ ПРИ ИЗНАСИЛОВАНИИ, НО НЕ ПРИ УБИЙСТВЕ
ЛЕЛЮХИНА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ... 48

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)
ООРЖАК МАРТА ВАСИЛЬЕВНА 51

ФИКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВЫВОДА АКТИВОВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
БОРЩЕВСКАЯ ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, БЫЧКОВСКИЙ СЕМЁН ИВАНОВИЧ 55

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ОСОБО ЦЕННЫЕ И ЦЕННЫЕ ВИДЫ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
АЛБОГАЧИЕВ КАЗБЕК ИСАЕВИЧ 60

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ (СТ. 245 УК РФ)
ЛЕДЕНЕВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА 64

КРИТЕРИИ ОТНОСИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 318 УК РФ «ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ»
МОКРОВСКИЙ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ 70

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПОТЁМКИН ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ 73

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОЖИЛОГО ПОТЕРПЕВШЕГО: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТАКТ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПАМЯТИ
БУРЦЕВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 77

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ИМУЩЕСТВА, ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ
СИВЕЦ МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ 81

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, НАРУШАЮЩИХ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК, ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ
ОРЛОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА 84

МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НЕНАСИЛЬСТВЕННЫХ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ИЗ КОРЫСТНОГО МОТИВА
ОРЛОВА ПОЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА 87

ТЕНДЕНЦИИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ
СНЕГИРЕВА Т.В. 90

РОЛЬ ВИДЕОЗАПИСИ ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ЛАДЫГИНА АННА ИГОРЕВНА 94

6 ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ЗАКОН И ПОРЯДОК

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
САНИН ЯРОСЛАВ ИГОРЕВИЧ 98

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО 102

УРОКИ НЮРНБЕРГА: СОЗДАНИЕ МЕХАНИЗМА ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИДЕРОВ ГОСУДАРСТВ ЗА ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ДМИТРИЧЕНКО КРИСТИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА 103

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 107

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ
НИКИТИНА ВАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВНА 108

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 113

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ФОТОГРАФИИ, ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
МОРДОВКИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА 114

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ
ГУБАЙДУЛЛИНА ДИАНА ИЛЬФАТОВНА 117

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС 124

АНАЛИЗ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ
ИВАНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ 125

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛЯ ГРАЖДАНИНА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ЕРЕМИЧЕВА ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА, ЛЯХОВИЧ СОФИЯ ВЛАДИМИРОВНА 129

ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОК В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ
ОРАЗБАЕВ ИСЛАМБЕК ФАЙЗУЛЛАЕВИЧ 134

ПРАВОВАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ: КРИТЕРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ
ЮРЧЕНКО СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ 138

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС 141

КАЧЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАКТИЧЕСКИХ ДАННЫХ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОВЕРКИ СОДЕРЖАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ОСОБЕННОСТИ ДАННЫХ, СФОРМИРОВАННЫХ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
КИЧИГИН ОЛЕГ ЭМИЛЬЕВИЧ 142

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ТРУДОВЫХ СПОРАХ
СЫТНИК ДАНИЛ АРТЕМОВИЧ 149

О ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА
БАРЛЕТОВА МАРИЯ ДМИТРИЕВНА, КОСТРЮКОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ 154

ИНСТИТУТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОТЕРЬ КАК ДИСПОЗИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РИСКОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ЗАБАВСКИЙ ВЛАДИСЛАВ ДМИТРИЕВИЧ 157

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 160

ВИДЫ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ
ВОРОБЬЕВА ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА 161

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ
ВОРОБЬЕВА ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА 164

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ДЖИОШВИЛИ ГУРАМ ИВАНОВИЧ, ПЫНЬКО ЛЮСЬЕНА ЕВГЕНЬЕВНА 167

ФОРМИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
БАТУХТИНА КСЕНИЯ ИВАНОВНА, ПЫНЬКО ЛЮСЬЕНА ЕВГЕНЬЕВНА 171

ХОРОШО ЛИ ПЕДАГОГИ ЗНАЮТ СВОИ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ
ЗОТОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА 175

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ
АЛЕКСЕЕВА АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА 178

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ В КОНТЕКСТЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ
МАРТЮШЕВА СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА 182

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ
ТЕРЕНТЬЕВА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА 187

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.1

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: КРИТЕРИИ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРЕДЕЛЫ

ЮРЧЕНКО ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА
магистрант
ФГБОУ ВО АГПУ им. П.Д. Осипенко

Научный руководитель: Картамышева О.Е.
к. ю. н., зав. кафедры
ФГБОУ ВО АГПУ им. П.Д. Осипенко

Аннотация. В статье рассматривается социальная функция гражданского права как направленность гражданско-правового регулирования на признание и защиту юридически значимых интересов. Обосновывается функциональный, а не институциональный характер данной функции. Предлагаются критерии оценки её реализации с учётом законности, соразмерности правовых средств, баланса интересов и фактической результативности защиты.
Ключевые слова: гражданское право, социальная функция, частноправовая автономия, юридически значимый интерес, защита гражданских прав, соразмерность, баланс интересов.

THE SOCIAL FUNCTION OF CIVIL LAW: CRITERIA FOR IMPLEMENTATION AND LIMITS

Yurchenko Tatyana Alexandrovna

Scientific supervisor: Kartamysheva O.E.

Abstract. The article examines the social function of civil law as the orientation of civil-law regulation towards the recognition and protection of legally significant interests. The functional rather than institutional nature of this function is substantiated. Criteria for assessing its implementation are proposed, taking into account legality, proportionality of legal remedies, the balance of interests and the actual effectiveness of legal protection.
Key words: civil law, social function, private autonomy, legally significant interest, protection of civil rights, proportionality, balance of interests.

Современное гражданское право обеспечивает не только организацию имущественного оборота и осуществление частных прав, но и юридические условия защиты личности, восстановления нарушенного положения и предупреждения злоупотреблений. В связи с этим особое значение приобретает исследование социальной функции гражданского права, позволяющее оценить социальную направленность правового регулирования без отрицания его частноправовой природы.

Конституционные гарантии равенства, охраны собственности и судебной защиты создают основу для осуществления и защиты гражданских прав [1]. Гражданское законодательство конкретизирует эти положения посредством принципов равенства участников отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, добросовестности и недопустимости злоупотребления правом [2]. Следовательно, социальная направленность гражданско-правового регулирования должна реализовываться через правовые нормы и механизмы, а не посредством произвольного ограничения частной автономии.

Социальную функцию гражданского права целесообразно определять как обусловленное социальным назначением гражданско-правового регулирования направление его воздействия

на общественные отношения, обеспечивающее признание, осуществление и защиту юридически значимых частных интересов, восстановление нарушенного положения, предупреждение злоупотреблений и согласование частных и общественных интересов при сохранении принципов частноправовой автономии.

Предлагаемый подход предполагает различение институциональной и функциональной самостоятельности социальной функции. Она не образует отдельного института гражданского права и не выступает самостоятельным источником правовых ограничений. Её самостоятельность проявляется в возможности оценивать социальную направленность различных гражданско-правовых средств: регулятивных, охранительных, восстановительных, компенсационных и превентивных.

Практическая значимость такого понимания связана с необходимостью определять, достигает ли конкретный правовой механизм заявленной цели защиты. Для этого предлагается использовать следующие критерии:

1. **Юридическая обоснованность:** наличие правового основания для защиты интереса или ограничения осуществления права.
2. **Необходимость и соразмерность:** соответствие применяемого средства характеру нарушения и преследуемой правомерной цели.
3. **Баланс интересов:** учёт прав и законных интересов всех участников правоотношения без автоматического предпочтения частного или общественного интереса.
4. **Соответствие способа защиты нарушению:** способность избранного механизма восстановить право либо компенсировать последствия его нарушения.
5. **Фактическая результативность:** реальная возможность исполнить принятое решение и обеспечить достижение правового результата.

Указанные критерии позволяют перейти от общего утверждения о социальной значимости гражданского права к последовательной юридической оценке его действия. Например, компенсация сама по себе не гарантирует полного восстановления положения потерпевшего, если не учитывает характер и последствия нарушения. Аналогично защита общественного интереса не может оправдывать ограничение собственности или свободы договора без предусмотренного законом основания и соблюдения требований соразмерности.

Особую роль в реализации социальной функции гражданского права играют охранительные и компенсационные механизмы, поскольку именно они обеспечивают фактическое восстановление нарушенных интересов и нивелирование негативных последствий противоправного поведения. Применение таких средств должно оцениваться не только по формальному соответствию нормам закона, но и по их способности достигать реального правового результата: например, взыскание убытков должно быть не абстрактной санкцией, а инструментом, позволяющим потерпевшему вернуться в положение, существовавшее до нарушения. При этом соблюдение критерия соразмерности исключает чрезмерное обременение ответчика и сохраняет баланс между защитой пострадавшего и недопустимостью несправедливого ущемления прав обязанного лица [3].

Перспективным направлением развития правоприменительной практики является системный учёт предложенных критериев при квалификации спорных ситуаций и выборе способа защиты. Так, при разрешении споров, связанных с ограничением свободы договора в целях защиты «слабой стороны», суды должны последовательно обосновывать необходимость такого вмешательства, соотносить его с характером нарушения и оценивать, насколько избранный механизм действительно восстанавливает нарушенный интерес, а не подменяет автономию воли административным усмотрением. Такой подход позволяет избежать декларативности в признании социальной функции права и перевести её в плоскость проверяемых юридических решений, что повышает предсказуемость и справедливость гражданско-правового регулирования [4].

Таким образом, социальная функция гражданского права представляет собой не альтернативу частноправовой автономии, а характеристику социально значимого результата её правового осуществления. Её реализация требует согласованного применения принципов гражданского права, обоснованного выбора средств защиты и оценки их действительной эффективности. Предложенные критерии

могут использоваться при анализе гражданско-правовых норм, разработке предложений по совершенствованию законодательства и исследовании судебной практики.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.
3. Обзор судебной практики по отдельным вопросам применения норм о свободе договора и защите прав потребителей (утв. Президиумом ВС РФ, актуальные редакции).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

УДК 347.155

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ ГРАЖДАНИНА НЕДЕЕСПОСОБНЫМ

ФЕДОРОВА АЛЕКСАНДРА АНТОНОВНА
магистрант
РФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

Научный руководитель: Трифонов Сергей Геннадьевич
к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
РФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

Аннотация: Представленная статья посвящена комплексному анализу последствий проблем, возникающих в процессе признания граждан недееспособными. Автор анализирует проблемы, связанные с назначением и проведением судебно-психиатрических экспертиз, с соблюдением прав лиц, в отношении которых рассматривается вопрос о недееспособности, и с эффективностью деятельности органов опеки и попечительства. Автором также выделены основные противоречия и недостатки правового регулирования, практики применения законодательства и функционирования соответствующих институтов.
Ключевые слова: недееспособность, проблемы признания недееспособным, судебно-психиатрическая экспертиза, опекун, гражданское судопроизводство.

CURRENT PROBLEMS IN PROCEEDINGS CONCERNING THE DECLARATION OF A CITIZEN AS INCOMPETENT

Alexandra Antonovna Fedorova

Scientific adviser: Trifonov Sergey Gennadievich

Abstract: The presented article is devoted to a comprehensive analysis of the consequences of the problems that arise in the process of declaring citizens incapacitated. The author analyzes the problems related to the appointment and conduct of forensic psychiatric examinations, the observance of the rights of persons against whom the issue of incapacity is being considered, and the effectiveness of the activities of guardianship and custody authorities. The author also identifies the main contradictions and shortcomings in the legal regulation, the practice of applying the legislation, and the functioning of the relevant institutions.
Key words: incapacity, problems of declaring someone incapacitated, forensic psychiatric examination, guardian, civil proceedings.

Обеспечение социальной справедливости и защиты прав недееспособных лиц, которые не способны самостоятельно реализовывать свои права, является одной из главных задач правового государства. Согласно ч. 1 ст. 29 Гражданского кодекса Российской Федерации, гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным [1].

Производство по делам о признании граждан недееспособными, направленное на установление опеки и попечительства, обеспечивает защиту и поддержку благополучия уязвимых категорий населения. Однако, данная категория дел является сложной и деликатной, ввиду чего требует особого контроля для соблюдения баланса между защитой прав лица, в отношении которого ведется процесс, и необходимостью гарантировать его безопасность и достойные условия жизни.

В связи с ростом количества дел о признании граждан недееспособными, который обусловлен демографическими факторами и повышенным вниманием к психическому здоровью, выявлен ряд важных проблем, к числу которых относятся качество и объективность судебно-психиатрической экспертизы, эффективность органов опеки, риски злоупотребления правами и многие другие. Поскольку существующая правовые нормы и процессуальные механизмы не всегда могут в полной мере обеспечить эффективную защиту прав недееспособных граждан, анализ этих проблем и поиск путей их решения приобретают особое значение для совершенствования действующей системы правосудия.

Производство по делам о признании гражданина недееспособным, как уже отмечалось ранее, является сложным процессом, неизбежно сталкивающимся с комплексом специфических проблем. Данные проблемы затрагивают все этапы процесса, включая инициирование дела до защиты прав лица после вынесения решения, поэтому их можно разделить на несколько видов.

Прежде всего они включают проблемы процессуального характера, к которым относятся формальный подход к личному присутствию гражданина, которого хотят признать недееспособным, проблемы с эффективностью участия адвоката по назначению, отсутствие индивидуального подхода к делу. В некоторых случаях суд выходит за рамки заявленных требований и признает гражданина недееспособным по собственной инициативе, хотя в изначально заявленных требованиях значилось лишь ограничение дееспособности гражданина ввиду тех или иных обстоятельств.

Верховный Суд Российской Федерации в обзоре судебной практики указал на то, что это является грубым и недопустимым процессуальным нарушением, и хоть суд наделен правом выхода за пределы заявленных требований в определенных случаях, которые четко регламентированы, вопрос лишения или ограничения дееспособности к таковым не относится [2].

Стоит обратить внимание на то, что инициирование дела является первым этапом, где могут возникать сложности. Согласно ст. 281 ГПК РФ, дело о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства может быть возбуждено в суде на основании заявления членов его семьи, близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер) независимо от совместного с ним проживания, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или стационарной организации социального обслуживания, предназначенной для лиц, страдающих психическими расстройствами [3].

С одной стороны, упомянутые лица не всегда обращаются в суд с соответствующим заявлением, или у недееспособного лица не имеется семьи и близких родственников, которые бы также обратились в суд, ввиду чего возникает проблема, поскольку недееспособный гражданин, страдающий психическими расстройствами, может совершать противоправные действия [4].

С другой же стороны, существует повышенный риск злоупотреблений, особенно когда этим движут корыстные мотивы или конфликтные отношения. Недостаточный контроль со стороны суда и органов опеки при рассмотрении заявлений о признании гражданина недееспособным может привести к необоснованному возбуждению дела, что нарушает права и умаляет репутацию гражданина.

Другой вид проблем связан с судебно-психиатрической экспертизой (далее – СПЭ). В настоящее время качество и объективность СПЭ ставятся по сомнение. Использование устаревших методик, дефицит клинических данных и возможная зависимость экспертов от направившей организации могут приводить к ошибочным выводам. Отсутствие полноценного междисциплинарного взаимодействия также негативно сказывается, так как это приводит к неполной оценке состояния здоровья и функциональных возможностей человека, и, следовательно, к неверным решениям.

Кроме того, отсутствие эффективных механизмов оспаривания экспертизы также является существенным недостатком. Назначение повторной или дополнительной экспертизы, особенно для гражданина с ограниченными возможностями, зачастую сопряжено с существенными трудностями. Это под-

рывает принцип состязательности сторон, поскольку у лиц, чьи права ущемляются, нет реальных возможностей полноценно оспорить заключение, являющееся основополагающим доказательством. И раз заключение СПЭ является основополагающим доказательством при вынесении решения, наличие иных доказательств становится сомнительным и, в некоторых случаях, излишним, что только возлагает несправедливо большую доказательную нагрузку на экспертные учреждения.

Последствия признания гражданина недееспособным затрагивают все сферы его жизни, и здесь также выявляются существенные проблемы. Например, институт опеки также сталкивается с комплексом проблем. К ним относится трудность подбора компетентных опекунов, сочетающих юридические и моральные качества, а также знания в области ухода. Недостаточный контроль со стороны органов опеки создает риски злоупотреблений, как в имущественной, так и в личной сфере. Отсутствие системы обучения и поддержки опекунов снижает эффективность их работы.

В феврале 2025 года Государственная Дума Российской Федерации отклонила во втором чтении законопроект, внесенный на рассмотрение еще в 2016 году, согласно которому предлагалось ввести институт распределенной опеки, позволяющий различным некоммерческим и религиозным организациям также выступать в роли опекунов для недееспособных лиц наряду с членами семьи и государственными организациями [5].

Такая инициатива была выдвинута с расчетом на то, что с наличием «внешнего» опекуна у недееспособного лица будет возможность на существование и социализацию вне психоневрологического интерната и более узконаправленную защиту интересов. В законопроекте также предлагались иные меры поддержки защиты недееспособных лиц: разрешение на встречи с родственниками, отказавшимися от опеки, с адвокатами или общественниками наедине, без надзора сотрудников интерната, на переписку без цензуры, на пользование телефоном и получение денег за труд. Окончательное отклонение подобной инициативы порождает монополию органов опеки и ограниченный выбор возможных опекунов для недееспособных лиц.

Наконец, проблемы восстановления дееспособности представляют собой скорее исключение, а не правило. Процедура восстановления дееспособности остается исключительно сложной, процент успешных случаев крайне низок. Формальный подход к оценке изменений в состоянии здоровья, отсутствие гибкости и понимания динамики психических расстройств приводит к «закрепощению» статуса недееспособного, лишая человека шанса на возвращение к полноценной жизни [6].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что институт признания гражданина недееспособным нуждается в серьезном реформировании, затрагивающем многие аспекты, такие как контроль при инициировании дела, улучшение качества судебно-психиатрической экспертизы, упрощение процедуры восстановления дееспособности. Учитывая, что недееспособность является опровержимой презумпцией, нужно создать условия, при которых динамика развития того или иного гражданина будет находиться под постоянным мониторингом, а доказанный факт его полной или ограниченной дееспособности будет пересматриваться в зависимости от улучшения или ухудшения его состояния здоровья. Только при соблюдении этих условий государство сможет в полной мере реализовать свою главную задачу по обеспечению социальной справедливости и защиты прав наиболее уязвимых категорий населения.

Список источников

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 32. – ст. 3301. – 1994. – 5 декабря.

2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: https://sudact.ru/law/print/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_56/sudebnaia-kollegiia-po-grazhdanskim-delam/protsessualnye-voprosy/#1 (дата обращения: 19.08.2026).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 46. – ст. 4532. – 2002. – 18 ноября.

4. Мирзоян В.Г. Проблемы признания гражданина недееспособным / В.Г. Мирзоян // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-priznaniya-grazhdanina-nedeesposobnym (дата обращения: 19.08.2026).

5. Газета «Коммерсантъ»: Интернатам оставили права подопечных. [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: https://www.kommersant.ru/doc/7498352 (дата обращения: 19.08.2026).

6. Шутова В.И. Некоторые вопросы применения норм о признании гражданина недееспособным и пути их решения / В.И. Шутова // Отечественная юриспруденция. – 2017. – №4 (18). [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-primeneniya-norm-o-priznanii-grazhdanina-nedeesposobnym-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 19.08.2026).

© А.А. Фёдорова, 2026

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 340

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУТОВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ И СТИМУЛИРОВАНИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: АНАЛИЗ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ШЕСТАКОВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА
студентка
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Научный руководитель: Назаренко Наталия Алексеевна
к.ю.н доцент
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация. В статье анализируется эффективность институтов правовой защиты и стимулирования малого и среднего предпринимательства в России. Отмечается, что эти институты образуют многоуровневую систему, результативность которой зависит не только от качества законодательства, но и от практики его применения, а также от реальной доступности защитных механизмов для бизнеса. Рассматриваются основные проблемы: неопределенность правовых норм, административное давление, ограниченный доступ к судебной защите, избыточные процедуры получения государственной поддержки и сложности льготного кредитования. Отдельное внимание уделено институту уполномоченного по защите прав предпринимателей, прокурорскому надзору, цифровым платформам обратной связи и изменениям налогового законодательства. По результатам анализа предложены направления совершенствования.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, правовая защита предпринимательства, государственная поддержка, уполномоченный по защите прав предпринимателей, административные барьеры, налоговое стимулирование, льготное кредитование, цифровые платформы, совершенствование законодательства.

THE EFFECTIVENESS OF INSTITUTIONS FOR LEGAL PROTECTION AND STIMULATION OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES: ANALYSIS AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION.

Shestakova Ekaterina Sergeevna

Scientific adviser: Nazarenko Natalia Alekseevna

Abstract. The article analyzes the effectiveness of institutions providing legal protection and support for small and medium-sized businesses in Russia. It is noted that these institutions form a multi-level system, the effectiveness of which depends not only on the quality of legislation but also on the practice of its application, as well as on the actual availability of protective mechanisms for businesses. The main problems are examined:

the uncertainty of legal norms, administrative pressure, limited access to judicial protection, excessive procedures for obtaining state support, and difficulties with preferential lending. Special attention is paid to the institution of the entrepreneurial rights ombudsman, prosecutorial supervision, digital feedback platforms, and changes in tax legislation. Based on the analysis, areas for improvement have been identified.
Keywords: small and medium-sized businesses, legal protection of entrepreneurship, state support, ombudsman for the protection of entrepreneurs' rights, administrative barriers, tax incentives, preferential lending, digital platforms, improving legislation.

Анализ данной темы следует начать с констатации того, что институты правовой защиты и стимулирования малого и среднего предпринимательства в России представляют собой сложную, многоуровневую систему, эффективность которой определяется не только качеством нормативного регулирования, но и практикой правоприменения, а также реальной доступностью защитных механизмов для бизнеса.

Малый и средний бизнес играет существенную роль в экономике: по данным Министерства экономического развития, в 2024 году в этом секторе было занято около 19 миллионов человек, а его вклад в валовой внутренний продукт превысил 20 процентов. Однако именно субъекты малого и среднего предпринимательства оказываются наиболее уязвимыми при столкновении с административным давлением, неопределенностью правовых норм и ограниченностью ресурсов для судебной защиты [1, С. 284].

Ключевой проблемой, которая прослеживается в правоприменительной практике последних лет, остается неопределенность правовых норм. Размытые правила, не содержащие четких условий их применения, становятся причиной судебных споров между бизнесом и государственными органами.

Эта проблема имеет двойственный характер. С одной стороны, она порождает конфликты, связанные с толкованием законодательства при получении государственной поддержки, лицензировании, налоговом администрировании. С другой стороны, она снижает предсказуемость ведения бизнеса, что особенно критично для небольших компаний, не имеющих штатных юристов и возможности оперативно адаптироваться к меняющимся требованиям [2, С. 136].

По данным, приводимым в научной литературе, в 2024 году число отказов в предоставлении мер государственной поддержки выросло на 12 процентов по сравнению с 2023 годом и достигло 18,7 тысячи случаев [1]. Представляется, что значительная часть таких отказов связана именно с неясностью критериев предоставления тех или иных мер.

Отдельного внимания заслуживает институт уполномоченного по защите прав предпринимателей, правовой статус которого определен Федеральным законом «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [3] и который за более чем десятилетний период своего существования зарекомендовал себя как действенный механизм дополнительной защиты бизнеса. Показательны данные регионального уровня: так, по итогам работы уполномоченного по защите прав предпринимателей в Алтайском крае в 2021–2025 годах права предпринимателей были полностью или частично восстановлены в 39,8 процента случаев, а совокупный экономический эффект составил более 55,8 миллиона рублей, возвращенных или сохраненных бизнесом [4].

Вместе с тем институт нуждается в дальнейшем развитии. Федеральным законом от 26.06.2026 № 194-ФЗ проведена его реформа: уполномоченный переведен на уровень общественно-государственного института, финансовое и материально-техническое обеспечение его деятельности возложено на автономную некоммерческую организацию, а при обжаловании незаконных актов в суде уполномоченный может одновременно ходатайствовать о приостановлении их действия до вступления судебного решения в силу [5].

Эти изменения повышают гибкость и оперативность защиты бизнеса, однако не в полной мере отвечают запросу на повышение проактивности института. Представляется, что следующим шагом должно стать наделение уполномоченного правом обращаться в суд в защиту публичных интересов в сфере предпринимательской деятельности и проводить проверку фактов нарушения прав по собственной инициативе, а региональных уполномоченных – правом обращаться в суд с иском о защите прав предпринимателей. Это позволит институту реагировать на системные нарушения, а не только на ин-

дивидуальные жалобы.

Судебная защита прав предпринимателей также сталкивается с серьезными препятствиями. Среди них следует назвать недостаточную правовую культуру самих субъектов предпринимательства, процессуальные сложности, длительные сроки рассмотрения дел и ограниченный доступ к специализированным юридическим средствам [6, С. 54].

Кроме того, сохраняется проблема необоснованного применения мер процессуального принуждения по делам об экономических преступлениях, которые нередко приводят к фактическому прекращению деятельности предприятия еще до вынесения судебного решения.

Прокурорский надзор остается одним из ключевых механизмов защиты прав предпринимателей, позволяющим оперативно выявлять и пресекать нарушения закона со стороны органов власти и контролирующих органов. Как отмечается в литературе, эффективность правозащитной деятельности органов прокуратуры во многом зависит от их взаимодействия с предпринимательским сообществом [7]. Однако системная проблема заключается в том, что защита зачастую носит реактивный характер, тогда как бизнес нуждается в превентивных гарантиях.

Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства, будучи важнейшим инструментом стимулирования, также нуждается в совершенствовании правового регулирования. Принятый в декабре 2025 года и вступивший в силу с 1 марта 2026 года Федеральный закон № 555-ФЗ внес изменения в статьи 3 и 8 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [8]: понятие поддержки дополнено деятельностью организаций, ответственных за реализацию федеральных программ поддержки, перечень таких программ – мероприятиями федеральных органов исполнительной власти, корпорации развития малого и среднего предпринимательства и ее дочерних обществ, а также предусмотрена ежегодная актуализация соответствующего перечня Правительством РФ [9].

Однако проблема прозрачности процедур и доступности информации остается актуальной. Предприниматели нередко сталкиваются с необходимостью предоставления избыточных документов при получении субсидий и участии в аукционах, что создает для них дополнительный административный барьер.

Распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2025 года № 3523-р утверждена национальная модель целевых условий ведения бизнеса до 2030 года – система ключевых показателей эффективности и планов мероприятий («дорожных карт») на федеральном и региональном уровнях по одиннадцати направлениям, в том числе регистрации бизнеса и налогообложению, разрешению споров, конкуренции и банкротству. Ее цель – достижение Россией позиции не ниже 20-го места в рейтинге стран по условиям ведения бизнеса и обеспечение равных условий во всех субъектах Российской Федерации [10].

Цифровые платформы для подачи жалоб и обращений становятся все более значимым элементом системы правовой защиты. Платформа «Забизнес.РФ», функционирующая с 2019 года, предоставляет предпринимателям возможность пожаловаться на действия правоохранительных органов в случае оказания давления на бизнес [11].

На цифровой платформе МСП.РФ запущен сервис «360°» для работы с обращениями предпринимателей о нарушениях со стороны заказчиков при проведении закупок. С 2025 года действует Платформа обратной связи для бизнеса, позволяющая подать обращение через портал Госуслуг или мобильное приложение. Однако эффективность этих инструментов зависит от того, насколько оперативно и содержательно государственные органы реагируют на поступающие сигналы, а также от того, насколько предприниматели информированы о существующих возможностях [12; 13].

В сфере кредитования малого и среднего бизнеса сохраняются системные проблемы, имеющие правовую природу. Основной проблемой остается высокая стоимость финансовых ресурсов, обусловленная макроэкономическими факторами и оценкой рисков со стороны банков. Анализ правоприменительной практики позволяет выделить такие недостатки, как навязывание банками дополнительных услуг, отсутствие единых механизмов регулирования льготного кредитования и правовая неопределенность цифровых инструментов поддержки. Ограниченность залоговой базы и смешанный правовой статус индивидуальных предпринимателей также затрудняют доступ к финансированию. Решение этих

проблем требует не только совершенствования банковского регулирования, но и развития альтернативных механизмов обеспечения исполнения обязательств, включая более активное использование интеллектуальной собственности в качестве предмета залога, что, однако, требует юридической ясности состава передаваемых прав [14].

Налоговое стимулирование малого и среднего предпринимательства претерпевает существенные изменения. С 1 января 2026 года снижается порог доходов, при котором налогоплательщики, применяющие упрощенную систему налогообложения, освобождаются от уплаты налога на добавленную стоимость: с 60 миллионов до 20 миллионов рублей, с последующим снижением до 15 миллионов с 2027 года и до 10 миллионов с 2028 года. При этом лимит доходов для применения самой упрощенной системы налогообложения в 2026 году, напротив, увеличен и составляет 490,5 миллиона рублей [15]. Для субъектов малого и среднего предпринимательства в обрабатывающем производстве сохраняется действующий с 2025 года пониженный тариф страховых взносов в размере 7,6 процента.

Распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2025 года № 4125-р утвержден перечень видов экономической деятельности, при осуществлении которых субъекты малого и среднего предпринимательства вправе применять пониженный тариф страховых взносов; в него вошли, в частности, растениеводство, животноводство, рыболовство и производство пищевых продуктов. Эти меры направлены на снижение фискальной нагрузки, однако их эффективность будет зависеть от того, насколько просто и предсказуемо предприниматели смогут воспользоваться соответствующими льготами [16].

Обобщая изложенное, можно выделить несколько направлений совершенствования законодательства. Первое – повышение определенности правовых норм, регулирующих предоставление государственной поддержки, лицензирование и контрольные процедуры. Второе – дальнейшее развитие института уполномоченного по защите прав предпринимателей, включая расширение его полномочий по обращению в суд в защиту публичных интересов и проведению проверок по собственной инициативе. Третье – упрощение административных процедур и сокращение избыточных требований к документам, подаваемым предпринимателями для получения субсидий и участия в закупках. Четвертое — развитие цифровых платформ обратной связи с обеспечением обязательной и содержательной реакции государственных органов на поступающие обращения. Пятое – совершенствование правового регулирования льготного кредитования, включая установление единых требований к условиям предоставления кредитов и запрет навязывания дополнительных услуг.

Реализация этих мер в совокупности позволит повысить эффективность как защитных, так и стимулирующих институтов, что в конечном итоге создаст более благоприятные условия для развития малого и среднего предпринимательства в России.

Список источников

1. Пушкина Ж. В. Защита прав предпринимателей при государственной поддержке малого и среднего бизнеса // Молодой ученый. - 2025. - № 52 (603). -С. 283-286.

2. Абдульманов Б. А. Институциональные условия управления развитием малого бизнеса в региональных экономических системах // Теория и практика общественного развития. - 2025. - №. 11. - С. 134-141.

3. Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» от 07.05.2013 № 78-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 19, 13.05.2013, ст. 2305.

4. Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Алтайском крае: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://ombudsmanbiz22.ru/news/2086?ysclid=muei0vfogl848763075 (дата обращения: 22.09.2026).

5. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» и признании утратившей силу части 1.1 статьи 26 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» от 26.06.2026 № 194-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 26.06.2026, №

0001202606260031.

6. Синявский Н. Г. Государственное регулирование малого и среднего предпринимательства: формы, методы и перспективы // Вестник евразийской науки. – 2024. - №. 6. - С. 48-59.

7. Гусева А. Л. Роль прокурорского надзора в обеспечении конституционного права на свободу предпринимательской деятельности: актуальные аспекты и проблемы // Право и государство: теория и практика. - 2022. - № 8 (212). - С. 42-44.

8. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 31, 30.07.2007, ст. 4006.

9. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 3 и 8 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 29.12.2025 № 555-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета, № 1(9837), 12.01.2026.

10. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2025 № 3523-р (ред. От 03.08.2026) «О национальной модели целевых условий ведения бизнеса до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 49, 08.12.2025, ст.7609.

11. «За бизнес»: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://забизнес.рф/about (дата обращения: 22.09.2026).

12. Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/platforma_obratnoy_svyazi_dlya_biznesa_teper_rabotaet_vo_vseh_regionah_rossii.html?ysclid=muei9t423683920545 (дата обращения: 22.09.2026).

13. Бружукова О. В. Совершенствование инструментов информирования субъектов малого и среднего бизнеса о мерах государственной поддержки в регионах // Экономика и предпринимательство. - 2021. - № 1 (126). - С. 804-808.

14. Сорокина Е. А. К вопросу о введении легального определения «льготное кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства» // Проблемы экономики и юридической практики. - 2024. - № 3. - С. 121-127.

15. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 32, 07.08.2000, ст. 3340.

16. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2025 № 4125-р // СПС «КонсультантПлюс».

17. Бухаровой И.В. Актуальные проблемы предпринимательского права: монография. – Ростов н/Д: Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). -2025.

18. Цветкова, А. С. Правовое регулирование государственной поддержки предпринимательской активности в сельской местности / А. С. Цветкова, Н. А. Назаренко // Государство и право : Сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону : Всероссийский государственный университет юстиции, 2025. – С. 309-314. – EDN LECKZX.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.637

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ПО ДЕЛАМ О ЛИШЕНИИ И ОГРАНИЧЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

ЯРЕМЧУК МАРИЯ ОЛЕГОВНА
магистрант
Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС

Научный руководитель: Кулик Татьяна Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент
Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация: В статье рассматриваются особенности формирования и судебной оценки доказательственной базы по делам о лишении и ограничении родительских прав. Сопоставлены обстоятельства, подлежащие установлению при применении статей 69 и 73 Семейного кодекса Российской Федерации. На основе научных публикаций, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и обезличенных материалов судебной практики показано, что доказательственное значение документа определяется не его формальным видом, а связью содержащихся в нем сведений с конкретным основанием вмешательства в родительские права. Выделены основные группы доказательств и разграничены объективная невозможность получения отдельного доказательства и его неформирование при наличии обязанности и фактической возможности получить соответствующие сведения.
Ключевые слова: лишение родительских прав, ограничение родительских прав, доказывание, доказательства, оценка доказательств, орган опеки и попечительства, интересы ребенка, судебная практика.

PROBLEMS OF FORMATION AND EVALUATION OF THE EVIDENTIARY BASIS IN CASES OF DEPRIVATION AND RESTRICTION OF PARENTAL RIGHTS

Yaremchuk Maria Olegovna

Scientific adviser: Kulik Tatiana Yurievna

Abstract: The article examines the formation and judicial evaluation of evidence in cases concerning deprivation and restriction of parental rights. It compares the legally relevant circumstances to be established under Articles 69 and 73 of the Family Code of the Russian Federation. Drawing on legal scholarship, guidance of the Supreme Court of the Russian Federation and anonymized court materials, the article shows that the evidentiary value of a document depends not on its formal type but on the connection between the information it contains and the specific statutory ground for interference with parental rights. The main groups of evidence are identified, and objective impossibility of obtaining evidence is distinguished from failure to create it where a competent authority had both a legal duty and a practical opportunity to do so.
Key words: deprivation of parental rights, restriction of parental rights, proof, evidence, evaluation of evidence, guardianship authority, interests of the child, judicial practice.

Лишение и ограничение родительских прав различаются не только объемом правовых последствий, но и фактическими обстоятельствами, которые должны быть установлены судом.

Статья 69 Семейного кодекса Российской Федерации закрепляет исчерпывающий перечень оснований лишения родительских прав, тогда как статья 73 СК РФ связывает ограничение с опасностью оставления ребенка с родителями (одним из них) [1]. Поэтому наличие неблагополучной семейной ситуации само по себе еще не определяет меру, подлежащую применению. Для судебного решения имеет значение, какие именно обстоятельства подтверждены, каковы причины поведения родителя, носит ли оно виновный характер и что фактически происходит с ребенком.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации исходит из исключительного характера лишения родительских прав. При разрешении соответствующих требований суду необходимо установить конкретное основание, предусмотренное ст. 69 СК РФ, а при ограничении родительских прав – характер и степень опасности для ребенка, возможные последствия оставления его с родителем и причины возникновения такой опасности [2]. Эти разъяснения непосредственно определяют содержание доказательственной деятельности: один и тот же факт может иметь различное значение для применения ст. 69 и 73 СК РФ.

Т.В. Шершень приводит принципиальное для доказывания разъяснение Пленума Верховного Суда РФ: «лишение родительских прав является крайней мерой ответственности родителей», применяемой только за виновное поведение по основаниям ст. 69 СК РФ [3, с. 78]. Поэтому установление неблагополучия в семье еще не означает доказанности основания для лишения родительских прав.

Е.Е. Леканова разграничивает лишение и ограничение родительских прав по юридическим предпосылкам их применения [4, с. 103–110].

Н.А. Аблятипова и Ю.С. Луговая, анализируя ст. 73 СК РФ, выделяют две группы оснований ограничения: опасность, возникшую вследствие невиновного поведения родителя, и опасность, обусловленную его виновным поведением [5, с. 45].

Предмет доказывания по требованию о лишении родительских прав формируется положениями ст. 69 СК РФ. Недостаточно установить отсутствие общения, задолженность по алиментам, непроживание с ребенком или отдельные недостатки воспитания. Требуется установить такое поведение родителя, которое соответствует одному из предусмотренных законом оснований, а в случаях уклонения от выполнения обязанностей – исследовать продолжительность неисполнения, причины, реальную возможность участвовать в жизни ребенка и отношение родителя к своим обязанностям.

В.В. Котлярова, анализируя доказывание по делам о лишении родительских прав, указывает, что подтверждение одного лишь неучастия в материальном содержании ребенка не исчерпывает доказательственную задачу: требуется оценка иных проявлений виновного поведения [6, с. 33–37]. Суду необходимо установить обстоятельства, образующие предусмотренное ст. 69 СК РФ основание, и оценить представленные доказательства независимо от процессуальной позиции родителя.

По требованиям об ограничении родительских прав предмет доказывания строится иначе. В центре находится опасность оставления ребенка с родителем. Закон допускает две принципиально различные ситуации: опасность может возникнуть вследствие обстоятельств, от родителя не зависящих, либо вследствие его поведения, когда достаточных оснований для лишения родительских прав еще не установлено [1]. Поэтому доказательства должны позволять ответить как минимум на два вопроса: существует ли реальная опасность для ребенка и чем она обусловлена. При виновном поведении дополнительно имеет значение возможность его изменения и достаточность менее строгой меры.

Различие особенно заметно при оценке внешне благополучных бытовых условий. Категория опасности не сводится к состоянию жилья, обеспеченности продуктами или наличию непосредственного физического насилия. Н.А. Аблятипова и Ю.С. Луговая отмечают: «четких критериев определения оснований для отобрания ребенка законодательство не содержит» [5, с. 46]. Опасность необходимо связывать с реальной угрозой причинения вреда ребенку, подтверждаемой фактическими данными акта обследования, свидетельскими показаниями, объяснениями органа опеки и медицинскими заключениями. Следовательно, акт обследования жилищно-бытовых условий подтверждает лишь часть обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Общее правило распределения обязанности доказывания установлено ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: каждая сторона доказывает обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований и возражений [7]. Однако фактическое формирование доказательственной базы по рассматриваемой категории дел не укладывается полностью в обычную модель представления доказательств сторонами. Значительная часть сведений возникает в деятельности органов и организаций, которые могут вообще не быть сторонами процесса: образовательных и медицинских организаций, органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних, органов опеки и попечительства, социальных служб.

Эта особенность объясняет повышенное значение подготовки дела и своевременного получения документов. Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, обращал внимание на необходимость рассмотрения таких споров с учетом всех юридически значимых обстоятельств, а также на значение надлежащим образом подготовленного акта обследования и заключения органа опеки и попечительства [8]. Хотя данный Обзор предшествует постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 44, сформулированные в нем требования к полноте исследования семейной ситуации сохраняют значение для оценки доказательственной базы.

Особое место занимает заключение органа опеки и попечительства. В силу ст. 78 СК РФ орган опеки обязан провести обследование условий жизни ребенка и лица, претендующего на его воспитание, представить акт обследования и основанное на нем заключение по существу спора [1]. Вместе с тем заключение не имеет заранее установленной силы. Статья 67 ГПК РФ требует оценивать каждое доказательство с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а их совокупность – с точки зрения достаточности и взаимной связи [7]. Следовательно, специальная компетенция органа опеки не подменяет исключительную компетенцию суда по оценке доказательств.

А.Ю. Кравцов и Е.М. Сенотрусова среди нарушений при составлении актов обследования называют «формальный подход органов опеки и попечительства», использование формулировок «удовлетворительно», «нормально», а также преимущественное описание жилищно-бытовых условий «без должного изучения иных аспектов жизни несовершеннолетнего» [9, с. 43].

Такой акт может быть оформлен надлежащим образом, но не содержать сведений, необходимых для оценки реального положения ребенка и детско-родительских отношений. Удовлетворительное состояние жилья характеризует возможность родителя обеспечить бытовые условия, но не доказывает фактическое исполнение обязанностей по воспитанию конкретного ребенка. Длительность раздельного проживания, отсутствие контроля, сведения образовательных и профилактических органов, положение самого несовершеннолетнего характеризуют уже содержание родительского поведения. Изолированная оценка одного документа способна привести к выводу, не соответствующему фактической структуре семейных отношений.

Используемые в таких делах доказательства целесообразно группировать не по субъекту, от которого они получены, а по юридически значимому обстоятельству, для подтверждения которого соответствующие сведения используются. Такой подход позволяет избежать ситуации, когда наличие большого числа документов ошибочно воспринимается как достаточность доказательственной базы. Основные группы представлены в табл. 1.

Представленная классификация имеет функциональный характер. Один документ способен одновременно относиться к нескольким группам. Акт обследования может характеризовать бытовое положение ребенка и исполнение родителем обязанности по обеспечению его базовых потребностей; школьная характеристика – одновременно состояние ребенка, участие родителя в образовательном процессе и длительность неблагополучия. Поэтому доказательственное значение определяется содержанием сведений и их связью с предметом доказывания, а не названием документа.

Сведения о привлечении родителя к административной или уголовной ответственности оцениваются только в связи с основанием, предусмотренным ст. 69 СК РФ. Судимость или административное наказание сами по себе такого основания не образуют. В работе Н.А. Аблятиповой и Т.И. Гасановой на материале апелляционной практики показано, что даже уклонение от содержания ребенка не

всегда оправдывает применение крайней меры [10, с. 11–14]. Поэтому значение имеет не отрицательная характеристика родителя, а установленная связь его поведения с неисполнением родительских обязанностей.

Таблица 1

Основные группы доказательств по делам о лишении и ограничении родительских прав

Группа	Основные источники сведений	Устанавливаемые обстоятельства
Исполнение родительских обязанностей	Сведения образовательных и медицинских организаций, показания педагогов	Участие в воспитании, обучении, содержании и заботе о здоровье ребенка
Поведение родителя	Материалы ОВД, КДН, административных и уголовных производств, характеристики	Образ жизни и его связь с исполнением родительских обязанностей
Положение ребенка	Акты обследования, показания свидетелей, объяснения ребенка	Условия жизни, безопасность, характер детско-родительских отношений
Динамика семейной ситуации	Материалы профилактического учета, предупреждения, результаты работы с семьей	Продолжительность неблагополучия, принятые меры и реакция родителя

Мнение ребенка входит в доказательственную базу в силу ст. 57 СК РФ [1]. При этом необходимо различать сообщаемые несовершеннолетним факты и его эмоциональное отношение к родителю. В изученных материалах дети сохраняли привязанность к родителю одновременно с сообщением обстоятельств ненадлежащего контроля и фактического неучастия в воспитании. Позиция ребенка не заменяет установления основания ст. 69 или 73 СК РФ и оценивается вместе с другими доказательствами.

Для ограничения родительских прав центральна категория опасности. Н.А. Аблятипова и Ю.С. Луговая прямо отмечают: «четких критериев определения оснований для отобрания ребенка законодательство не содержит» [5, с. 46]. Характер и степень опасности определяются в каждом случае с учетом возраста, здоровья ребенка и иных обстоятельств. Набор документов сам по себе не решает вопрос о доказанности основания ограничения.

Доказательства семейного неблагополучия имеют временную характеристику. Разовый акт обследования фиксирует положение семьи на конкретную дату; материалы профилактического учета позволяют установить продолжительность нарушений, принятые меры и реакцию родителя. А.Ю. Кравцов и Е.М. Сенотрусова предлагают выяснять, велась ли с семьей профилактическая работа, какую помощь она получала и не носила ли эта работа формальный характер [9, с. 46]. Эти сведения нужны для установления устойчивости поведения родителя.

Материалы начинают формироваться до обращения в суд. Школа фиксирует посещаемость и состояние ребенка, медицинские организации – сведения о здоровье, органы внутренних дел и комиссии по делам несовершеннолетних – результаты профилактической работы.

Достаточность доказательственной базы определяется не числом актов, характеристик и справок. Для лишения родительских прав совокупность сведений должна подтверждать конкретное основание ст. 69 СК РФ; для ограничения – опасность оставления ребенка с родителем, ее источник и обстоятельства, позволяющие избрать меру, предусмотренную ст. 73 СК РФ [1; 2]. Несколько документов, воспроизводящих один факт, не компенсируют отсутствие сведений о других юридически значимых обстоятельствах.

Объективная невозможность получить отдельное доказательство и его неформирование при наличии соответствующей обязанности имеют различное процессуальное значение. В первом случае обстоятельство может быть установлено другими допустимыми доказательствами. Во втором неполнота материалов характеризует работу субъекта, обязанного выявлять, фиксировать или передавать

сведения о положении ребенка, и может требовать самостоятельного процессуального реагирования.

Список источников

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 1.
3. Шершень Т. В. Лишение родительских прав как мера защиты прав и интересов ребенка и обеспечения его безопасности // Вестник Прикамского социального института. – 2018. – № 2 (80). – С. 76–83.
4. Леканова Е. Е. Теоретические и правоприменительные аспекты лишения и ограничения родительских прав // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 2 (135). – С. 103–110.
5. Аблятипова Н. А., Луговая Ю. С. Ограничение родительских прав: современные проблемы реализации // Крымский научный вестник. – 2019. – № 1 (22). – С. 44–50.
6. Котлярова В. В. К вопросу о доказывании по делам о лишении родительских прав // Мировой судья. – 2021. – № 10. – С. 33–37.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
8. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7.
9. Кравцов А. Ю., Сенотрусова Е. М. Некоторые вопросы участия прокурора в рассмотрении судами споров о лишении родительских прав // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 4 (103). – С. 42–49. – DOI 10.26516/2071-8136.2023.4.42.
10. Аблятипова Н. А., Гасанова Т. И. Лишение родительских прав: анализ правоприменительной практики по отдельным основаниям // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 1. – С. 11–14. – DOI 10.24412/2414-3995-2024-1-11-14.
11. Шаталова П. В., Губайдуллина Э. Х. Проблемы правоприменительной практики лишения и ограничения родительских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 3-1 (54).

© М.О. Яремчук, 2026

УДК 34.347.61

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

МАНИФАСОВА ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА
студент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: Боярская Юлия Андреевна
доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация. В работе рассматриваются семейная политика государства и демографические стратегии как взаимосвязанные направления социального развития. Анализируются цели и основные инструменты государственной поддержки семьи, включая меры материальной помощи, развитие социальных услуг, поддержку родительства и создание условий для совмещения профессиональной занятости и семейных обязанностей. Особое внимание уделяется демографическим вызовам — снижению рождаемости, старению населения и изменениям семейных моделей — и подходам к их преодолению. Рассматриваются возможности направленные на стимулирование рождаемости, укрепление института семьи и повышение качества жизни населения. Подчёркивается, что эффективность демографической стратегии зависит не только от финансовых стимулов, но и от комплексной, долгосрочной семейной политики, учитывающей потребности разных поколений и социальных групп.
Ключевые слова: семейная политика, профессиональная демографическая политика, рождаемость, смертность, демографическое развитие.

STATE FAMILY POLICY AND DEMOGRAPHIC STRATEGIES

Manifasova Valeria Sergeevna

Scientific adviser: Boyarskaya Yulia Andreevna

Abstract. The paper examines the state's family policy and demographic strategies as interrelated areas of social development. The goals and main tools of state support for the family are analysed, including measures of financial assistance, the development of social services, support for parenthood, and the creation of conditions for combining professional employment with family responsibilities. Special attention is paid to demographic challenges — the decline in the birth rate, the ageing of the population, and changes in family models — and to approaches to overcoming them. The possibilities aimed at stimulating the birth rate, strengthening the institution of the family, and improving the quality of life of the population are considered. It is emphasized that the effectiveness of a demographic strategy depends not only on financial incentives but also on a comprehensive, long-term family policy that takes into account the needs of different generations and social groups.
Keywords: family policy, professional demographic policy, birth rate, death rate, demographic development.

В современном обществе особую актуальность приобретает проблема демографического кризиса, которая проявляется прежде всего как депопуляция: рождаемость падает ниже уровня простого

воспроизводства и оказывается меньше уровня смертности. Государство стремится отвечать на эти изменения с помощью семейной политики.

Семья играет важную роль не только в жизни отдельного человека, но и в развитии общества. В семье рождаются и воспитываются дети, передаются культурные ценности, традиции. Поэтому изменения в семейной жизни, такие как снижение рождаемости, увеличение возраста вступления в брак, рост числа одиноких родителей - влияют на демографическое, а вследствие и на экономическое будущее страны.

Государство принимает комплект мер для поддержки семьи как фундаментальной ячейки общества, что называется семейной политикой. Она включает в себя законы, пособия, услуги и программы. Цели политики - укрепить институт семьи, повысить благосостояние семей, создать наиболее благоприятные условия для жизни, а также поддержать семьи в сложных жизненных ситуациях.

Государственная семейная политика и демографические стратегии находятся в неразрывной взаимосвязи: если первая формирует необходимую социально-экономическую среду для функционирования семей, то вторая определяет целевые ориентиры и долгосрочные задачи по трансформации демографических показателей. Демографическое планирование охватывает не только рождаемость, но и здоровье населения, продолжительность жизни, миграцию, распределение людей по возрасту и регионам.

Демографическая стратегия представляет собой долгосрочный план действий. Важно не только описывать проблему, но и понимать её причины: низкая рождаемость может быть связана в разных регионах с нехваткой рабочих мест, дорогим жильём, недостатком медицинских услуг.

Так, первым элементом стратегии должно выступать создание условий, при которых желаемый показатель рождаемости становится достижимым. Для чего необходимы доступное жильё, хорошая занятость населения, качественные услуги по уходу за детьми. Создание таких условий, в которых родительство не будет препятствовать работе и не лишит возможности учиться.

Второе направление - снижение смертности и увеличение продолжительности жизни. Доступность медицинских услуг, профилактика заболеваний, ежегодные медицинские осмотры, безопасность труда, поддержка психического здоровья влияют на демографию также значительно, как и программы поддержки рождаемости.

Третье направление - адаптация социальной структуры к старению населения. Для этого нужно развивать медицину, социальный уход, не допускать возрастную дискриминацию.

Проблемы функционирования современной семьи отражаются в ежегодных посланиях и указах Президента и программах партий, являются предметом оживленных дискуссий исследователей, политиков, опросов общественного мнения. С 2006 г. действует федеральный проект «Крепкая семья», в мае 2014 г. сформирован федеральный научнокоординационный совет РАО по вопросам семьи и детства. Правительство РФ своим распоряжением от 25.08.2014 № 1618-р утвердило Концепцию государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г., которая была направлена на поддержку, укрепление и защиту семьи, сохранение традиционных семейных ценностей.

На настоящее время, 15 марта 2025 (в редакции от 30.04.2026) года Председателем Правительства РФ было подписано распоряжение об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года. Стратегия рассчитана на два этапа: первй этап с 2025 по 2030 гг., второй этап с 2031 по 2036 гг. Ключевым механизмом реализации утверждённой стратегии стал новый национальный проект «Семья». Целью проекта является увеличение числа семей с детьми, в том числе многодетных, укрепление семейных ценностей. В ключевые мероприятия национального проекта: создание не менее 1000 комнат матери и ребенка и групп кратковременного пребывания детей в образовательных организациях высшего образования, предоставление материнского капитала на улучшение жилищных условий, образование, пенсионные накопления, предоставление Единого пособия нуждающимся семьям, предоставление «Семейной ипотеки». Также в стратегии предлагается расширение практики использования гибкого графика, дистанционного и другого индивидуального формата работы для беременных женщин и сотрудников, имеющих несовершеннолетних детей, синхронизация режимов работы детских садов с графиками работы родителей

с помощью создания дежурных групп, поощрение успешных практик работодателей по поддержке сотрудников с семейными обязанностями.

Таким образом, семейная политика и демографические стратегии связаны между собой. Главная задача государства - создать среду, в которой граждане могут спокойно, свободно и безопасно стоить семейную жизнь, рожать и воспитывать детей, получая необходимую поддержку. Семейная политика работает в основном с мировоззренческими вопросами, которые связаны со строем общества. Она формирует поведение людей, их установки, которые складываются на моральных принципах. А средства демографической политики направлены в большей степени на помощь их реализации и лишь затем на корректировку поведения на основе материальных стимулов и ограничений. Именно поэтому важную роль играет пропаганда семейного образа жизни, акцент на семью, а не на отдельного гражданина.

Список источников

1. Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева Семья в системе социальных институтов общества: учебное пособие для вузов - М.:Юрайт, 2019. - 148 с.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 г. № 1618-р
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р (в редакции от 30.04.2026)
4. Синица А.Л. Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 1) // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 1. С. 50-59. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.4

УДК 347.63

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО И ПРЕДЕЛЫ УПРАВЛЕНИЯ ЕГО ИМУЩЕСТВОМ РОДИТЕЛЯМИ

КАЛМЫКОВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции Минюста России»

Аннотация: В статье рассматривается самостоятельный характер имущественных прав несовершеннолетнего и пределы полномочий родителей при управлении принадлежащим ребёнку имуществом. Анализируются положения семейного и гражданского законодательства, гарантии защиты имущественных интересов ребёнка и проблемы правоприменения. Обосновывается необходимость оценивать не только формальное соблюдение процедуры совершения сделки, но и её реальные последствия для имущественного положения несовершеннолетнего.
Ключевые слова: несовершеннолетний, имущественные права ребёнка, право собственности, родители, законное представительство, управление имуществом, орган опеки и попечительства, конфликт интересов, защита прав ребёнка.

INDEPENDENCE OF A MINOR'S PROPERTY RIGHTS AND THE LIMITS OF PARENTS' AUTHORITY TO MANAGE THE CHILD'S PROPERTY

Kalmykova Elena

Abstract: The article examines the independent nature of a minor's property rights and the limits of parental authority in managing a child's property. It analyses family and civil law provisions, safeguards for the child's property interests, and law enforcement challenges. The article argues that assessment of transactions should address not only formal compliance but also their actual consequences for the minor's financial position.
Key words: minor, child's property rights, ownership, parents, legal representation, property management, guardianship authority, conflict of interests, protection of children's rights.

Актуальность темы обусловлена тем, что имущественные отношения между родителями и детьми одновременно затрагивают семейные обязанности, гражданско-правовую самостоятельность ребёнка и публичные механизмы защиты его интересов. Родители выступают законными представителями несовершеннолетних, однако это положение не превращает имущество ребёнка в имущество семьи и не предоставляет родителям неограниченного усмотрения при распоряжении им. В практическом плане ключевой вопрос заключается в том, как совместить необходимость представительства ребёнка с признанием его самостоятельного имущественного статуса.

Статья 60 Семейного кодекса Российской Федерации закрепляет раздельность имущества родителей и детей и определяет основные имущественные права ребёнка. Ребёнок имеет право на получение содержания от родителей и других членов семьи в случаях и порядке, установленных законом; суммы, причитающиеся ребёнку в качестве алиментов, пенсий и пособий, поступают в распоряжение родителей или лиц, их заменяющих, и должны расходоваться на содержание, воспитание и образова-

ние ребёнка. При этом ребёнок сохраняет право собственности на полученные им доходы, имущество, приобретённое на его средства, а также имущество, полученное в дар или по наследству [2, ст. 60].

Из содержания указанной нормы следует принципиальное разграничение двух правовых плоскостей. Первая связана с обязанностью родителей обеспечивать ребёнка материально; вторая — с принадлежностью ребёнку собственного имущества. Эти плоскости взаимодействуют, но не поглощают друг друга. Наличие у несовершеннолетнего имущества само по себе не освобождает родителей от обязанности его содержать, а исполнение этой обязанности не создаёт у родителей права собственности на имущество ребёнка. Такой подход соответствует конституционной обязанности государства обеспечивать защиту детства и семьи [1, ст. 38].

1. Имущественные права ребёнка как самостоятельная правовая категория

Имущественные права несовершеннолетнего не следует сводить только к праву получать содержание. Их содержание включает возможность быть собственником имущества, приобретать имущественные права по сделкам и наследованию, получать доходы, а также защищать принадлежащие ему права законными способами. Правовая специфика состоит в том, что объём самостоятельных действий ребёнка зависит от возраста и предусмотренного гражданским законодательством объёма дееспособности.

Гражданский кодекс Российской Федерации разграничивает дееспособность малолетних и несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. За малолетних, за установленными законом исключениями, сделки совершают от их имени родители, усыновители или опекуны; подростки от четырнадцати до восемнадцати лет, как правило, совершают сделки с письменного согласия законных представителей, при этом закон предусматривает перечень действий, которые они вправе осуществлять самостоятельно [3, ст. 26, 28]. Следовательно, участие родителей в имущественных отношениях должно определяться не общим представлением о родительской власти, а конкретным законодательным режимом дееспособности ребёнка.

В научной литературе подчёркивается межотраслевой характер статуса несовершеннолетнего как собственника: соответствующие отношения регулируются нормами гражданского и семейного права, а также специальными правилами, направленными на охрану интересов ребёнка [7]. Данный вывод представляется обоснованным, поскольку право собственности закрепляется гражданским законодательством, тогда как семейное законодательство определяет особенности отношений родителей и детей, в том числе обязанности по содержанию и правила раздельности их имущества.

Вместе с тем межотраслевой характер регулирования может создавать риск формального подхода, когда соблюдение одной нормы ошибочно воспринимается как достаточное условие правомерности всей ситуации. Например, наличие согласия законного представителя не означает, что любое действие с имуществом ребёнка автоматически соответствует его интересам. Необходимо учитывать содержание сделки, её экономические последствия, сохранение стоимости имущества и отсутствие недопустимого конфликта интересов.

2. Пределы полномочий родителей при управлении имуществом несовершеннолетнего

Родительское представительство предназначено для обеспечения прав ребёнка, а не для предоставления родителю самостоятельного преимущества. Поэтому полномочия законного представителя должны толковаться функционально: родитель действует в той мере, в какой это необходимо для реализации прав и защиты законных интересов несовершеннолетнего. Имущество ребёнка не может рассматриваться как свободный ресурс для покрытия любых семейных расходов или личных обязательств родителя.

Особое значение имеют ограничения, установленные для распоряжения имуществом подопечных. Статья 37 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает специальные требования к распоряжению имуществом подопечного, включая необходимость предварительного разрешения органа опеки и попечительства в предусмотренных законом случаях. Правила, касающиеся распоряжения имуществом несовершеннолетних родителями, применяются с учётом положений гражданского законодательства и законодательства об опеке и попечительстве [3, ст. 37; 4]. Цель этих ограничений состоит в предупреждении сделок, способных ухудшить имущественное положение ребёнка.

При этом административное разрешение или соблюдение установленной процедуры не должны подменять содержательную оценку сделки. В частности, при отчуждении принадлежащего ребёнку имущества важно выяснить, сохраняется ли имущественная ценность в интересах несовершеннолетнего, является ли встречное предоставление соразмерным, не создаёт ли сделка неоправданных рисков и как будет использоваться полученное взамен имущество или денежные средства. В исследованиях, посвящённых защите имущественных прав несовершеннолетних, обращается внимание на значение системности правоприменения и согласованности правовых механизмов [8].

По мнению автора, центральным критерием правовой оценки должно выступать не удобство сделки для взрослых членов семьи, а её объективная направленность на сохранение или улучшение положения ребёнка. Это не означает, что всякая сделка, после которой стоимость имущества изменилась или уменьшилась, автоматически незаконна. Иногда отчуждение объекта может быть оправдано необходимостью переезда, изменением жизненных обстоятельств или приобретением другого имущества. Однако такие обстоятельства должны подтверждаться, а последствия — оцениваться с учётом конкретных интересов несовершеннолетнего.

3. Конфликт интересов и гарантии защиты имущества ребёнка

Наиболее сложные ситуации возникают тогда, когда интересы ребёнка и его законного представителя не совпадают. Конфликт может быть явным, например при сделке между ребёнком и родителем, либо фактическим, когда имущество несовершеннолетнего используется для достижения цели, преимущественно выгодной взрослому. В таких случаях сама семейная связь не устраняет необходимости правовой проверки. Напротив, зависимость ребёнка от родителя усиливает значение внешних гарантий и процедур, предусмотренных законодательством.

Законодательство об опеке и попечительстве устанавливает дополнительные гарантии защиты имущества лиц, нуждающихся в представительстве, и определяет полномочия органов опеки и попечительства [4]. Однако эффективность защиты зависит не только от наличия разрешительных процедур, но и от качества оценки представленных сведений. При рассмотрении вопроса о допустимости сделки необходимо выяснять, какие именно права ребёнка затрагиваются, имеются ли альтернативные варианты, как обеспечивается сохранность имущественного эквивалента и не возникает ли ситуация, в которой представитель фактически распоряжается имуществом в собственном интересе.

Важное значение имеют и общие принципы защиты прав ребёнка, закреплённые Конвенцией о правах ребёнка. В частности, при действиях в отношении детей первоочередное внимание должно уделяться наилучшему обеспечению их интересов [5, ст. 3]. Этот принцип не заменяет конкретных норм национального законодательства, но задаёт ориентир для их толкования и применения. В российской правовой системе он должен реализовываться через оценку фактических последствий решения для ребёнка, а не через абстрактные ссылки на его благополучие.

Судебная практика по делам, связанным с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних, также требует учитывать реальные обстоятельства семейных отношений и содержание спорного правоотношения, а не ограничиваться формальными признаками [6]. Для имущественных споров это означает необходимость устанавливать характер сделки, объём полномочий представителя, соблюдение специальных требований и последствия для ребёнка. В то же время недопустимо автоматически предполагать недобросовестность родителей: правовая оценка должна быть основана на доказательствах и учитывать конкретную ситуацию.

4. Направления совершенствования правоприменения

Представляется, что совершенствование защиты имущественных прав несовершеннолетних не должно сводиться к увеличению числа формальных согласований. Чрезмерно усложнённая процедура способна затруднить совершение сделок, объективно необходимых ребёнку, не обеспечивая при этом более качественной защиты. Приоритетным направлением является повышение содержательности оценки: решение должно объяснять, каким образом сделка соотносится с интересами несовершеннолетнего и какие меры обеспечивают сохранность его имущественного положения.

Во-первых, целесообразно последовательно применять критерии оценки последствий сделки: принадлежность имущества, характер распоряжения, соразмерность встречного предоставления, со-

хранение имущественного эквивалента, наличие альтернатив и возможный конфликт интересов. Во-вторых, при рассмотрении спорных ситуаций необходимо учитывать не только момент заключения сделки, но и её фактическое исполнение. В-третьих, мотивировка решений уполномоченных органов и судебных актов должна позволять понять, какие интересы ребёнка были установлены и каким образом они получили правовую защиту.

В-четвёртых, представляется оправданным дальнейшее развитие методических подходов к рассмотрению дел, связанных с распоряжением имуществом несовершеннолетних. Такие подходы могли бы включать перечень юридически значимых обстоятельств, рекомендации по оценке документов о встречном предоставлении и правила выявления конфликта интересов. При этом методические рекомендации не должны подменять закон или превращаться в закрытый перечень допустимых сделок: индивидуальная оценка конкретных обстоятельств должна сохраняться.

В-пятых, следует уделять внимание доступности правовой информации для родителей и самих несовершеннолетних с учётом их возраста. Разъяснение различий между собственностью ребёнка и имуществом родителей, правил совершения сделок и способов защиты прав способно предупреждать споры ещё до обращения в суд. Научные исследования вопросов защиты имущества несовершеннолетних подтверждают значимость комплексного, межотраслевого подхода к этой проблематике [9, с. 76–80; 10, с. 27–29].

Таким образом, имущественные права несовершеннолетнего представляют собой самостоятельную правовую сферу, которая не утрачивает независимого характера вследствие возраста ребёнка или осуществления родителями законного представительства. Родители обязаны обеспечивать реализацию прав ребёнка, но не вправе рассматривать принадлежащее ему имущество как собственный имущественный ресурс. Допустимость действий с таким имуществом должна оцениваться с учётом норм гражданского и семейного законодательства, специальных гарантий и фактических последствий для несовершеннолетнего.

По мнению автора, наиболее перспективным направлением повышения эффективности защиты является сочетание ясных процедурных требований с содержательной оценкой интересов ребёнка. Такой подход позволяет одновременно предупреждать злоупотребления и не препятствовать сделкам, объективно необходимым несовершеннолетнему. Практическая ценность правового регулирования проявляется не только в наличии запретов и разрешительных процедур, но и в способности обеспечить сохранность имущества ребёнка, обоснованность решений и доступность эффективных способов защиты.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.
4. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве».
5. Конвенция о правах ребёнка: принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей».
7. Белова Т. В. Специфика права собственности несовершеннолетних: цивилистические межотраслевые аспекты // Семейное и жилищное право. 2023. № 5. С. 5–9. DOI: 10.18572/1999-477X-2023-5-5-9.
8. Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю. Защита имущественных прав несовершеннолетних: анализ системности правоприменительной практики // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 1. С. 84–90. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.1.12.
9. Игнатьева С. В. К вопросу о защите имущественных прав несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 76–80. DOI: 10.35750/2071-8284-

2020-1-76-80.

10. Чашкова С. Ю. Эффективность национального механизма защиты некоторых имущественных прав несовершеннолетних на жилое помещение // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 27–29. DOI: 10.18572/1999-477X-2020-3-27-29.

ФИНАНСОВОЕ, НАЛОГОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

УДК 347.736

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО: ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНУ ОТ 26.07.2026 № 253-ФЗ

МАРТЮШЕВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА
студент ЗФО группы Юмп-26.02
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»
Школы права и управления

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основы вознаграждения арбитражного управляющего и предстоящие изменения статьи 20.6 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», предусмотренные Федеральным законом от 26 июля 2026 г. № 253-ФЗ. Анализируются новые размеры фиксированного вознаграждения, особенности расчета процентных выплат, правила определения вознаграждения антикризисного управляющего и основания для снижения вознаграждения судом. Отдельное внимание уделяется переходным положениям и практическому значению реформы для управляющих, должников и кредиторов.
Ключевые слова: арбитражный управляющий, банкротство, вознаграждение, фиксированная сумма, процентное вознаграждение, конкурсное производство, реструктуризация долгов, кредиторы, Федеральный закон № 253-ФЗ.

REMUNERATION OF AN INSOLVENCY PRACTITIONER: AMENDMENTS UNDER FEDERAL LAW NO. 253-FZ OF 26 JULY 2026

Martyusheva Elizaveta Vladimirovna

Abstract. The article examines the legal framework governing insolvency practitioners' remuneration and the forthcoming amendments to Article 20.6 of the Russian Federal Law on Insolvency introduced by Federal Law No. 253-FZ of 26 July 2026. It analyses revised fixed remuneration amounts, percentage-based payments, special rules for an anti-crisis manager, and grounds for judicial reduction of remuneration. Particular attention is paid to transitional provisions and the practical implications of the reform for insolvency practitioners, debtors and creditors.
Keywords: insolvency practitioner, bankruptcy, remuneration, fixed remuneration, percentage-based remuneration, bankruptcy proceedings, debt restructuring, creditors, Federal Law No. 253-FZ.

Введение

Вознаграждение арбитражного управляющего является одним из существенных элементов правового регулирования несостоятельности (банкротства). От порядка его определения зависят заинтересованность управляющего в надлежащем исполнении обязанностей, качество проведения процедуры и соблюдение баланса интересов должника и кредиторов.

Арбитражный управляющий выполняет профессиональные функции, связанные с анализом финансового состояния должника, выявлением имущества и сделок, организацией расчетов с кредитора-

ми и проведением предусмотренных законом процедур. Основные правила выплаты вознаграждения установлены статьей 20.6 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1].

Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 253-ФЗ предусматривает изменения статьи 20.6, затрагивающие размеры фиксированных выплат, порядок расчета процентного вознаграждения и основания его снижения [2]. Рассматриваемые изменения вступают в силу с учетом установленных законом сроков, в том числе с 27 июля 2027 г. для соответствующих положений статьи 20.6. При этом необходимо учитывать специальные переходные правила.

В центре внимания данной статьи — анализ грядущих новелл законодательства о гонорарах арбитражных управляющих и оценка их влияния на сложившуюся правоприменительную практику.

1. Правовая природа и структура вознаграждения арбитражного управляющего

В соответствии со статьей 20.6 Закона о банкротстве арбитражный управляющий имеет право на вознаграждение и возмещение фактически понесенных расходов, связанных с исполнением возложенных на него обязанностей. В соответствии с общим принципом, источником выплаты вознаграждения выступают средства должника, за исключением случаев, когда иная норма установлена законодательно [1, ст. 20.6]. Механизм оплаты труда управляющего опирается на две основные функции: компенсационную и мотивационную. Первая предназначена для покрытия понесенных специалистом издержек, связанных с его деятельностью, тогда как вторая призвана стимулировать его к добросовестному и высококачественному решению профессиональных задач. По закону вознаграждение арбитражного управляющего складывается из двух частей: фиксированной суммы, выплачиваемой за выполнение функций или сопровождение процедуры, а также переменной доли, величина которой зависит от особенностей конкретного дела и установленных нормативов.

В предусмотренных законом случаях фиксированное вознаграждение может быть увеличено арбитражным судом с учетом объема и сложности работы. Закон также допускает установление дополнительного вознаграждения за счет средств кредиторов в установленном порядке [1, ст. 20.6].

Законодательное регулирование института банкротства должно базироваться на принципе соблюдения пропорциональности между материальным стимулированием деятельности управляющего и защитой экономических интересов кредиторов и должника.

2. Изменение размеров фиксированного вознаграждения с 27 июля 2027 года

Федеральный закон № 253-ФЗ предусматривает пересмотр размеров фиксированного вознаграждения и дифференциацию выплат в зависимости от вида процедуры, периода ее проведения и объема полномочий управляющего [2].

Предусмотренные изменения включают следующие размеры фиксированного вознаграждения:

1. **Антикризисный управляющий до утверждения плана реструктуризации долгов** либо до прекращения производства по делу — 50 000 рублей в месяц.
2. **Антикризисный управляющий после утверждения плана реструктуризации** — 50 000 рублей в месяц. Если ему переданы полномочия руководителя должника, размер составляет 90 000 рублей в месяц, если планом не предусмотрен более высокий размер за счет должника.
3. **Временный управляющий** — 50 000 рублей в месяц за первые четыре месяца наблюдения и 25 000 рублей в месяц за последующий период.
4. **Административный управляющий** — 50 000 рублей в месяц.
5. **Внешний управляющий** — 90 000 рублей в месяц.
6. **Конкурсный управляющий** — 90 000 рублей в месяц за первые девять месяцев конкурсного производства и 30 000 рублей в месяц за последующий период.
7. **Управляющий в предусмотренных законом специальных случаях**, связанных с отсутствующим должником или прекращением дела по отдельным основаниям, — 50 000 рублей единовременно.
8. **Финансовый управляющий** — 25 000 рублей единовременно за процедуру [2].

Действующая система расчетов в делах о банкротстве учитывает стадийность процесса, что подтверждается повышенным вознаграждением арбитражного управляющего в начальный период

(первые девять месяцев). Тем не менее, временной критерий не всегда коррелирует с реальной трудоемкостью. Зачастую продление процедуры обусловлено внешними факторами (проведением нетривиальных торгов, затяжными судебными спорами), не зависящими от эффективности работы управляющего. Следовательно, определение размера и порядка выплаты вознаграждения должно основываться на применимых нормах закона, уникальных обстоятельствах спора и механизмах судебного контроля.

3. Вознаграждение антикризисного управляющего при реструктуризации долгов

Особое регулирование предусмотрено для вознаграждения антикризисного управляющего после утверждения плана реструктуризации долгов. Если управляющему переданы полномочия руководителя должника, процентная часть определяется с учетом увеличения чистых активов должника за период с даты утверждения плана до завершения реструктуризации [2].

Закон предусматривает следующую шкалу расчета:

1. При увеличении чистых активов до 10 млн рублей — 3%.
2. При увеличении от 10 млн до 100 млн рублей — 300 000 рублей плюс 1,5% суммы превышения над 10 млн рублей.
3. При увеличении от 100 млн до 1 млрд рублей — 1 650 000 рублей плюс 0,5% суммы превышения над 100 млн рублей.
4. При увеличении свыше 1 млрд рублей — 6 150 000 рублей плюс 0,1% суммы превышения над 1 млрд рублей, но не более 200 млн рублей.

Если после утверждения плана антикризисный управляющий не осуществляет полномочия руководителя должника, его процентное вознаграждение составляет 25% от суммы, рассчитанной по указанной шкале [2].

Использование данной модели предполагает обязательное документальное обоснование финансовых данных. Во избежание разногласий рекомендуется фиксировать исходные показатели на момент утверждения плана, данные на дату окончания реструктуризации, а также алгоритм расчета чистых активов. Важно учитывать, что рост чистых активов не гарантирует реального наличия у должника ликвидных средств для погашения задолженности. В связи с этим расчеты должны строго соответствовать законодательным нормам и отражать реальное экономическое состояние компании.

4. Новая шкала процентного вознаграждения конкурсного управляющего

Федеральный закон № 253-ФЗ изменяет шкалу процентного вознаграждения конкурсного управляющего, связывая его размер с долей удовлетворенных требований кредиторов, включенных в реестр [2].

Предусмотрены следующие ставки:

1. 10% — если удовлетворено более 75% требований кредиторов.
2. 8% — если удовлетворено более 50%, но не более 75% требований.
3. 6% — если удовлетворено от 25% до 50% включительно.
4. 4,5% — если удовлетворено от 10% до менее 25% требований.
5. 3% — если удовлетворено менее 10% требований.

Для расчета необходимо установить размер требований, включенных в реестр, и фактически удовлетворенную часть требований в соответствии с применимыми правилами закона. Расчет должен подтверждаться документами, отражающими результаты расчетов с кредиторами и завершение мероприятий конкурсного производства.

Новая шкала усиливает дифференциацию вознаграждения в зависимости от результата процедуры. Вместе с тем уровень удовлетворения требований зависит не только от действий управляющего, но и от состава имущества должника, ликвидности активов, рыночной конъюнктуры, результатов оспаривания сделок и иных обстоятельств.

Поэтому при рассмотрении вопросов о выплате вознаграждения необходимо применять предусмотренную законом расчетную модель и учитывать фактические обстоятельства дела. Сам по себе итоговый процент удовлетворения требований не всегда исчерпывающе характеризует вклад управляющего в результат процедуры.

При этом следует проверять переходные положения Федерального закона № 253-ФЗ. Дата

вступления основной нормы в силу не означает автоматически, что новая шкала применяется ко всем процедурам без учета категории должника и иных специальных условий закона [2].

5. Снижение процентного вознаграждения судом

Изменения затрагивают также основания снижения процентной части вознаграждения. В новой редакции пункта 18 статьи 20.6 предусмотрена возможность судебного снижения в установленных законом случаях. В частности, учитывается осуждение управляющего за преступление, связанное с исполнением полномочий в соответствующем деле о банкротстве, а также возможность снижения при доказанной явной несоразмерности вознаграждения вкладу управляющего в достижение результата [2].

Обращение с требованием о снижении должно соответствовать предусмотренным законом условиям, включая требования к кругу заявителей и размеру требований кредиторов. Поэтому в каждом конкретном деле необходимо установить применимую редакцию пункта 18 статьи 20.6, наличие у заявителя права на обращение и достаточность представленных доказательств.

Судебный контроль направлен на защиту имущественных интересов участников дела о банкротстве. Вместе с тем снижение вознаграждения не должно превращаться в произвольную оценку целесообразности выплаты. Вывод суда должен основываться на конкретных фактах, доказательствах и предусмотренном законом основании.

При оценке соразмерности могут иметь значение сведения о выполненных управляющим мероприятиях, сформированной конкурсной массе, действиях других участников дела и причинах фактического удовлетворения требований кредиторов.

6. Практические последствия изменений и переходные положения

Подготовка к применению новой редакции статьи 20.6 предполагает учет как правил о вознаграждении, так и переходных положений Федерального закона № 253-ФЗ. Для определения применимой нормы необходимо установить дату введения процедуры, категорию должника и срок вступления соответствующего положения в силу.

Арбитражным управляющим целесообразно:

- проверять применимую редакцию закона и переходные положения;
- раздельно учитывать фиксированную и процентную части вознаграждения;
- документировать действия по формированию конкурсной массы и удовлетворению требований кредиторов;
- готовить подробный расчет процентного вознаграждения с указанием расчетной базы;
- сохранять документы, подтверждающие вклад в достижение результата;
- при реструктуризации фиксировать финансовые показатели, необходимые для расчета увеличения чистых активов.

Кредиторам следует проверять не только арифметическую правильность расчета, но и соответствие применимой редакции закона. При наличии оснований для оспаривания вознаграждения необходимо установить надлежащий процессуальный способ защиты, наличие права на обращение и доказательства, подтверждающие доводы заявителя.

Должникам и участникам разработки плана реструктуризации важно учитывать расходы на проведение процедуры и специальные правила выплаты вознаграждения. Если законом допускается установление планом более высокого размера фиксированной выплаты антикризисному управляющему, соответствующие условия следует согласовывать с учетом законодательства и финансового положения должника.

Реформа статьи 20.6 не должна рассматриваться изолированно. При определении размера вознаграждения необходимо сопоставлять ее положения с переходными нормами и другими изменениями законодательства о банкротстве. Такой подход позволит снизить риск применения неверной шкалы выплат и возникновения судебных разногласий.

Заключение

Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 253-ФЗ предусматривает существенное обновление правового регулирования вознаграждения арбитражного управляющего. Изменения затрагивают фиксированные выплаты, процентное вознаграждение конкурсного управляющего, специальные правила расчета выплат антикризисному управляющему и судебный контроль за размером вознаграждения.

Дифференциация фиксированных сумм учитывает вид процедуры и период ее проведения. Новая шкала процентных выплат конкурсному управляющему связывает размер вознаграждения с долей удовлетворенных требований, а специальный порядок для антикризисного управляющего ориентирован на изменение чистых активов при реализации плана реструктуризации.

Одновременно повышается значение обоснования расчета и документального подтверждения результатов деятельности управляющего. При практическом применении реформы принципиальное значение имеют переходные положения: для определения применимой нормы необходимо учитывать не только общую дату вступления закона в силу, но и специальные условия, предусмотренные законодательством.

Эффективность изменений будет зависеть от единообразного толкования новых правил, последовательного судебного контроля и надлежащего документального подтверждения расчетов.

Список источников

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 26 июля 2026 г.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве».

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО. ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО

УДК 34

САМОВОЛЬНОЕ ЗАНЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

МУХАНОВА УЛЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА
студент 5 курса
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет имени В.А.Бондаренко»

Научный руководитель: Баловнева Валентина Ивановна
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет имени В.А.Бондаренко»

Аннотация. Самовольное занятие земельного участка – это одно из самых распространенных нарушений земельного законодательства. Об этом свидетельствует статистика.
Самовольное занятие земельного участка – это не просто нарушение действующего законодательства, а проблема, которая стоит на стыке земельного и гражданского права. Мы рассмотрели содержательную часть данного понятия, а также выявили проблемные аспекты, затрагивающие как теорию, так и практическую часть. Данная тема – это предмет обширных дискуссий среди научного сообщества, который требует более детального исследования.
Ключевые слова: самозахват, самовольное занятие, земельный участок, административное правонарушение, незаконное использование земли.

UNAUTHORIZED OCCUPATION OF A LAND PLOT: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Mukhanova Uliyana Alexandrovna

Scientific adviser: Balovneva Valentina Ivanovna

Abstract. Unauthorized occupation of a land plot is one of the most common violations of land legislation. Statistics bear this out.
Unauthorized occupation of a land plot is not just a violation of the current legislation, but a problem that lies at the intersection of land law and civil law. We have examined the substantive part of this concept and identified problematic aspects that affect both the theory and the practical side. This topic is the subject of extensive discussion within the scientific community and requires more detailed research.
Key words: self-seizure, unauthorized occupation, land pl, administrative offence, illegal use of land.

Самовольное занятие земельных участков – это одна из актуальных и насущных проблем современного земельного законодательства. Данный вопрос актуален не только с точки зрения нарушенных прав граждан, являющихся собственниками данных земельных участков, но и с точки зрения публичных интересов. Кроме того, данное деяние оказывает некий вред также сфере экономике, градостроительства и т.п.

С. С. Аксенова в своей работе пишет о том, что самовольный захват земли создает препятствия для рационального землепользования и освоения территорий [4, с. 135].

На сегодняшний день, на вопрос самозахвата земель приходится 50 % от общего числа выявленных правонарушений в области земельного законодательства.

Более того, статистические данные, имеющиеся в Росреестре говорят о динамике данного вида

правонарушения. Согласно статистическим показателям, в 2024 году было зарегистрировано 35 031 случаев по данному правонарушению, а в 2025 году показатели выросли на 20, 7 % и общее число данного рода правонарушений достигло 44 182 [9].

Приведенные выше статистические данные подтверждают актуальность данного исследования.

Прежде всего, обратимся к содержательной стороне данного вопроса. Самовольное занятие земельного участка – это проблема, которая стоит на стыке двух отраслей права – земельного и гражданского. С одной стороны, самовольное занятие земельного участка – охраняется нормами земельного законодательства, поскольку вопрос касается непосредственно земельных правоотношений. С другой стороны, в данном случае работают нормы гражданского законодательства в вопросе нарушенных прав участников данных земельных правоотношений. Такая двойственность на практике создает определенную проблематику. В связи с этим возникает необходимость в разграничении административной и гражданско-правовой ответственности по данным случаям.

Обратимся к самому понятию «самовольное занятие земельного участка». Понятие содержится в законе, однако четкого определения законодатель не дает, что приводит к разногласиям в юридической и научной литературе среди авторов.

В научной среде исследователи зачастую используют формулировки «самовольное занятие», «самовольный захват» и «самозахват» без четкого разграничения. Стоит подчеркнуть, что в законодательстве понятий «самовольный захват» и «самозахват» не существует. Законодатель для обозначения незаконного использования чужого земельного участка использует формулировку «самовольное занятие».

Самовольное занятие земельного участка – это противоправное деяние, в рамках которого физическое или юридическое лицо незаконно использует земельный участок, тем самым нарушая законные права собственника данного земельного участка. Важно отметить, что незаконное использование земли может проявляться в различных формах, например, переносе ограждений, огораживании территорий, использовании земли без правоустанавливающих документов и др.

Еще одним вопросом, актуальным для исследователей остается понятия «самовольное занятие» и «самовольная постройка». На практике данные понятия часто путают, хотя разница между ними очевидна. Самовольное занятие касается непосредственно незаконного пользования земельным участком, а самовольная постройка подразумевает под собой объект недвижимости, при возведении которого было нарушено законодательство. Однако на практике самовольная постройка может квалифицироваться как по ст. 7.1 КоАП РФ, так и по ст. 222 ГК РФ.

Важно пояснить, одновременно данные нормы применяются в тех ситуациях, когда лицо, не имея законных прав на земельный участок, возводит определенную постройку, тем самым нарушая нормы не только административного, но и гражданского законодательства. Возникает и обратная ситуация, когда лицо, имеет права на земельный участок, но строительство ведется с нарушениями законодательства. В таком случае к лицу применимы только нормы гражданского законодательства [3].

На практике данные нормы часто действуют комплексно, но регулируют разные стороны одного нарушения.

Рассмотрим некоторые проблемы самозахвата, с которыми сталкивается правоприменитель.

Первое, на что следует обратить внимание – это доказывание факта самовольного занятия земельного участка.

В данном случае правоприменителю необходимо установить два факта – фактическое использование чужой земли и отсутствие у лица на это законных оснований.

Подчеркнем, что первая трудность, с которой можно столкнуться в данном случае – это неопределенность границ земельного участка. Более того, довольно сложно доказать факт самовольного захвата земли, если ЕГРН не содержит точных координат данного земельного участка. В случае, если границы участка четко определены в ЕГРН, а координаты на местности не соответствуют документально закрепленным координатам, то следует задастся следующим вопросом: это реестровая ошибка или лицо самовольно расширило границы земельного участка?

Несоответствие границ земельного участка координатам на карте – это не всегда доказательство самовольного захвата земли, следует выяснить ЕГРН содержит ошибку или речь идет действительно о

правонарушении, охватываемом нормами ст. 7.1 КоАП РФ. В случае обнаружения реестровой ошибки, речь пойдет о ее исправлении.

Кроме того, правоприменитель на практике часто сталкивается с проблемой волеизъявления собственника земельного участка. Отметим, что в случае реального использования лицом чужого земельного участка, разбирательство по делу не имеет место быть без соответствующего заявления от законного собственника данной земли. Нередко возникают ситуации, когда происходит самозахват земли и права собственника на данный участок необходимо защитить, однако сам собственник о такой необходимости не заявляет. Многие авторы говорят о том, что без волеизъявления собственника нет состава правонарушения, квалифицируемого по ст. 7.1. КоАП РФ.

На практике суды рассматривают два основных факта данного вопроса – использование лицом чужого земельного участка и отсутствие у этого лица правоустанавливающих документов. Отметим, что позиция собственника данного земельного участка во многих случаях не рассматривается вовсе.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации на сложившуюся ситуацию такова, что намерение о прекращении нарушения прав в данном случае должно исходить непосредственно от собственника земельного участка. В случае, если собственник не выражает такой воли, решение о привлечении виновного лица к ответственности является необоснованным [6].

Подчеркнем, что волеизъявление собственника при самовольном захвате земельного участка является определяющим. Если собственник не выражает такой воли, то речи о судебном разбирательстве и привлечении к ответственности не может быть.

Также следует сказать об ответственности за самовольное занятие земельного участка. Априори самозахват – это административное правонарушением, предусмотренное нормами ст. 7.1 КоАП РФ. Для привлечения к ответственности по данной статье необходим сам факт самозахвата земли, отсутствие официальных документов и волеизъявления собственника данной земли. Подчеркнем, что вред в данном случае не имеет места быть, поскольку состав правонарушения формальный. Однако нередко лицо привлекается в подобных случаях и к уголовной ответственности. В данном случае речь идет о привлечении к ответственности по ст. 330 Уголовного кодекса Российской Федерации. Отметим, что норма ст. 330 УК РФ закрепляет ответственность за самоуправство – смежное преступление [2]. В связи с этим необходимо разграничивать административную и уголовную ответственность. Один из ключевых критериев разграничения ст. 330 УК РФ и ст. 7.1 КоАП РФ – это существенный вред. Ярким примером самоуправства является ситуация, когда застройщик незаконно занимал земельный участок собственника, неоднократно возводил там строения, игнорировал предписания и причинил тем самым вред собственнику.

Для привлечения к уголовной ответственности наступления вреда обязательно, в случае же административного правонарушения вред не имеет значения, достаточно самого факта незаконного использования земли.

Подведем итог в рассмотрении данного вопроса. Еще раз подчеркнем, что самовольное занятие земельного участка – это один из насущных и актуальных вопросов действующего земельного законодательства. В настоящий момент правовое регулирование данного вопроса находится не в идеальном состоянии. Безусловно, действующая законодательная база является основой для борьбы с данным правонарушением, однако на практике правоприменитель нередко сталкивается с определенными трудностями. Кроме того, теория также содержит проблемные аспекты в рамках данного вопроса.

Мы полагаем, что для должного правового регулирования данного вопроса необходимо прежде всего упорядочить понятийный аппарат и внести в законодательство единое определение понятия «самовольное занятие земельного участка».

Наряду с этим необходимо четко разграничить административную (ст. 7.1 КоАП РФ) и гражданско-правовую ответственность (ст. 222 ГК РФ), а также административную (ст. 7.1 КоАП РФ) и уголовную ответственность (ст. 330 УК РФ).

Также следует обратить внимание исследователей на вопрос доказывания и роль волеизъявления собственника земельного участка. Мы полагаем, что законодателю следует закрепить критерий, предусматривающий волю собственника земельного участка как основание наступления администра-

тивной ответственности по ст. 7.1 КоАП РФ.

Таким образом, самовольное занятие земельного участка – это одно из распространенных нарушений земельного законодательства. Под самовольным занятием земли следует понимать незаконное использование лицом земли без правоустанавливающих на то документов и волеизъявления собственника.

Правовое регулирование данного вопроса на сегодняшний день имеет определенные пробелы как в теории, так и на практике. В связи с этим данная тема нуждается в более детальном исследовании и изучении со стороны правоведов.

Список источников

1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 256. – Ст. 1.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10. 06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

4 Аксенова, С. С. Правовые проблемы борьбы с самовольным занятием земельных участков / С. С. Аксенова, Е. О. Литвишко // Молодой ученый. – 2026. – № 14 (617). – С. 135-136.

5 Бражникова, Н. Н. Самовольное занятие земельных участков. Анализ судебной практики / Н. Н. Бражникова, И. В. Будагов, Э. В. Кравченко // Научные труды КубГТУ. – 2016.– № 3. – С. 409-422.

6 ВС: Для привлечения к ответственности за самовольный захват участка необходимо волеизъявление его собственника / Адвокатская газета: официальный сайт. – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/novosti/

7 Маринчак, Н. Ю. Самовольный захват земельного участка: проблемы теории и практики / Н. Ю. Маринчак, А. В. Тимофеева // Образование и право. – 2024. – № 4. – С. 339-346.

8 Полтавцев, А. А. Самовольный захват земельного участка: практические и правовые проблемы / А. А. Полтавцев // Флагман науки. – 2026. – № 3 (38). – С. 353-357.

9 Росреестр: Статистические данные самовольного занятия земельного участка / Росреестр: Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. - Режим доступа: https://rosreestr.gov.ru/

10 Фендрикова, Е. В. Самовольное занятие земельного участка и правовые последствия / Е. В. Фендрикова // Дневник науки. – 2026. – № 4. – С. 144-158.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.23

ПАРАДОКС ДВОЙНОГО СТАНДАРТА: ПРИЗНАНИЕ СНА И ОПЬЯНЕНИЯ БЕСПОМОЩНЫМ СОСТОЯНИЕМ ПРИ ИЗНАСИЛОВАНИИ, НО НЕ ПРИ УБИЙСТВЕ

ЛЕЛЮХИНА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
ВФ ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова

Аннотация. В статье исследуется проблема двойного стандарта в судебной практике Верховного Суда РФ при оценке сна и алкогольного (наркотического) опьянения как беспомощного состояния потерпевшего. Устанавливается, что при квалификации изнасилования (ст. 131 УК РФ) сон и опьянение признаются беспомощным состоянием, тогда как при квалификации убийства (ст. 105 УК РФ) те же состояния последовательно исключаются из категории беспомощных.
Ключевые слова: беспомощное состояние, сон, опьянение, убийство, изнасилование, двойной стандарт, парадокс, квалификация, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ст. 131 УК РФ, Верховный Суд РФ.

THE DOUBLE STANDARD PARADOX: RECOGNIZING SLEEP AND INTOXICATION AS A STATE OF HELPLESSNESS IN RAPE BUT NOT IN MURDER

Lelyukhina Olga Sergeevna

Abstract. The article examines the issue of a double standard in the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the assessment of sleep and alcohol (or narcotic) intoxication as a state of helplessness on the part of the victim. It is established that, for the purposes of classifying rape (Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation), sleep and intoxication are recognized as a state of helplessness, whereas for the classification of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation), these same states are consistently excluded from the category of helplessness.
Keywords: helpless state, sleep, intoxication, murder, rape, double standard, paradox, legal classification, Clause (v) of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation.

В настоящее время в российском уголовном законодательстве наблюдается противоречивая ситуация, когда одно и то же состояние потерпевшего (сон, алкогольное опьянения) рассматривается как беспомощное при совершении половых преступлениях, в то время как не относится к таковым при убийстве. Возникает парадокс двойного стандарта, который находит свое подтверждение в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и вызывает ряд проблемных вопросов в судебной практике.

В УК РФ нет четкого понятия «беспомощного состояния». Данный термин относится к числу оценочных признаков уголовного закона, не имеющих легального определения. При этом, понятие «беспомощное состояние» является признаком, обязательным для основного состава в статьях о половых преступлениях (ст. 131, 132 УК РФ) и квалифицирующим признаком для составов преступлений против жизни и здоровья (например, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

В Постановлениях Пленума Верховный Суд РФ сформулировал принципиально разные подходы к оценке одних и тех же физиологических состояний потерпевшего.

Так, в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 указывается, что к основанию для признания убийства с квалифицирующим признаком по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ относится отсутствие у потерпевшего способности оказать сопротивление нападающему или как-либо защитить себя в силу физических или психических особенностей. При этом, в перечне лиц, перечисленных в Пленуме ВС РФ, состояние которых можно отнести к беспомощному, имеется указание лишь на тяжелобольных, престарелых и лиц с психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее. Сон или глубокое опьянение в данном перечне отсутствуют, что фактически означает их исключение из круга состояний, образующих беспомощность при убийстве [1].

Анализ судебной практики позволяет констатировать: при квалификации убийства суды устойчиво отказываются рассматривать сон, а также алкогольное или наркотическое опьянение потерпевшего в качестве состояния, относящегося к беспомощному. Эта правовая позиция закреплена в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 28 марта 2012 г. № 11-П12ПР, где указано, что сон является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием и не может расцениваться как беспомощное [2]. Состояние алкогольного опьянения лица, признанного потерпевшим при убийстве, также не относят к беспомощному состоянию, что подтверждается Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 7-УД16-1 [3]. При этом суды применяют данный подход единообразно — вне зависимости от того, насколько глубоким и продолжаемым был сон, какова была степень опьянения и имелась ли у потерпевшего фактическая способность и возможность к сопротивлению.

Совершенно противоположный подход в судебной практике установился в отношении состояния потерпевшей, признанного беспомощным при изнасиловании. Так, в соответствии с п. 5–6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16, беспомощным состоянием потерпевшей при изнасиловании можно считать сон, а также сильную стадию опьянения (алкогольного или наркотического), если это состояние повлияло на ее способности осознавать характер и значение происходящего вокруг нее или оказывать сопротивление нападающему [4].

Можно предположить, что различие подходов связано с тем, что изнасилование посягает на половую свободу, а убийство — на жизнь, и природа объектов требует разной оценки. Однако этот аргумент несостоятелен: понятие «беспомощное состояние» характеризует не объект, а потерпевшего и способ совершения преступления. Физиологическое состояние спящего или опьяненного лица одинаково независимо от того, какое преступление совершается в отношении него.

Как отмечает Н. В. Тыдыкова, утверждение о том, что сон является естественной физиологией организма, не выдерживает критики. Если следовать этой логики, необходимо исключить из числа беспомощных и детей, и пожилых лиц, поскольку их слабость также обусловлена физиологическими процессами, естественными этапами развития жизни. Тем не менее, на практике суды признают их беспомощными [5, с. 74].

Человек, находящийся в бессознательном состоянии (к которому можно отнести и состояние глубокого сна или сильной алкогольной интоксикации), не имеет возможности реально осознавать и понимать характер происходящих вокруг действий и, тем более, оказывать сопротивление и защищать себя. Однако, суды, отказывая признавать эти состояния беспомощными при квалификации убийства, приводят к тому, что виновное лицо привлекается к ответственности по ч. 1 ст. 105 УК РФ — без вменения квалифицирующего признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, что существенно снижает размер назначаемого наказания.

В ряде судебных приговоров приводится довод о том, что опьянение потерпевшего является следствием его собственного антиобщественного поведения, а потому не должно отягощать ответственность виновного. Этот довод находится в прямом противоречии с п. 6 Постановления Пленума № 16, согласно которому неважно, кто именно привел потерпевшего в беспомощное состояние – сам обвиняемый или это произошло независимо от него. Принцип, согласно которому причина наступления

опьянения неважна для квалификации по ст. 131 УК РФ, аналогично должен применяться и при квалификации по ст. 105 УК РФ.

Введение квалифицирующего признака «беспомощное состояние» в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ преследовало цель — повысить ответственность за убийство человека, объективно не способного оказать сопротивление. Между тем спящий или находящийся в тяжелом опьянении потерпевший фактически полностью лишен такой возможности, причем степень его уязвимости сопоставима, а в ряде случаев и превосходит уязвимость тяжело больного или престарелого лица, которые беспомощность признается безоговорочно. Отказ от вменения рассматриваемого признака при убийстве спящего или пьяного лица фактически сводит на нет целевое назначение нормы и оставляет наиболее уязвимых потерпевших без адекватной уголовно-правовой защиты.

Особую остроту проблеме придает то, что в рамках единого преступного эпизода суды применяют двойственные критерии к одному и тому же состоянию потерпевшей. Например, если потерпевшая находилась в состоянии сна или тяжелого алкогольного опьянения, это обстоятельство может быть положено в основу квалификации преступления по ст. 131 УК РФ как использование беспомощного состояния, но в то же время не учитывается при квалификации тех же действий (либо сопутствующих действий) по ст. 105 УК РФ. Такая разнонаправленная оценка одних и тех же фактов подрывает единообразие правоприменения и ставит под сомнение логическую согласованность судебной аргументации.

Существующая неоднородность в трактовке понятия «беспомощного состояния» в различных составах преступлений обуславливает необходимость выработки единого подхода в судебной практике. Для этого целесообразно ввести в уголовное законодательство единое определение понятия «беспомощного состояния» либо в самом тексте уголовного закона, либо в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ — с тем, чтобы оно служило ориентиром при квалификации любых преступлений, где данный признак имеет юридическое значение.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28 марта 2012 г. № 11-П12ПР // Гарант.ру.
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 23 июня 2016 г. № 7-УД16-1 // legalacts.ru.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 (ред. от 21.05.2026) «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Тыдыкова Н. В. О некоторых проблемах установления беспомощного состояния потерпевших в насильственных половых преступлениях // Уголовное право. 2023. Вып. 9 (157). С. 73–80

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)

ООРЖАК МАРТА ВАСИЛЬЕВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Научный руководитель: Кужугет Таан-оол Кашпынаевич
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Аннотация: представленная научная работа исследует особенности уголовной ответственности, а также специфику наказаний для несовершеннолетних, обусловленную вопросами как мягких, так и более суровых наказаниях. В этой связи изучены данные преступности в Республике Тыва среди несовершеннолетних, где выявлен характер взаимосвязи между статистикой и профилактикой поведения отступившихся детей.
Ключевые слова: несовершеннолетние, преступления, уголовная ответственность, наказания, Республики Тыва.

PECULIARITIES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AND PUNISHMENT OF MINORS (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TYVA)

Oorzhak Marta Vasilevna

Scientific adviser: Kuzhuget Taan-ool Kashpynaevich

Abstract. This research paper examines the nuances of criminal liability and sentencing specific to juvenile offenders, addressing the spectrum from lenient to more stringent penalties. In this context, crime statistics among adolescents in the Republic of Tuva are analyzed to identify correlations between such data and the prevention of juvenile delinquency.
Keywords: criminal liability, statistical data, crime, punishment, minors, Republic of Tuva.

Самой важной задачей государства в сфере охраны интересов детей – защита несовершеннолетних, особенно трудных и оставленных на произвол судьбы родителями. Нельзя не отметить, что именно подростковый возраст влияет на проблемные действия трудных детей, поскольку в данном возрасте идет формирование ребенка как личности, повышается чувствительность на нестабильность социального общества, что выделяет трудных детей в особый субъект уголовного права. Безусловно, психофизиологическая и социальная незрелость, а также не совсем окрепшая поведенческая незрелость несовершеннолетних требуют непосредственного применения специальных мер уголовной ответственности [6, С. 215].

То есть более серьезные наказания на практике не учитывают воспитательную функцию и вполне приводят к росту криминализации.

Что касается мягких наказаний, то они также способствуют развитию чувства безнаказанности, что далее приводит к повторному нарушению [3].

Итак, поскольку несовершеннолетний представлен специальным субъектом преступления, он привлекается только согласно гл. 14 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), то есть это специальная норма привлечения к уголовной ответственности [2]. Несовершеннолетний по сути это ребенок, которому еще не исполнилось 18 лет. При этом уголовная ответственность предоставлена до возраста 16 лет, но по отдельным составам преступлений может наступить и в 14 лет (например, при участии в террористических действиях). Что это значит?! Это значит, что несовершеннолетний привлекается за содеянное правонарушение к уголовной ответственности в форме отличной от ответственности взрослых [5, С. 61].

В 2025 году регионе ответственности Республики Тыва за совершение противоправных действий в органы внутренних дел было доставлено 4 468 детей, а в 2024 году доставлялись 4 055 подростков, то есть + на 10%. Заметим, что каждый второй случай – это нахождение подростков в ночное время суток в общественных местах (2 421 человек), а в 2024 году таких детей было 2 146 человек, что на 12,8% меньше, чем в 2025 году [7].

Как показывают материалы информационного центра МВД по Республике Тыва, в 2025 году к уголовной ответственности были непосредственно привлечены 214 детей, которые совершили преступление. По сравнению с 2024 годом, в котором к уголовной ответственности привлечены 213 детей, в 2025 году увеличение количества составило 0,5% или на человек. Кроме того, в 2023 году подростками (по расследованным преступлениям) всего совершено 226 преступлений, что указывает на тот факт, что на 13 подростков больше привлечены к уголовной ответственности (рисунок) [8].

Практические показатели указывают, что наблюдается рост преступлений, совершенных подростками, в следующих территориальных субъектах: в Улуг-Хемском, Тере-Хольском, Тоджинском, Монгун-Тайгинском, Тес-Хемском, Каа-Хемском и Дзун-Хемчикском.

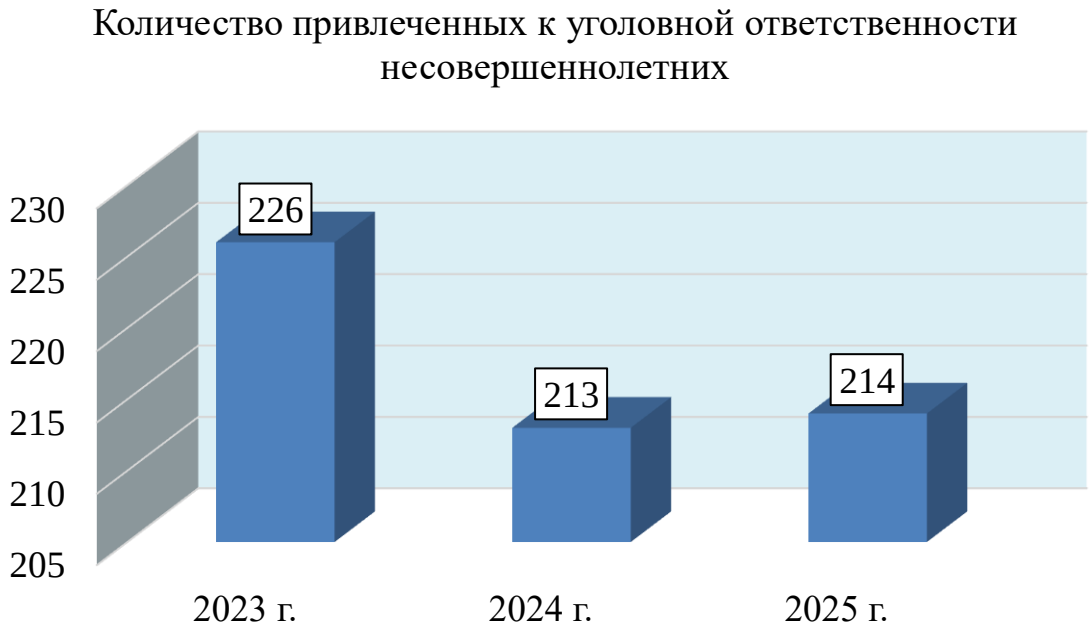

Рис. 1. Динамика количества привлеченных к уголовной ответственности несовершеннолетних по Республике Тыва, чел. [8]

В результате каждое второе злодеяние с участием детей относится к тяжкой либо особо тяжкой категории (70). Собственно, наблюдается рост числа умышленных причинений тяжкого вреда здоро-

вью, незаконных хранений наркотических средств, угроз убийством, кражи скота, изнасилований и причинений смерти по неосторожности. На уровне 2024 года, по материалам соответствующих органов, остались умышленные причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшие смерть (1), угоны (17), грабежи (15), кражи из квартир (7) и разбои (6). Кроме того, каждый четвертый подросток на момент совершения своего преступления не был занят ничем, а также нигде не обучался (48 из 214).

Необходимо отметим, что в рассматриваемом 2025 году лишились своей свободы 16% трудных подростков, условный срок получили 22%; и здесь важно подчеркнуть, что, безусловно, такое наказание непосредственно получили те, которые привлечены были за особо тяжкие либо же за тяжкие преступные деяния.

Что касается преступных деяний небольшой и средней тяжести, то за них подростки привлечены к так называемым «мягким мерам»:

– исправительные работы – 2%, работы обязательные – 17%, штрафные санкции – 21%, другие наказания – 3%, а также были и освобождения от наказаний – 20% [8].

Согласно п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» самая небольшая сумма судебного штрафа составляет более 1 000 руб., кроме того, суммы зарплаты либо какого-то другого дохода непосредственно лица до 18 лет за более 2 недель. Отметим, что рассматриваемые суммы не зависят от наличия у подростка самостоятельного, то есть личного, заработка либо же имущества подростка, на которое можно наложить взыскание [3].

Можно предположить, что помешать осуществлению законных на то прав ребенка может быть само наказание, когда не имеет своего строго или карательного составляющего. Например, когда как наказания выбраны исправительные работы, при которых подросток в это время имеет право и возможность обучаться в учебных образовательных заведениях (очно), видно, что на лицо ограничение его конституционного права, получение им полноценного образования.

В соответствии с ч. 5 ст. 50 УК РФ трудные подростки не входят в перечень лиц, которым по сути не назначают исправительные работы. Но на практике суды все же их назначают [2].

Пунктом 23 Постановления Пленума ВС РФ [3] судам предложено изучить, а также учитывать тот факт, как данное наказание повлияет на учебный процесс ребенка, или на его поведение в семье или в других местах. У взрослых такая гарантия не имеется. Тем не менее важно руководствоваться правилам об особенностях уголовной ответственности детей и назначения им наказания, привести аргументацию о наличии или же об отсутствии поводов освобождения от привлечения и наказания (ст. 92 УК РФ) [2].

В соответствии с Постановлением Правительства Республики Тыва от 09 ноября 2023 г. № 824 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4] особым направлением правоохранительных органов является индивидуальная, а также точечная работа с подростками.

По материалам МВД по Республике Тыва, в 2025 году проведено 1 000 профилактических, а также рейдовых мероприятий – выявлено 3 251 ребенок в социально опасном положении и, безусловно, нуждающиеся в социальной помощи, и они впоследствии были помещены в соответствующие государственные учреждения, в том числе 526 детей с круглосуточным пребыванием, а 193 ребенка в учреждения здравоохранения. И как итог, в отношении родителей всего было составлено 3 711 протоколов об административных правонарушениях, в том числе за неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию своих детей [7].

Под строгим наблюдением МВД по РТ на начало 2026 года 529 детей ранее совершали различные нарушения, или на 4,3% меньше по сравнению с 2024 годом – 553 подростка, и выявлена 351 неблагополучная семья или на 22% меньше по сравнению с 2024 г. (450 таких семьей).

Иначе говоря, материалы органов правоохраны показывают, что на систематической основе осуществляется индивидуальная работа [7]:

– привлечение трудных подросток в кружки или секции, или же вовлечение их в общественную работу, и впоследствии некоторые стали активными участниками Всероссийского сообщества детей и

молодежи «Движение Первых»;

– проведены различные мероприятия, к примеру, «Уроки мужества», которые были приурочены ко Дню защитника Отечества; привлекались также трудные подростки к таким движениям и начинаниям, как «Инспектор по делам несовершеннолетних глазами детей», в которых участвовали ветераны органов внутренних дел Республики и участники Специальной военной операции;

– проводились также оперативно-профилактические мероприятия «Правопорядок», «Профучет» и «Семья».

Кроме того, сотрудниками полиции в различных образовательных учреждениях Республики всего прочитано 687 лекций на темы закона [7].

В заключение отметим, что закон выделяет несовершеннолетних в отдельную категорию уголовного права и уголовного судопроизводства в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 87 УК РФ); возраст наступления такой ответственности регламентирован ст. 20 уголовного закона, где основное правило – привлекается только с 16 лет, но за определенные злодеяния средней тяжести, тяжкие, а также особо тяжкие такая ответственность с 14 лет [2].

Республика Тыва вошла в 10 регионов с наибольшим удельным весом преступлений (от числа расследованных), совершенных подростками – 6% (186) и по числу подростков, совершивших преступления – 7,4% (214). Можно уверено сказать, что подростковая преступность стабильна или число подростков, преступивших закон, – ежегодно более 200 человек; на 17,6% рост числа подростков, совершивших преступления в алкогольном опьянении (с 51 до 60). Очевидно, что количество и качество профилактики такого противоправного поведения подростками напрямую зависит от реализации мер и эффективности взаимодействия системы профилактики.

Список источников

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты 29 ноября 1985 года Резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН // Доступ из СПС Гарант.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ (редакция от 20.02.2026) // СПС «Консультант Плюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.04.2026).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (редакция от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 4, апрель, 2011.

4. Постановление Правительства Республики Тыва от 9 ноября 2023 г. № 824 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (редакция от 29.05.2025) // СПС «Консультант Плюс». - URL: https://docs.cntd.ru/document/406943347 (дата обращения: 10.04.2026).

5. Расследование и предупреждение преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 20 декабря 2023 года). М. Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024 – 176 с.

6. Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения : монография / под ред. О. Ю. Рыбакова. – М. : Проспект, 2021. – 424 с.

7. Министерство внутренних дел по Республике Тыва : официальный сайт. – URL: https://17.мвд.рф/ (дата обращения: 10.04.2026).

8. Министерство внутренних дел по Республике Тыва. Отчёты должностных лиц : официальный раздел сайта. – URL: https://17.мвд.рф/slujba/Otcheti_dolzhnostnih_lic/writings/ (дата обращения: 10.04.2026).

© М.В. Ооржак, 2026

УДК 343.535

ФИКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВЫВОДА АКТИВОВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

БОРЩЕВСКАЯ ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА,
БЫЧКОВСКИЙ СЕМЁН ИВАНОВИЧ
студенты
Белорусский государственный экономический университет

Научный руководитель: Шемет Вадим Сергеевич
канд. юр. наук, доцент
Белорусский государственный экономический университет

Аннотация: в статье рассматриваются новые инструменты вывода активов при банкротстве с использованием криптовалют и токенов в Республике Беларусь. На основе анализа Декрета № 8 и Уголовного кодекса выделены ключевые проблемы правоприменения: сложность доказывания связи фиатных переводов с блокчейн-адресами, а также вопросы оценки и принудительной реализации цифровых активов. Обоснованы предложения по совершенствованию законодательства и внедрению инструментов блокчейн-анализа в деятельность антикризисных управляющих.
Ключевые слова: фиктивное банкротство, криминальное банкротство, цифровые активы, криптовалюта, вывод активов.

FICTITIOUS BANKRUPTCY IN THE DIGITAL AGE: NEW TOOLS FOR ASSET WITHDRAWAL AND PROBLEMS OF THEIR DETECTION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Borshchevskaya Darya Nikolaevna,
Bychkovsky Semyon Ivanovich

Scientific adviser: Shemet Vadim Sergeevich

Abstract: The article considers new tools for asset withdrawal in bankruptcy using cryptocurrencies and tokens in the Republic of Belarus. Based on the analysis of Decree No. 8 and the Criminal Code, the key problems of law enforcement are highlighted: the difficulty of proving the connection between fiat transfers and blockchain addresses, as well as the issues of valuation and forced sale of digital assets. Proposals are substantiated for improving legislation and introducing blockchain analysis tools into the activities of anti-crisis managers.
Keywords: fictitious bankruptcy, criminal bankruptcy, digital assets, cryptocurrency, asset withdrawal.

Институт банкротства традиционно выступает зоной повышенного риска для злоупотреблений, поскольку именно в этой сфере пересекаются интересы должника, стремящегося сохранить контроль

над имуществом, и кредиторов, рассчитывающих на удовлетворение своих требований. Белорусский законодатель достаточно рано осознал опасность таких злоупотреблений, закрепив в главе 25 Уголовного кодекса целую группу составов преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, которые в доктрине принято объединять термином «криминальное банкротство» [2]. Однако цифровизация экономики придала этому явлению качественно новое измерение: появление и широкое распространение криптовалют, токенов и онлайн-платформ для обмена цифровыми активами предоставило недобросовестным должникам беспрецедентные возможности для сокрытия и вывода имущества, а легализация криптовалюты в Республике Беларусь парадоксальным образом усложнила задачу выявления таких схем [1].

Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», вступивший в силу в 2018 году, стал одним из наиболее прогрессивных правовых актов в постсоветском пространстве. Он создал правовую основу для легального оборота цифровых активов, продлил специальный правовой режим Парка высоких технологий до 1 января 2049 года и определил ключевые понятия: токен, криптовалюта, виртуальный кошелёк, майнинг, оператор криптоплатформы, смарт-контракт [1]. Согласно приложению 1 к Декрету, криптовалюта определяется как «биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена», а токен – как запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределённой информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой [1].

Однако этот же документ породил и новые риски для кредиторов. Подпункт 2.2 пункта 2 Декрета прямо устанавливает, что «токены не подлежат декларированию». Физические лица вправе владеть токенами, совершать майнинг, хранить их в виртуальных кошельках, обменивать на иные токены, приобретать, отчуждать за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать [1]. При этом деятельность по майнингу и приобретению токенов, осуществляемая физическими лицами самостоятельно, не является предпринимательской деятельностью [1]. Возникает парадоксальная ситуация: правовая система, стремясь создать благоприятные условия для развития цифровой экономики, одновременно предоставила недобросовестным должникам инструмент, который в силу прямого указания законодателя не подлежит декларированию и, следовательно, выпадает из поля зрения как кредиторов, так и контролирующих органов.

Ключевым для целей бухгалтерского учёта является подпункт 3.4 пункта 3 Декрета, согласно которому «возникшие (добытые) в процессе майнинга или приобретённые иным способом токены признаются активами» [1]. Это означает, что токены, принадлежащие должнику, в принципе могут быть включены в конкурсную массу. Однако практическая реализация этой нормы сталкивается с серьёзными препятствиями. Как отмечал В. Каменков, назрела необходимость цифровой реформы бухгалтерского учёта активов и обязательств должника – и применительно к токенам это означало бы их интеграцию в общую систему мониторинга финансового состояния [4].

Белорусское законодательство противодействует криминальному банкротству через систему уголовно-правовых запретов, закреплённых в статьях 239–241 Уголовного кодекса [2]. Статья 239 устанавливает ответственность за сокрытие банкротства – уклонение от исполнения обязанности по подаче в суд заявления должника о банкротстве либо представление заведомо ложных сведений и (или) документов о способности исполнить обязательства в полном объёме, повлекшие причинение ущерба кредиторам в крупном размере [2]. Статья 240 запрещает преднамеренное банкротство – умышленное совершение должником до возбуждения производства по делу о банкротстве действий, заведомо влекущих неспособность исполнить обязательства в полном объёме [2]. Статья 241 предусматривает ответственность за препятствование проведению расчёта с кредитором (кредиторами), в том числе за сокрытие, отчуждение, повреждение или уничтожение имущества или документов неплатёжеспособного должника с целью сорвать или уменьшить расчёт с кредиторами [2].

На первый взгляд кажется, что приведённые нормы охватывают весь спектр недобросовестных действий. Однако цифровая эпоха поставила перед правоприменителем принципиально новый вопрос: является ли перевод фиатных денежных средств на криптобиржу для «покупки токенов» сокрытием или

отчуждением имущества в смысле статьи 241 УК [2]. Формально операция выглядит как законная – Декрет № 8 прямо разрешает физическим лицам приобретать токены за белорусские рубли и иностранную валюту [1]. Однако если такая операция совершается накануне банкротства, а приобретённые токены впоследствии «утеряны» вместе с доступом к кошельку, кредиторы фактически лишаются возможности удовлетворить свои требования. Уголовно-правовая квалификация таких действий существенно затруднена, поскольку требуется доказать умысел на причинение ущерба и сам факт отчуждения имущества, что в условиях анонимности блокчейн-адресов представляет собой сложнейшую задачу.

Анализ белорусского законодательства позволяет выделить несколько взаимосвязанных системных проблем. Первая и наиболее фундаментальная – проблема доказывания. Каждый виртуальный кошелёк имеет уникальный адрес, что теоретически позволяет отследить конкретного клиента, однако на практике без доступа к приватным ключам или данным криптобиржи доказать связь между фиатным переводом и конкретным кошельком практически невозможно. Ситуация усугубляется тем, что подпункт 2.4 пункта 2 Декрета устанавливает: передача токена считается совершённой в момент отражения подтверждённой операции по передаче токена адресату в блокчейне согласно действующим в нём правилам [1]. Это означает, что для перехода прав достаточно технической записи в распределённом реестре, которая не требует ни государственной регистрации, ни нотариального удостоверения, ни какой-либо идентификации сторон.

Из проблемы доказывания логически вытекает вторая – отсутствие централизованного реестра владельцев криптовалюты. Антикризисный управляющий, не обладающий специальными знаниями в области блокчейн-анализа, оказывается бессилен перед лицом таких схем. Более того, подпункт 3.2 пункта 3 Декрета прямо устанавливает, что действие валютного законодательства не распространяется на физических и юридических лиц при проведении разрешённых видов операций с токенами [1]. Это означает, что транзакции с токенами выпадают из-под валютного контроля, что дополнительно затрудняет их выявление.

В качестве третьей проблемы мы выделяем оценку стоимости цифровых активов. Белорусское законодательство об исполнительном производстве предусматривает, что оценка криптовалюты не производится, и на реализацию она передаётся без указания стоимости; итоговая стоимость устанавливается по факту зачисления средств после реализации. Такой подход, будучи прагматичным для исполнительного производства, создаёт серьёзные проблемы в процедуре банкротства, где необходимо определить стоимость активов для формирования конкурсной массы. С оценкой стоимости связана и четвёртая проблема – реализация цифровых активов. Арестованная криптовалюта реализуется по отдельному договору с оператором криптобиржи или криптообменника. Если эти субъекты отказываются принимать криптовалюту на реализацию, судебный исполнитель выносит постановление о снятии ареста и возвращает криптовалюту должнику. Возникает парадоксальная ситуация: актив, формально включённый в конкурсную массу, фактически остаётся у должника.

Наконец, пятая проблема связана с особенностями правового статуса резидентов Парка высоких технологий. Подпункт 3.6 пункта 3 Декрета устанавливает, что в случае экономической несостоятельности (банкротства) резидента Парка высоких технологий субсидиарная ответственность по обязательствам такого юридического лица не может быть возложена на собственника его имущества, учредителей (участников) или других лиц, в том числе руководителя, имеющих право давать обязательные для юридического лица указания либо возможность иным образом определять его действия, за исключением случаев, когда экономическая несостоятельность вызвана действиями таких лиц, повлекшими привлечение их к уголовной ответственности [1]. Это положение, направленное на защиту инвесторов и стимулирование развития IT-сектора, одновременно создаёт дополнительный барьер для привлечения контролирующих лиц к ответственности за вывод активов через цифровые инструменты.

Преодоление описанных проблем требует комплексного подхода. Прежде всего, необходимо совершенствование законодательства. Целесообразно дополнить Закон «Об урегулировании неплатежеспособности» нормами, обязывающими должника декларировать наличие цифровых активов при подаче заявления о банкротстве [3], несмотря на общее правило Декрета № 8 о том, что токены не подлежат декларированию [1]. Такое изъятие для целей банкротства представляется обоснованным, по-

скольку затрагивает права кредиторов и публичный интерес. Сокрытие таких сведений должно влечь ответственность, вплоть до отказа в освобождении от обязательств. Кроме того, необходимо разработать специальные правила оценки криптовалют и токенов для целей включения в конкурсную массу, адаптированные к высокой волатильности этих активов, а также урегулировать процедуру принудительной реализации цифровых активов в рамках дела о банкротстве, включая механизм взаимодействия с операторами криптоплатформ и операторами обмена криптовалют – резидентами ПВТ [1].

Однако законодательные изменения не дадут эффекта, если они не будут подкреплены развитием цифровой инфраструктуры предупреждения банкротства. Здесь уместно развить предложения В. Каменкова применительно к нашей теме [4]. Во-первых, следует конкретизировать обязанность лиц, указанных в Законе «Об урегулировании неплатежеспособности» [3], по раскрытию сведений о появлении признаков банкротства в Едином государственном реестре сведений о банкротстве – по аналогии с российским опытом, где руководитель должника обязан включить такие сведения в реестр в течение десяти рабочих дней [4]. Во-вторых, необходимо наделить комиссии по предупреждению несостоятельности полномочиями электронного мониторинга состояния платёжеспособности конкретных должников и цифрового анализа принятых мер по предупреждению банкротства – включая анализ операций с цифровыми активами [4].

Параллельно с законодательными изменениями требуется развитие методики расследования – в частности, внедрение обязательного блокчейн-анализа в работу антикризисных управляющих и правоохранительных органов, что позволит выявлять подозрительные паттерны транзакций, которые невозможно обнаружить традиционными методами. Современные AML-программы способны анализировать миллиарды транзакций и устанавливать связи между кошельками. Следует также разработать алгоритм действий при обнаружении цифровых следов, включающий анализ банковских выписок на предмет переводов на криптобиржи, изъятие и форензику цифровых устройств, назначение судебной экономико-цифровой экспертизы. Важно при этом понимать, как отмечает Д. В. Назаров, что цифровые доказательства находятся в неорганизованной форме, могут быть злонамеренно изменены без оставления очевидных следов, а их источники многообразны – поэтому особое значение приобретает обеспечение цепочки доказательств и прослеживаемости [5].

Значительным потенциалом обладает и использование возможностей цифровизации, которые уже реализованы в белорусской системе. Переход на полную цифровизацию дел о несостоятельности и банкротстве, функционирование Единого государственного реестра сведений о банкротстве, внедрение электронных площадок для реализации имущества – всё это создаёт инфраструктуру, в которую целесообразно интегрировать инструменты автоматизированного выявления признаков криминального банкротства, включая анализ цифровых следов [4]. Наконец, необходима унификация судебной практики: выработка единых критериев для признания сделок с криптовалютой недействительными и для оценки таких активов позволит снизить неопределённость и обеспечить единообразие правоприменения.

Цифровизация экономики создала новые вызовы для института банкротства в Республике Беларусь. Легализация криптовалюты и токенов Декретом № 8 [1], с одной стороны, создала правовую основу для включения цифровых активов в конкурсную массу, а с другой – породила новые схемы вывода средств, которые традиционные методы расследования не позволяют эффективно выявлять. Норма о том, что токены не подлежат декларированию [1], в сочетании с анонимностью блокчейн-адресов и отсутствием валютного контроля за операциями с токенами [1] создаёт благоприятную почву для злоупотреблений. Белорусская правовая система обладает значительным потенциалом для противодействия таким схемам, однако требуется дальнейшее совершенствование законодательства и развитие компетенций антикризисных управляющих в области цифровой криминалистики. Цифровой след – это тоже след, и при правильном подходе он может стать ключом к раскрытию самых сложных схем криминального банкротства.

Список источников

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь,

21 дек. 2017 г., № 8 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd1700008. – Дата обращения: 27.09.2026.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2026.

3. Об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 дек. 2022 г. № 227-З : принят Палатой представителей 10 нояб. 2022 г. : одобр. Советом Респ. 23 нояб. 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 17.12.2022. — 2/2947. — Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H12200227. — Дата доступа: 27.09.2026.

4. Каменков В. С. Использование цифровых и медиативных технологий в законодательстве о банкротстве [Электронный ресурс] // ILEX : информационно-правовой портал для бухгалтеров, юристов и руководителей. – 2023. – URL: https://ilex.by/news/ispolzovanie-tsifrovyh-i-mediativnyh-tehnologij-v-zakonodatelstve-o-bankrotstve/ (дата обращения: 27.09.2026).

5. Назаров, Д. В. Фиктивное банкротство физических лиц: выявление и привлечение к ответственности [Электронный ресурс] / Д. В. Назаров // Молодой учёный. — 2022. — № 10 (405). — С. 162–164. — Режим доступа: https://moluch.ru/archive/405/89309. — Дата доступа: 27.09.2026.

УДК 343.97

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ОСОБО ЦЕННЫЕ И ЦЕННЫЕ ВИДЫ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

АЛБОГАЧИЕВ КАЗБЕК ИСАЕВИЧ
студент магистратуры
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: Вишневецкая Ирина Николаевна
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: В статье автор сравнивает посягательства на особо ценные и ценные виды водных биологических ресурсов по правовому режиму предмета, кругу правонарушителей, способам добычи и сбыта, раскрываемости и детерминантам. Сравнение показывает: такие посягательства образуют два криминологически различных сегмента, и предупреждать их нужно разными мерами.
Ключевые слова: водные биологические ресурсы, особо ценные виды, ценные виды, осетровые, лососевые, браконьерство, статья 256 УК РФ, статья 258.1 УК РФ, детерминанты преступности, предупреждение преступлений.

CRIMINOLOGICAL DIFFERENCES BETWEEN ENCROACHMENTS ON ESPECIALLY VALUABLE AND VALUABLE SPECIES OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES

Albogachiev Kazbek Isaevich

Scientific adviser: Vishnevetskaya Irina Nikolaevna

Abstract: The author compares encroachments on especially valuable and valuable species of aquatic biological resources in terms of the legal regime of the subject of the crime, the range of offenders, the methods of catching and sale, the detection rate and the determinants. The comparison shows that such encroachments form two criminologically distinct segments, and they should be prevented by different measures.
Key words: aquatic biological resources, especially valuable species, valuable species, sturgeons, salmonids, poaching, Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, determinants of crime, crime prevention

Незаконная добыча водных биологических ресурсов (далее - водные биоресурсы) остается одним из самых распространенных экологических преступлений. В 2022 г. по статье 256 УК РФ зарегистрировали 6 070 преступлений, по статье 258.1 УК РФ, которая охватывает и диких животных, - 942 [1, с. 20-21]. По данным Судебного департамента, в 2025 г. по статье 256 УК РФ осудили 1 868 человек, по статье 258.1 УК РФ - 405 [2]. Исследователи обычно описывают эти посягательства единым массивом [3; 4] либо сосредоточиваются на осетровых [5; 6]. Цель статьи - сравнить посягательства на особо

ценные и ценные виды и проверить, образуют ли они криминологически различные сегменты.

Правовой режим этих видов задают два несовпадающих перечня. Приказ Минсельхоза России № 596 относит к особо ценным белугу, калугу, севрюгу и четыре вида осетров, к ценным - лососевых, сиговых, стерлядь, судака, камчатского краба, дальневосточного трепанга и другие виды [7]. Перечень для статьи 258.1 УК РФ, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации № 978, узок: семь видов млекопитающих, четыре вида птиц и одиннадцать видов рыб, из которых десять - осетровые [8]. По разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, добычу краснокнижных видов, не вошедших в этот перечень, следует квалифицировать по статье 256 УК РФ [9, п. 10.2]. Статья 258.1 УК РФ охватывает не только добычу, но и оборот особо ценных биоресурсов и их дериватов, а ее санкции строже. Уже единичная особь особо ценного вида дает особо крупный ущерб: вред от вылова одного амурского осетра по таксам превышает 481 тыс. рублей [10, с. 111]. Поэтому посягательства на такие виды почти всегда уголовно наказуемы. Сравним сегменты по основным признакам (табл. 1).

Таблица 1

Признаки посягательств на особо ценные и ценные виды водных биоресурсов

Признак	Особо ценные виды (прежде всего осетровые)	Ценные виды (прежде всего лососевые)
Квалификация	ст. 258.1 УК РФ (перечень № 978)	ст. 256 УК РФ, ст. 8.17 и 8.37 КоАП РФ
Основные районы	Волжско-Каспийский и Азово-Черноморский бассейны	Дальний Восток
Правонарушители	преимущественно организованные группы с распределением ролей	местные жители, ведущие массовый лов; работники рыбодобывающих организаций
Способ и сбыт	лов сетями в местах нереста, переработка в подворьях и на легальных производствах, сбыт черной икры	лов в путину, неучтенный улов под прикрытием легального промысла, вывоз красной икры в багаже
Доля приостановленных дел в 2022 г.	37 % (ст. 258.1 УК РФ)	12 % (ст. 256 УК РФ)
Ведущие детерминанты	редкость ресурса, разрыв цен на икру, возможность легализации икры, коррупционные связи	сезонная доступность ресурса, цена красной икры, привычность промысла для местного населения
Приоритет предупреждения	антикоррупционные меры, контроль внешнеторгового оборота и маркировки икры	массовая профилактика в путину, контроль вывоза икры, сопоставление данных о вылове и производстве

Сегменты различаются прежде всего кругом правонарушителей. Е. Б. Кургузкина и А. В. Зубкова делят их на местных жителей, работников рыбодобывающих организаций, нарушающих условия разрешений, и организованные группы [4, с. 270]. Осетровых добывают преимущественно организованные группы ради сбыта икры, а улов перерабатывают в частных подворьях или на производствах, связанных с законной переработкой [5, с. 224]. В сегменте ценных видов массовый мелкий лов местных жителей соседствует с промышленным браконьерством, где незаконная добыча «поставлена на поток» [11, с. 53]. Прикрытием ему служит легальный промысел [12, с. 96].

Расходятся сегменты и по раскрываемости. В 2022 г. по статье 256 УК РФ приостановили 12 % дел, по статье 258.1 УК РФ - 37 % [1, с. 23]. Статистика по этой статье не разделяет водные биоресурсы и диких животных [13, с. 188], поэтому сравнение остается ориентировочным. Однако трехкратный разрыв закономерен: оборот осетровых ведут организованно и маскируют под легальный, и виновные чаще остаются неустановленными.

Различны и детерминанты. Посягательства на особо ценные виды обусловлены прежде всего крайней редкостью ресурса. По оценке 2015 г., за два предшествующих десятилетия вылов осетра в Волго-Каспийском регионе сократился в 22,5 раза, белуги - в 8 раз [3, с. 132]. Редкость определяет цену: еще в 2000-е гг. килограмм осетровой икры в России стоил около тысячи долларов, в странах Западной Европы - 8,5-10 тыс. евро [3, с. 132]. Легальную икру получают от ремонтно-маточных стад рыбоводных хозяйств [6, с. 344-345], а переработка на легальных производствах позволяет выдать за нее браконьерскую. Китайская икра в десять и более раз дешевле российской, что создает угрозу нелегального реэкспорта [6, с. 347-348]. Устойчивость сегменту придают организованные группы с технической оснащенностью и коррупционными связями.

Посягательства на ценные виды, прежде всего лососевых, детерминированы иначе. Во время нереста рыба концентрируется на отдельных участках водоемов, а высокая цена рыбы и икры сохраняет экономический стимул [14]. По данным Россельхознадзора, в личном багаже пассажиров ежегодно перевозили более 500 т икры, ради которой браконьеры уничтожали свыше 15 тыс. т лососей [10, с. 110]. Для местного населения добыча лосося остается привычным промыслом. При этом рост экономической активности в рыбной отрасли нередко влечет параллельный рост преступлений [10, с. 107].

Разные детерминанты требуют и разных мер предупреждения: против организованного оборота осетровых нужны антикоррупционные меры и контроль за всей цепочкой, от вылова до потребителя. С 1 мая 2024 г. икра осетровых и лососевых при вводе в оборот подлежит обязательной маркировке [15]. А. А. Савичев предлагает также усилить контроль за импортом осетровых и ужесточить порядок ввоза и вывоза икры физическими лицами [6, с. 349-351]. В сегменте ценных видов на первый план выходит массовая профилактика в период путины: рейды, правовое просвещение местного населения, контроль за вывозом икры. Прокурорские проверки территориальных управлений Росрыболовства в 2022 г. выявили пробел: данные отчетности о вылове не сопоставляются с объемами производства и реализации продукции [10, с. 108]. Устранить его важно для обоих сегментов.

Из сравнения следуют три вывода. Во-первых, посягательства на особо ценные и ценные виды водных биоресурсов образуют два криминологически различных сегмента. Во-вторых, сегмент особо ценных видов держится на организованном обороте икры, поэтому предупреждать его нужно прежде всего антикоррупционными мерами и контролем за внешнеторговым оборотом. В сегменте ценных видов решающее значение имеет профилактика в период путины. В-третьих, посягательства на водные биоресурсы по статье 258.1 УК РФ целесообразно учитывать в уголовной статистике отдельно от посягательств на диких животных. Их объединение мешает оценить реальное состояние посягательств на особо ценные виды.

Список источников

1. Антонян Е. А., Клещина Е. Н. Современное состояние, детерминанты и проблемы предупреждения преступлений, посягающих на биоресурсы // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 20–25.

2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2025 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9892 (дата обращения: 12.10.2026).

3. Зубкова А. В. Криминологическая характеристика преступлений, посягающих на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и нарушение правил их охраны // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 130–137.

4. Кургузкина Е. Б., Зубкова А. В. Личность преступника, склонного к незаконной добыче (вылову) водных биологических ресурсов и нарушению правил охраны водных биологических ресурсов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 1. С. 265–274.

5. Майстренко Г. А., Майстренко А. Г. К вопросу об ответственности за незаконную добычу (вылов) рыбы особо ценных пород // Образование и право. 2022. № 12. С. 222–225.

6. Савичев А. А. Виктимологический анализ преступности в сфере внешнеторгового оборота

осетровых видов рыб // Виктимология. 2025. Т. 12, № 3. С. 343–353.

7. Приказ Минсельхоза России от 23 октября 2019 г. № 596 «Об утверждении Перечня особо ценных и ценных видов водных биологических ресурсов» (ред. от 18.02.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2019. 16 дек. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.10.2026).

8. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред. от 05.10.2023) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 45. Ст. 5814.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» (ред. от 31.10.2017) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107129/ (дата обращения: 12.10.2026).

10. Никитенко И. В., Сорокина А. В. Краткий криминологический обзор показателей преступности в сфере незаконного оборота водных биологических ресурсов в Дальневосточном федеральном округе // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2. С. 104–113.

11. Мухамбетов Ф. Н. Социально-экономическое явление в виде криминального рынка водных биоресурсов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2025. Вып. 3. С. 51–57.

12. Савичев А. А. Незаконная добыча водных биологических ресурсов: криминологический аспект // Виктимология. 2023. Т. 10, № 1. С. 89–100.

13. Мухамбетов Ф. Н. Предмет преступления, предусмотренного статьей 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 186–191.

14. Карабут Т. Рыбоохрана изъяла у браконьеров почти в три раза больше рыбы и икры // Российская газета. 2026. 6 окт. URL: https://rg.ru/2026/10/06/vodnye-procedury.html (дата обращения: 12.10.2026).

15. Постановление Правительства РФ от 29 ноября 2023 г. № 2028 «Об утверждении Правил маркировки икры осетровых и икры лососевых (красной икры) средствами идентификации и особенностях внедрения государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в отношении икры осетровых и икры лососевых (красной икры)» (ред. от 29.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2023. 30 нояб. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.10.2026).

© К.И. Албогачиев, 2026

УДК 343.58

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ (СТ. 245 УК РФ)

ЛЕДЕНЕВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА
магистрант специализации юриспруденция
ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»
г. Омск, РФ

Аннотация: В настоящей научной статье проводится комплексный уголовно-правовой и криминологический анализ состава преступления, предусмотренного статьей 245 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматривается эволюция объекта преступного посягательства от защиты отношений собственности к охране общественной нравственности и принципов гуманного обращения с животными. Особое внимание уделено дефиниции «жестокое обращение», разграничению уголовно наказуемого увечья и иного вреда здоровью животного, а также сложным вопросам квалификации субъективной стороны (прямой умысел, садистские методы, цель причинения боли и страданий). Анализируется нормативное взаимодействие статьи 245 УК РФ с Федеральным законом № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными».
Ключевые слова: жестокое обращение с животными, статья 245 УК РФ, общественная нравственность, увечье, садистские методы, цель причинения боли и страданий, ФЗ № 498-ФЗ, квалификация преступлений.

IMPROVING CRIMINAL LAW PROTECTION AND QUALIFICATION ISSUES OF ANIMAL CRUELTY (ARTICLE 245 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Ledeneva Elena Sergeevna

Abstract: This scientific article provides a comprehensive criminal-law and criminological analysis of the crime provided for in Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation. The evolution of the object of crime from property protection to public morality is examined. Particular attention is paid to the definition of 'cruelty', distinguishing mutilation from other harm to animal health, and qualification of the subjective side.
Keywords: animal cruelty, Article 245 of the Criminal Code of the RF, public morality, mutilation, sadistic methods, goal of causing pain and suffering, Federal Law No. 498-FZ, qualification of crimes.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема правовой защиты животных от жестокого обращения относится к числу наиболее остро дискутируемых вопросов современной юридической науки и правоприменительной практики. Актуальность исследования уголовно-правовой охраны животных обусловлена не только ростом общественного запроса на гуманное отношение к животному миру, но и необходимостью устранения существующих пробелов в законодательстве.

1. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ УВЕЧЬЯ, ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ И ФОРМ ДЕЯНИЯ

Объективная сторона жестокого обращения с животными характеризуется совершением общественно опасного деяния в форме действия или бездействия. Действие при жестоком обращении может выражаться в нанесении побоев, истязании, мучительных способах умерщвления, использовании животных в боях или негуманной охоте. Судебная практика знает многочисленные примеры совершения преступления путем нанесения ножевых ранений, сбрасывания животных с высоты и нанесения ударов предметами. Сложнее дело обстоит с квалификацией жестокого обращения, совершенного в форме бездействия. В уголовно-правовой доктрине долгое время велась дискуссия о возможности привлечения к ответственности за бездействие лиц, не являющихся собственниками животных.

Большинство исследователей сходится во мнении, что ответственность за бездействие возможна только при наличии у лица правовой или договорной обязанности по содержанию животного. Однако современная судебная практика демонстрирует более широкий подход к оценке бездействия. Суды привлекают к уголовной ответственности лиц, оставивших без еды и воды похищенных или изувеченных ими животных, даже при отсутствии юридической обязанности по их содержанию. В судебно-следственной практике зафиксированы случаи вменения бездействия лицам, которые бросили раненое животное без оказания ветеринарной помощи. Закон № 498-ФЗ прямо относит неоказание помощи животному в опасном для жизни состоянии к проявлениям жестокого обращения [7, с. 124].

Вторым обязательным элементом объективной стороны являются преступные последствия в виде гибели или увечья животного. Под гибелью животного в судебной практике понимается наступление его биологической смерти в результате жестоких действий или бездействия. Наибольшее количество квалификационных ошибок в судебной практике связано с истолкованием категории «увечье». В самом уголовном законе понятия «увечье» не раскрывается, что делает его оценочной категорией. Судебно-медицинские критерии определения степени тяжести вреда здоровью утверждены только в отношении человека и не подлежат прямому применению к животным.

В связи с этим судам приходится самостоятельно формулировать критерии увечья с привлечением ветеринарных специалистов. Анализ судебных актов выявил существование трех различных подходов к определению увечья в правоприменительной практике. Первая группа судов констатирует факт причинения увечья без пояснения степени тяжести вреда здоровью животного. Вторая группа судов определяет увечье через конкретные анатомические и функциональные нарушения организма животного. К таким нарушениям суды относят полную или частичную утрату зрения, слуха, ампутацию конечностей или повреждение внутренних органов [11, с. 160].

Третья группа судов рассматривает увечье как патологическое состояние, непосредственно предшествующее смерти животного. В отдельных судебных решениях в качестве критерия увечья указывается необходимость длительного ветеринарного лечения для сохранения жизни животного. Судебная практика Верховного Суда РФ и региональных судов показывает постепенную консолидацию вокруг понимания увечья как тяжкого вреда здоровью животного. Тяжким вредом здоровью животного предлагается признавать повреждения, опасные для жизни либо повлекшие утрату органа или его функций. Причинение легкого вреда здоровью или вреда средней тяжести без стойкой утраты функций органа не образует состава увечья по смыслу статьи 245 УК РФ.

Третьим обязательным элементом объективной стороны выступает причинно-следственная связь между деянием и наступившими последствиями. Установление причинной связи требует доказательства того, что именно жестокое обращение виновного стало непосредственной причиной гибели или увечья животного. Если гибель животного наступила от имевшегося у него заболевания или иных сторонних факторов, состав преступления отсутствует. Определение причинной связи осложняется при длительном истязании животного или оставлении его без пищи и воды.

В подобных случаях судам необходимо назначать ветеринарно-токсикологические и патолого-анатомические экспертизы. Задержка со сбором доказательств и проведением экспертиз часто приводит к утрате следов преступления и прекращению уголовных дел. Высокая латентность преступления обусловлена также тем, что многие акты жестокости совершаются внутри жилых помещений. Отсут-

ствие непосредственных очевидцев существенно затрудняет выявление преступника и доказывание его вины. В случае, когда животное принадлежит другому лицу, деяние может дополнительно квалифицироваться по статье 167 УК РФ за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества.

Однако судебная практика избегает двойной квалификации, если умысел виновного был направлен исключительно на жестокое обращение с животным. Если же виновный преследовал цель причинить значительный материальный ущерб собственнику животного, возможно вменение совокупности преступлений. Судебная практика знает примеры квалификации похищения и последующего убийства породистых или сельскохозяйственных животных по статьям 158 и 245 УК РФ. В случаях, когда жестокое обращение сопровождается публичным нарушением общественного порядка, возникает вопрос о разграничении со статьей 213 УК РФ. Нанесение повреждений животному в общественном месте из хулиганских побуждений в присутствии граждан образует состав хулиганства [9, с. 11].

Суд в Сергиево-Посадском районе Московской области осудил гражданина за стрельбу по кошке из пневматического оружия по совокупности статей 213 и 245 УК РФ. Аналогично квалифицируются действия лиц, совершающих прилюдные расправы над животными из стремления продемонстрировать пренебрежение к обществу. Проблемы квалификации объективной стороны тесно переплетаются с установлением специфических признаков субъективной стороны преступления. Сложность доказывания объективных обстоятельств часто влечет за собой ошибки при квалификации мотивации виновного лица. Например, мучительный способ умерщвления животного иногда ошибочно трактуется судами как объективное проявление садизма без исследования внутреннего отношения виновного.

Научный интерес представляет также проблема судебно-ветеринарной экспертизы при определении механизма образования телесных повреждений у животных. Поэтому глубокое исследование субъективной стороны выступает ключевым условием правильной квалификации. Анализ судебных ошибок подтверждает необходимость четкого разграничения признаков основного и квалифицированного составов. Подводя итог рассмотрению объективной стороны, важно отметить необходимость унификации судебно-ветеринарных критериев оценивания вреда здоровью животных. Сформулированные выводы позволяют перейти к детальному исследованию субъективной стороны и квалифицированных видов жестокого обращения с животными.

3. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА, СПЕЦИФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ СТ. 245 УК РФ

Субъективная сторона жестокого обращения с животными характеризуется исключительно прямой формой умысла. Виновное лицо осознает общественную опасность своих действий или бездействия, предвидит неизбежность или возможность гибели либо увечья животного и желает их наступления. Совершение данного преступления с косвенным умыслом или по неосторожности действующим уголовным законодательством не предусмотрено. Особенностью субъективной стороны статьи 245 УК РФ является обязательное наличие в составе одной из указанных в законе целей или мотивов. Законодатель определяет три альтернативных конструктивных элемента субъективной стороны: цель причинения боли и страданий животному, хулиганские побуждения или корыстные побуждения [8, с. 24].

Отсутствие хотя бы одного из этих мотивов или целей исключает состав преступления и влечет возвращение дела прокурору или прекращение преследования. Под хулиганскими побуждениями в судебной практике понимается совершение жестоких действий без повода или с использованием незначительного повода для демонстрации пренебрежения к общественным нормам. Под корыстными побуждениями понимается стремление виновного получить материальную выгоду от жестокого обращения с животным либо избавиться от материальных затрат. Корыстным мотивом признается проведение боев животных с целью получения ставок, использование животных в коммерческих целях с причинением страданий или забой чужого животного для употребления мяса. Избавлению от расходов на содержание животного путем его умышленного умерщвления или покалечения судами также придается значение корыстного мотива.

Наиболее сложной для доказывания на практике является цель причинения боли и страданий животному. Данная цель выражается в стремлении виновного мучить животное, наблюдать его физи-

ческие мучения и испытывать от этого болезненное удовлетворение. До декабря 2017 года редакция статьи 245 УК РФ содержала иную формулировку субъективной стороны, сочетавшую мотивы хулиганства и корысти с садистскими методами. Изменение законодательной конструкции в 2017 году разделило цель причинения боли и страданий (часть 1) и садистские методы совершения преступления (часть 2). Однако судебная практика до настоящего времени сохраняет тенденцию к смешению этих правовых категорий [9, с. 10].

Правоприменители нередко ошибочно квалифицируют действия лица по части 1 статьи 245 УК РФ при наличии явных признаков садизма, либо наоборот. Красноярский краевой суд в апелляционном постановлении от 18 декабря 2018 года специально разъяснил разницу между садизмом и мотивом причинения боли. Суд указал, что садистские методы представляют собой мучительный способ совершения преступления (пытки, сожжение живьем, истязание, мучительное умерщвление). Мотив же причинения боли и страданий относится к внутреннему психическому отношению виновного, стремящегося видеть мучения животного. Ошибка Голышмановского районного суда Тюменской области состояла в том, что при нанесении собаке ударов лопатой и выбрасывании ее в пакете суд не вменил признак садизма.

Субъектом преступления по статье 245 УК РФ выступает физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Законодательные инициативы о снижении возраста уголовной ответственности за жестокое обращение с животными до четырнадцати лет были отклонены Государственной Думой. В случае совершения жестоких действий несовершеннолетним в возрасте до шестнадцати лет уголовная ответственность не наступает, а материалы передаются в комиссии по делам несовершеннолетних. Родители несовершеннолетних могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный их детьми. Часть 2 статьи 245 УК РФ содержит перечень квалифицирующих признаков, существенно повышающих общественную опасность деяния.

Первым квалифицирующим признаком (пункт «а») является совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору предполагает совместное участие двух и более исполнителей, заранее договорившихся о жестоком обращении. Черепановский районный суд Новосибирской области осудил двух граждан, договорившихся о забое овчарки с применением топора и ножа из корыстных побуждений. Вторым квалифицирующим признаком (пункт «б») выступает совершение деяния в присутствии малолетнего. Малолетним в уголовном праве признается лицо, не достигшее возраста четырнадцати лет [12, с. 81].

Для вменения данного признака виновный должен заведомо осознавать, что за его жестокими действиями наблюдает малолетний ребенок. Повышенная общественная опасность данного пункта обусловлена причинением тяжелой психической травмы ребенку и развращающим воздействием на его психику. Баргузинский районный суд Республики Бурятия назначил наказание гражданину, убившему кролика ножом на глазах у испуганной малолетней дочери. Третьим квалифицирующим признаком (пункт «в») является использование садистских методов. Садистские методы характеризуются утонченной изощренностью, причинением особых страданий, сжиганием живьем, расчленением и длительным истязанием.

Четвертым квалифицирующим признаком (пункт «г») выступает публичная демонстрация, в том числе в СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет». Данный признак был введен в 2017 году в связи с распространением явления догхантинга и публикациями живодерами видеозаписей истязаний в социальных сетях. Общественная опасность публичной демонстрации заключается в трансляции культа насилия и жестокости на неопределенный круг лиц. Для констатации данного признака не требуется наличие специальной цели, достаточно самого факта трансляции или размещения материалов в сети «Интернет». Клинский городской суд Московской области осудил гражданина, убившего двух собак в вольере в присутствии несовершеннолетнего и на глазах у очевидцев [6, с. 12].

Пятым квалифицирующим признаком (пункт «д») является совершение преступления в отношении нескольких животных. Вменение данного пункта требует установления единого умысла виновного на же-

стокое обращение с двумя и более животными. Статистика показывает, что после 2017 года основной рост числа осужденных по статье 245 УК РФ происходит именно за счет квалифицированных составов части 2. Максимальное наказание по части 1 статьи 245 УК РФ составляет до трех лет лишения свободы, а по части 2 — от трех до пяти лет лишения свободы. Сравнительный анализ показал, что большинство преступлений по статье 245 УК РФ совершается лицами в состоянии алкогольного опьянения.

Состояние опьянения в соответствии со статьей 63 УК РФ может признаваться судом обстоятельством, отягчающим наказание. Криминологический портрет преступника характеризуется низким уровнем социальной адаптации, пренебрежением моральными нормами и склонностью к агрессии. Изучение правоприменительной практики подтверждает необходимость дальнейшей специализации судей и следователей по делам данной категории. Системный анализ субъективных и объективных признаков состава позволяет перейти к формулированию итоговых выводов исследования. В заключительном разделе статьи будут обобщены результаты проведенного анализа и сформулированы научно обоснованные рекомендации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что уголовно-правовая охрана животных в Российской Федерации находится в процессе активного формирования и совершенствования. Эволюция законодательства отражает постепенный переход от исключительно имущественного подхода к признанию самостоятельной ценности общественной нравственности и гуманности. Принятие Федерального закона № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными» создало нормативную базу для признания животных существами, способными испытывать эмоции и страдания. Однако проведенный анализ выявил сохраняющийся разрыв между широким понятием жестокого обращения в Законе № 498-ФЗ и узкой диспозицией статьи 245 УК РФ.

Перспективным направлением развития уголовного законодательства является постепенное признание жизни и здоровья животных самостоятельным дополнительным объектом уголовно-правовой охраны. Закрепление данного положения в уголовном праве позволит отказаться от исключительно материальной конструкции состава и привлекать к ответственности за сам факт истязания.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. – 2018. – № 295.
4. Авдеева Л. В. Жестокое обращение с животными: социально-правовая характеристика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 12 (38). – Ч. III. – С. 13-15.
5. Богатова Е. В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2016. – 24 с.
6. Иероклис Е., Немцова М. Жестокое и безответственное обращение с животными: вопросы и ответы (аналитический доклад). – М.: Факультет права НИУ ВШЭ, 2020. – 28 с.
7. Карелин А. Н. Преступления «небольшой» тяжести. Особенности правоприменения ст. 245 УК РФ // Международный журнал экспериментального образования. – 2017. – № 6. – С. 122-125.
8. Лазарев З. П. Животные с точки зрения уголовного права: науч. исследование / под ред. С. М. Кочои. – М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2020. – 31 с.
9. Пейсикова Е. В. Жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ): судебная практика, поиск новых критериев // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 4. – С. 10-15.

10. Рыбакова Т. И. Особенности квалификации по статье 245 Уголовного кодекса РФ // Вопросы российской юстиции. – 2024. – Вып. 31. – С. 240-248.
11. Сутормина С. И. Правовое регулирование отношений в области обращения с животными // Актуальные вопросы юридических наук: сб. науч. тр. – Екатеринбург: УрГПУ, 2025. – С. 159-162.
12. Шабалина М. Проблемы квалификации жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ) // Уголовное право. – 2020. – № 6. – С. 77-82.

УДК 343.140.02

КРИТЕРИИ ОТНОСИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 318 УК РФ «ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ»

МОКРОВСКИЙ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ
аспирант
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

Научный руководитель: Максимов Олег Александрович
д.ю.н, профессор
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

Аннотация: В статье рассматривается относимость доказательств по делам о применении насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ). На основе анализа правоприменительной практики предлагается систематизация относимых доказательств (объективные, личные, косвенные) и выделяются ключевые обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Обосновывается необходимость комплексного использования доказательств для построения типовой модели доказывания и снижения процессуальных ошибок.
Ключевые слова: относимость доказательств, предмет доказывания, ст. 318 УК РФ, насилие в отношении представителя власти, классификация доказательств, правоприменительная практика.

CRITERIA FOR THE RELEVANCE OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES CONCERNING OFFENCES UNDER ARTICLE 318 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION "USE OF VIOLENCE AGAINST A REPRESENTATIVE OF AUTHORITY"

Mokrovsky Andrey Viktorovich

Scientific adviser: Maksimov Oleg Alexandrovich

Abstract: The article examines the relevance of evidence in cases involving the use of violence against a representative of authority (Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation). Based on an analysis of law enforcement practice, a systematisation of relevant evidence (objective, personal, indirect) is proposed, and the key circumstances subject to proof in accordance with Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are identified. The necessity of comprehensive use of evidence for building a standard model of proof and reducing procedural errors is substantiated.
Keywords: relevance of evidence, subject of proof, Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation, violence against a representative of authority, classification of evidence, law enforcement practice.

В теории уголовного процесса относимость доказательств рассматривается как фундаментальное свойство, определяющее правовую связь между содержанием доказательства и обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу (предметом доказывания) [2 с. 39]. Взаимосвязь относимости с таким свойством, как допустимость, формирует основу для принятия законных и обоснованных процессуальных решений [1 с. 246]. Оценка доказательств с точки зрения их относимости к предмету доказывания является императивным условием для установления объективной истины и справедливого разрешения уголовно-правового спора [3 с.9.]. Пределы судебного следствия и доказывания, детерминированные нормами материального права, требуют четкой идентификации доказательственного материала, способного подтвердить или опровергнуть наличие или отсутствие обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Для всестороннего раскрытия проблематики относимости доказательств по делам о применении насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) представляется необходимым разрешить следующие вопросы: во-первых, определить механизм корреляции доказательства с предметом доказывания; во-вторых, проанализировать способность относимых доказательств верифицировать или фальсифицировать обстоятельства совершенного деяния; в-третьих, установить значение относимых доказательств для достоверного познания события преступления.

Решение поставленных задач требует обращения к правоприменительной практике. Эмпирический анализ материалов уголовных дел позволяет не только выявить критерии оценки относимости доказательств на досудебных стадиях и в ходе судебного разбирательства, но и систематизировать типичные ошибки правоприменителя. Выявление подобных дефектов правоприменения способствует формулированию рекомендаций по исключению из материалов дела неотносимых сведений, не входящих в предмет доказывания.

Проведенный анализ правоприменительной практики [4] по делам об обвинении по ст. 318 УК РФ позволяет констатировать, что суды признают относимыми и включают в предмет доказывания следующие группы доказательств, которые могут быть классифицированы по способу восприятия и процессуальной природе:

1. Объективные доказательства (непосредственно воспринимаемые и фиксируемые):

-Протоколы осмотра места происшествия, предметов и документов (включая фото- и видеотаблицы, фиксирующие обстановку, повреждения, следы биологического происхождения).

-Протоколы освидетельствования, медицинские осмотры, фиксирующие телесные повреждения у участников.

-Заключения судебных экспертиз (судебно-медицинских — для определения степени тяжести вреда здоровью; психолого-психиатрических — для установления вменяемости обвиняемого).

-Вещественные доказательства, включая видео- и аудиозаписи, в том числе с нагрудных регистраторов сотрудников правоохранительных органов.

2. Личные доказательства (основанные на вербальной информации):

-Показания потерпевшего (относительно характера насилия, высказанных угроз, обстоятельств задержания).

-Показания свидетелей (как из числа сотрудников правоохранительных органов, так и независимых очевидцев).

-Показания подсудимого, которые подлежат критической оценке в совокупности с иными материалами дела.

-Иные документы, включая рапорты сотрудников и письменные заявления.

3. Косвенные доказательства (требующие интерпретации в совокупности):

-Данные, характеризующие поведение обвиняемого (попытки скрыться, воспрепятствование освидетельствованию, агрессивный вербальный компонент).

-Сведения о состоянии опьянения, наличии специальных навыков (например, спортивной подготовки), предшествующем конфликту поведении.

-Материальные следы, не связанные напрямую с телесными повреждениями (повреждения форменной одежды, служебного автотранспорта).

-Должностные документы, подтверждающие правовой статус потерпевшего и законность его действий (приказы о заступлении в наряд, графики дежурств).

Предложенная систематизация позволяет выделить согласующиеся особенности относимых доказательств, характерные для данной категории уголовных дел. Установление последовательной связи между, полученными доказательствами по делу и предметом доказывания в соответствии со ст.73 УПК РФ требует подтверждения четырех основных обстоятельств:

Во-первых, факт насилия по отношению к представителю власти. Достоверность этого обстоятельства подтверждается заключениями судебно-медицинских экспертиз, показаниями потерпевших, видеозаписью, наличием следов борьбы или повреждения имущества.

Во-вторых, обусловленная связь насилия к должностному лицу с исполнением этим лицом должностных обязанностей. Достоверность этого доказывается должностными документами, нахождением потерпевшего на месте происшествия в форменной одежде и объективными данными о законности его требований, высказываемых в спорной ситуации.

В-третьих, наличие в действиях подсудимого прямого умысла на совершение незаконных действий в отношении должностного лица. Это, как правило, устанавливается через явное осознание подсудимым статуса потерпевшего (например: высказывание оскорблений, унижающих статус представителя власти) и характерной направленностью действий, которые однозначно свидетельствуют о намерении причинить какой-либо вред.

В-четвертых, для квалификации по ч. 2 ст. 318 УК РФ необходимо установить степень опасности результата примененного насилия для здоровья потерпевшего. Данное обстоятельство определяется исключительно заключением судебно-медицинской экспертизы о тяжести вреда здоровью.

Подводя итог, следует отметить, что доказывание состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, основываются на совокупном использовании относимых доказательств. Объективные данные (экспертизы, осмотры) подтверждают факт насилия. Свидетельские показания восстанавливают картину преступления. Косвенные доказательства (поведение, попытки скрыться) дополняют её. На практике при оценке доказательств при наличии противоречий между обстоятельствами уголовного дела предпочтение отдается объективным доказательствам нежели показаниям лиц. Отказ от освидетельствования или попытки скрыть следы трактуются как косвенное подтверждение вины. Видеозапись имеет решающее значение, но, если насилие прямо не зафиксировано, это может быть в пользу обвиняемого. Эти особенности доказательств по ст. 318 УК РФ помогают построить типовую модель доказывания и снизить число процессуальных ошибок.

Список источников

1. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. —М.: Норма, 2007.
2. Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : научно-учебное пособие. – М. : Проспект, 2016. – 213 с.
3. Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013.
4. Определение суда кассационной инстанции от 27 марта 2025 года дело №80-УД25-2-К6 УИД: 73RS0011-01-2021-001226-10; Определение суда кассационной инстанции от 19 декабря 2024 года дело №46-УД24-21-К6 УИД: 63RS0040-01-2019-006086-19; Определение суда кассационной инстанции от 27 марта 2024 года дело №81-УДП24-2-К8 УИД: 42RS0025-01-2021-000785-08; Определение суда кассационной инстанции от 24 августа 2022 года дело №73-УД22-7-К8 УИД:04RS0007-01-2019-003008-61; Определение суда кассационной инстанции от 9 марта 2023 года дело №85-УД23-2-А1. Архив Верховного Суда РФ (дата обращения 08.10.2026).

© А.В. Мокровский, 2026

УДК: 343.1

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПОТЁМКИН ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные процессуальные аспекты уголовной политики, реализуемой в экономической сфере. Выявлены тенденции формирования уголовно-процессуальной политики государства по делам о преступлениях, совершенных индивидуальными предпринимателями и иными субъектами предпринимательской деятельности. Обоснован вывод о последовательной дифференциации порядка производства по делам о преступлениях, совершенных субъектами предпринимательской деятельности.
Ключевые слова: уголовная политика, предпринимательская деятельность, уголовный процесс.

PROCEDURAL ASPECTS OF CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Potemkin Igor Yuryevich

Abstract: The article examines selected procedural aspects of criminal policy implemented in the economic sphere. It identifies trends in the formation of the state's criminal procedure policy regarding crimes committed by individual entrepreneurs and other business entities. The conclusion on the consistent differentiation of the procedure for handling cases involving crimes committed by business entities is substantiated.
Keywords: criminal policy, entrepreneurial activity, criminal procedure.

Поиск модели устойчивого и эффективного социально-экономического развития государства является краеугольным камнем, определяющим его суверенность, место и значение в международном сообществе. Функционирование экономических отношений детерминировано рядом обстоятельств внешнего и внутреннего характера, в числе последних необходимо отметить внутригосударственные средства правовой защиты общественных отношений в сфере экономики. Формализованное в нормах отраслевого законодательства стремление законодателя упорядочить социальные отношения должно опираться на экономические реалии, быть практически обоснованным, соответствовать запросам и учитывать интересы всех участников экономических отношений.

Субъекты малого и среднего предпринимательства вносят достаточно весомый вклад в развитие российской экономики и государство последовательно и целенаправленно поддерживает развитие этого вида предпринимательской деятельности.

Уголовное судопроизводство, представляя собой детально урегулированную нормами права стадийную процедуру привлечения лица к уголовной ответственности, выступает тем самым внешней формой реализации нормы материального уголовного права. Отсюда общепринятым и, по существу, верным является вывод о наличии относительно самостоятельного направления (элемента) уголовно-правовой политики государства – политики уголовно-процессуальной.

Как объективная категория и как особый вид государственно-правовой деятельности уголовная

политика определяется конкретными экономическими, идеологическими, политическими, культурными условиями существования социума и в силу этого всегда носит конкретно-исторический характер, являясь продуктом своего времени. Анализ действующего уголовного и уголовно-процессуального закона, тех изменений и дополнений, которые были внесены в него в последние годы законодателем, позволяет констатировать, что порядок реализации уголовной ответственности в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, приобрел ряд специфических особенностей. Эти особенности можно рассматривать как с материальный уголовно-правовой, так и с уголовно-процессуальной точек зрения. Однако, учитывая комплексный характер новелл материального и процессуального законодательства нельзя не отметить, что они в своей совокупности формируют содержание отдельного направления уголовной политики государства, а именно уголовной политики в сфере предпринимательской деятельности.

Представляется, что необходимость в реализации самостоятельной уголовной политики в сфере предпринимательской деятельности обусловлена, прежде всего, задачей достижения оптимального баланса между публичными и частными интересами в экономической сфере. С одной стороны государство обеспечивает защиту публичного интереса в экономических отношениях от преступных посягательств, предпринимает меры по минимизации того ущерба, который причиняется экономическими преступлениями, а с другой стороны не менее важной является задача по обеспечению субъектам предпринимательской деятельности надлежащих условий её осуществления, в том числе посредством мер, направленных на стимулирование инвестиционной и деловой активности, ограждению от «чрезмерной опеки» со стороны контролирующих и надзирающих государственных органов. Регулируемые нормами права общественные отношения, складывающиеся в сфере предпринимательской деятельности, и образуют, по нашему мнению, объект рассматриваемой нами уголовной политики.

Успешное решение указанной выше задачи во многом зависит от наличия действенных организационно-правовых механизмов, позволяющих исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов, оградить от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей за неисполнение ими договорных обязательств в тех случаях, когда оно обусловлено обычными предпринимательскими рисками [1].

Следует также учитывать то немаловажное обстоятельство, что эффективность современных национальных экономических моделей в условиях ужесточающейся конкурентной борьбы за лидерство в мировом цивилизационном развитии во многом определяется гибкостью экономической системы, её способности быстро и эффективно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям рынка.

Как свидетельствует мировой опыт, именно малый и средний бизнес с этой задачей справляется наиболее успешно. Кроме того, учитывая региональные особенности нашего государства, вклад малого и среднего бизнеса в экономику отдельного региона Российской Федерации имеет определяющее значение для социально-экономического развития региона. Отсюда поддержка индивидуальных предпринимателей, создание необходимых стимулирующих предпринимательскую деятельность условий, а также системы правовых гарантий для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, представляет важное направление внутренней политики государства в целом, частью которой является и уголовная политика.

Не будет преувеличением сказать, что в этом направлении законодатель последовательно придерживается тенденции гуманизации уголовного закона, используя механизм декриминализации деяний, общественная опасность которых в современных условиях жизни общества либо минимальна и не требует привлечения виновных в их совершении лиц к уголовной ответственности, либо полностью утрачена.

Применительно к процессуальной стороне средствами уголовной политики является, прежде всего, установление дополнительных гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем, в сфере уголовного судопроизводства установление таких дополнительных процессуальных гарантий субъектам уголовного процесса должно соответствовать его принципам и не приводить к появлению у субъектов объективно не обусловленных процессуальных привилегий и

иммунитетов. Иное искажало бы назначение уголовного судопроизводства - охрану и защиту прав как обвиняемых в преступлениях лиц, так и лиц, потерпевших от преступных деяний.

В рамках регулирования уголовного судопроизводства в сфере экономики Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) [2] устанавливает специальный режим для лиц, обвиняемых в преступлениях, связанных с предпринимательством. Ключевые особенности этого режима заключаются в следующем:

- выделение особого круга субъектов, в отношении которых применяются специальные правила производства отдельных следственных и иных процессуальных действий. Согласно п. п. 27.1, 27.2 ст. 5 УПК такими субъектами признаются индивидуальные предприниматели, а также члены органа управления коммерческой организацией;

- выделение особого, прямо предусмотренного статьями 20, 81.1, 108 и 164 УПК перечня преступлений, совершенных указанными выше лицами;

- связь этих преступлений с осуществлением лицом предпринимательской деятельностью или реализацией полномочий по управлению коммерческой организацией, а также с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности;

- наличие исключительного повода для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях (ч.1.3 ст. 140 УПК);

- порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики (ст.81.1 УПК);

- порядок избрания меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении индивидуальных предпринимателей и членов органа управления коммерческой организацией (ст.108 УПК);

- право подозреваемого иметь свидания с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого в сфере предпринимательской деятельности (п.3.1 ч. 4 ст. 46 УПК).

Суть этих правил сводится к упреждению неблагоприятных для лица последствий уголовного преследования и, несомненно, имеет положительный эффект, дополняя систему процессуальных гарантий прав подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе с учетом специфики расследования дел об экономических преступлениях.

Наличие в УПК указанных выше специальных норм является ни чем иным как ещё одним проявлением тенденции дифференциации уголовного процесса. Данное обстоятельство приводит к выводу о формировании особого порядка производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности её субъектами, имеющего специфический предмет доказывания, особенности производства отдельных процессуальных и следственных действий.

Таблица 1

Преступления в сфере экономики (2015-2024 г. г.)

Год	Всего выявлено преступлений в тыс.	Следствие обязательно в тыс.
2015	112,4	102,5
2016	108,8	96,4
2017	105,1	91,3
2018	109,5	97,2
2019	104,9	92,8
2020	105,5	93,9
2021	117,7	99,0
2022	111,4	95,8
2023	105,3	92,0
2024	105,4	93,7

Вместе с тем, практика применения порядка производства по делам о преступлениях, совершенных субъектами предпринимательской деятельности, не должна препятствовать общей направленно-

сти уголовной политики на «обеспечение национальной безопасности в области противодействия преступности и возмещение вреда, причиненного преступлениями» [3, 19].

Как свидетельствуют статистические данные за период с 2015 по 2025 год число выявленных преступлений в сфере экономики имеет среднее значение 108,6 тыс. Таким образом ситуация с состоянием экономической преступности не меняется и носит достаточно стабильный характер. Более того, на фоне либерализации уголовной политики и формирования особых правил производства по делам об экономических преступлениях, совершенных индивидуальными предпринимателями и членами органа управления коммерческой организацией в 2021 и 2022 годах был достигнут максимальный за последние 10 лет показатель выявленных преступлений в сфере экономики [4].

Представляется, что государственно-правовые средства поддержки малого и среднего предпринимательства прежде всего должны разрабатываться и реализовываться в сферах гражданского и налогового правового регулирования. Что же касается уголовно-правовой сферы, то здесь требуется продуманный и взвешенный подход, опирающийся на научный анализ состояния преступности и накопленный практический опыт расследования уголовных дел о преступлениях в экономической сфере.

Список источников

1. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного суда Российской федерации от 15 ноября 2016 г. № 48. - Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Ф от 18 декабря 2001 г.: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ: [в редакции от 26 июля 2026 года]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

3. Нудель, С. Л. Тенденции современной российской уголовной политики в контексте криминализации / С. Л. Нудель // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 18–26. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.018-026.

4. Состояние преступности. – Текст: электронный // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. - URL: https://мвд.рф/reports (дата обращения 15.08.2026 г.).

УДК 343.721

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОЖИЛОГО ПОТЕРПЕВШЕГО: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТАКТ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПАМЯТИ

БУРЦЕВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
магистрант
Тульский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»

Научный руководитель: Стороженко Константин Олегович
к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Тульский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Аннотация. Рассмотрены тактические решения, позволяющие получить полные и проверяемые показания пожилого потерпевшего при сохранении его процессуальной самостоятельности. На основе криминалистических исследований и положений УПК РФ выделены условия установления психологического контакта, приемы актуализации воспоминаний и способы предупреждения внушающего воздействия. Обосновано, что возраст сам по себе не является показателем недостоверности показаний; определяющее значение имеет индивидуальная оценка состояния и коммуникативных возможностей потерпевшего.
Ключевые слова: пожилой потерпевший, допрос, психологический контакт, память, криминалистическая тактика, уголовный процесс.

TACTICAL FEATURES OF INTERROGATING AN ELDERLY VICTIM: PSYCHOLOGICAL CONTACT AND OVERCOMING AGE-RELATED MEMORY CHANGES

Burtsev Yuriy Aleksandrovich

Scientific adviser: Storozhenko Konstantin Olegovich

Abstract. The article examines interviewing techniques aimed at obtaining complete and verifiable testimony from older victims while respecting their procedural autonomy. Drawing on forensic scholarship and Russian criminal procedure law, it discusses rapport-building, memory retrieval and safeguards against suggestive questioning. Age alone is not a measure of testimonial unreliability; individual cognitive and communicative abilities should guide the choice of interviewing techniques.
Keywords: elderly victim, interrogation, psychological rapport, memory, forensic tactics, criminal proceedings.

Участие пожилого человека в уголовном судопроизводстве требует от следователя одновременно решения двух задач: выяснения обстоятельств преступления и предупреждения дополнительной психологической нагрузки на потерпевшего. Особенно заметно это противоречие при расследовании посягательств, сопровождающихся испугом, материальными потерями либо утратой чувства безопасности. Для лица старшего возраста сам факт официального вызова может восприниматься как чрезвычайное событие. Поэтому формальное соблюдение процессуальной последовательности не всегда обеспечивает содержательную полноту показаний.

Л. В. Бертовский связывает специфику получения показаний от старших возрастных групп не только с изменениями памяти, но и с замедлением обработки информации, особенностями внимания и сенсорного восприятия [2].

В. Е. Луценко и К. В. Степанюгин развивают этот подход применительно к организационным условиям допроса и необходимости дополнительных гарантий. Их выводы позволяют перейти от общего тезиса об «особом отношении» к пожилым лицам к конкретной последовательности тактических решений [2].

При этом понятия «пожилой возраст» и «старческий возраст» в научных публикациях используются не вполне единообразно. Для уголовно-процессуальной тактики важнее не формальная возрастная граница, а функциональное состояние конкретного потерпевшего: способен ли он воспринимать вопросы, удерживать их смысл, самостоятельно описывать события и замечать неточности в записи показаний.

Статья 42 УПК РФ [1] закрепляет право потерпевшего давать показания, заявлять ходатайства, пользоваться помощью представителя, знакомиться с протоколом следственного действия и приносить на него замечания. Общий режим допроса установлен статьями 187–190 УПК РФ. Следователь вправе провести допрос по месту нахождения лица, если признает это необходимым; наводящие вопросы запрещены, а использование документов и записей допускается. Эти нормы создают пространство для гибкой тактики без снижения доказательственных требований.

Психологический контакт в данном случае следует понимать не как достижение эмоциональной близости, а как создание отношений, при которых потерпевший понимает цель разговора, не опасается унижения и сохраняет свободу сообщать как известные, так и неизвестные ему обстоятельства. Следователь должен представиться, разъяснить порядок допроса обычным, но юридически точным языком, обозначить возможность попросить повторить вопрос и сделать перерыв. Не следует подменять уважение демонстративной опекой: обращения, подчеркивающие беспомощность или возраст человека, способны вызвать сопротивление и недоверие.

Начальная беседа может затрагивать нейтральные темы, позволяющие оценить темп речи, слух и готовность человека к взаимодействию. Однако обсуждение семьи, здоровья либо воспоминаний о прошлом допустимо лишь постольку, поскольку оно не причиняет дискомфорта и действительно способствует контакту. Бертовский справедливо обращает внимание на неодинаковое эмоциональное значение прошлого для пожилых людей: одних воспоминания успокаивают, у других пробуждают тревогу. Следовательно, универсальная «разговорная разминка» может оказаться неэффективной [2].

Существенное значение имеет обстановка. При выборе места учитываются мобильность потерпевшего, необходимость приема лекарств, состояние слуха и зрения. Предусмотренная частью 1 статьи 187 УПК РФ возможность допроса по месту нахождения допрашиваемого позволяет избежать утомительной поездки. В помещении необходимы отсутствие постороннего шума, достаточное освещение и возможность беспрепятственно обратиться с просьбой о воде либо перерыве. Такая организация не является уступкой участнику процесса: она устраняет факторы, способные исказить воспроизведение информации.

Отдельный риск связан с присутствием близких лиц. Родственник может поддерживать потерпевшего эмоционально, но способен непреднамеренно подсказывать ответы, исправлять рассказ или выражением лица обозначать «правильную» версию. Вопрос о его процессуальном участии должен разрешаться в рамках закона, а не по одному лишь мотиву преклонного возраста. Наличие у потерпевшего права на представителя не означает автоматической допустимости любого сопровождающего как участника допроса.

С возрастом нередко увеличивается время, необходимое для поиска слова, восстановления по-

следовательности действий либо выделения нужного эпизода среди сходных событий. Такие трудности нельзя отождествлять с утратой способности правдиво сообщать факты. Наибольшую тактическую ценность приобретает различение трех ситуаций: сведения не были восприняты; сведения были восприняты, но временно не воспроизводятся; сведения воспроизведены, однако включают позднейшую интерпретацию.

Допрос предпочтительно начинать со свободного рассказа. Пока потерпевший описывает события собственными словами, следователь фиксирует смысловые опорные точки, не перебивая паузами для немедленного уточнения. Затем вопросы располагаются от общих к частным: место и обстоятельства встречи, последовательность действий, отдельные признаки лица или предмета, источник представлений о времени. Пауза после вопроса допустима и не должна восприниматься как повод немедленно предложить вариант ответа.

Особенно опасны формулировки, незаметно включающие предполагаемый факт: «Он был в темной куртке?» вместо «Как была одета эта особа?». Запрет наводящих вопросов, закрепленный частью 2 статьи 189 УПК РФ, имеет здесь не только процессуальное, но и познавательное значение: он помогает отделять собственное воспоминание от информации, поступившей от следователя.

Воспоминание об обстоятельствах преступления целесообразно восстанавливать через нейтральные ориентиры: обычный распорядок дня, порядок перемещения, расположение предметов, собственные действия до и после события. Эти ориентиры полезны лишь тогда, когда исходят из опыта самого потерпевшего, а не предлагаются как уже установленная версия. Если человек не может назвать точное время, допустимо выяснить, с каким повседневным действием оно совпадало. При этом полученная оценка времени должна быть отражена именно как приблизительная.

Необходимо разграничивать непосредственное восприятие и последующее знание. Следователь выясняет, какие сведения потерпевший видел или слышал лично, что узнал от соседей, родственников, из переписки либо сообщений СМИ. Данное разграничение особенно значимо, когда после преступления событие многократно обсуждалось и первоначальный образ мог соединиться с чужими объяснениями. Отсюда вытекает правило: не следует «освежать» память демонстрацией предполагаемого ответа до того, как зафиксирован самостоятельный рассказ.

Бертовский допускает заблаговременное сообщение общей темы допроса и повторный допрос спустя несколько дней как способы облегчения припоминания [2]. Луценко и Степанюгин также указывают на целесообразность дополнительного обращения к воспоминаниям через два-три дня. Вместе с тем повторение не является универсальным средством повышения достоверности: появившиеся сведения необходимо проверять по другим источникам, а в протоколе отмечать, каким образом и при каких обстоятельствах потерпевший их вспомнил [3].

При наличии заметных колебаний внимания полезнее сокращать информационную нагрузку, чем настойчиво добиваться немедленного ответа. Один вопрос должен касаться одного обстоятельства, а сложные конструкции следует разбивать на смысловые части. Следователь обязан выдерживать обычную для допрашиваемого скорость общения; громкий голос не компенсирует непонимания вопроса и при сохранном слухе способен восприниматься как давление.

По частям 2–3 статьи 187 УПК РФ непрерывный допрос взрослого лица ограничен четырьмя часами, а общая продолжительность в день — восемью часами; согласно части 4 этой статьи при наличии медицинских показаний время определяется по заключению врача. Названные пределы не препятствуют завершить допрос раньше. Предложение научной литературы установить для лиц старческого возраста один час непрерывного допроса и два часа в сутки следует рассматривать как проект специальной гарантии, а не действующее правило.

Техническая фиксация по части 4 статьи 189 УПК РФ может повысить проверяемость того, как именно был задан вопрос и в какой форме последовал ответ. Вместе с тем аудио- или видеозапись не заменяет точного протоколирования. При ознакомлении с протоколом целесообразно дать потерпевшему достаточно времени для прочтения текста, а при затрудненном зрении обеспечить возможность воспринимать содержание доступным способом. Следует избегать ситуации, когда человек соглашается с записью только из-за усталости либо доверия к должностному лицу.

Заключение

Специфика допроса пожилого потерпевшего заключается не в создании упрощенного стандарта оценки доказательств, а в выборе условий, при которых человек способен наиболее точно воспроизвести самостоятельно воспринятое. Психологический контакт уменьшает коммуникативные барьеры; свободный рассказ и ненаводящие уточнения препятствуют внушению; разумная продолжительность и возможность повторного допроса учитывают индивидуальный темп припоминания. Процессуальные гарантии и тактическая результативность здесь не конкурируют, а дополняют друг друга.

Представляется обоснованным закрепить в методических рекомендациях следователям алгоритм предварительной оценки коммуникативных потребностей пожилого потерпевшего, выбора места допроса, организации пауз и проверки вновь воспроизведенных сведений. Вопрос об установлении специальных законодательных временных ограничений заслуживает отдельного обсуждения: единая возрастная граница не должна подменять индивидуальную оценку здоровья и способности участвовать в следственном действии.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026). Ст. 42, 164, 187, 189, 190, 191.

2. Бертовский Л. В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп / Л.В. Бертовский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1100–1121.

3. Луценко В. Е., Степанюгин К. В. Отдельные вопросы и особенности тактики допроса лиц старческого возраста / В.Е. Луценко, К.В. Степанюгин // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 517–519.

УДК 343.74

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ИМУЩЕСТВА, ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ

СИВЕЦ МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ
магистрант
Тульский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Научный руководитель: Стороженко Константин Олегович
к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Тульский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Аннотация. Рассматриваются характер и степень общественной опасности оборота имущества, заведомо добытого преступным путём. Особое внимание уделяется экономическим последствиям таких сделок, их влиянию на устойчивость корыстной преступности и возможности восстановления имущественных прав потерпевшего. На основе сопоставления научных подходов и положений уголовного законодательства обосновывается необходимость оценки исследуемого деяния не только через факт незаконного обращения вещи, но и через формируемый им спрос на результаты преступлений. Проводится разграничение приобретения либо сбыта и легализации преступных доходов, определяются критерии индивидуализации ответственности.
Ключевые слова: общественная опасность; приобретение имущества; сбыт имущества; преступные доходы; криминальный оборот; статья 175 УК РФ.

PUBLIC DANGER OF ACQUIRING OR SELLING PROPERTY KNOWINGLY OBTAINED THROUGH CRIME

Sivets Maxim Yuryevich

Scientific adviser: Storozhenko Konstantin Olegovich

Abstract. The article examines the nature and degree of public danger associated with acquiring or selling property knowingly obtained through crime. It addresses the economic consequences of such transactions, their contribution to the persistence of profit-motivated offences and their impact on the restitution of victims' rights. Based on Russian criminal law and published legal scholarship, the paper distinguishes dealings in criminally obtained property from money laundering and identifies factors relevant to proportionate criminal liability.
Keywords: public danger; acquisition of property; sale of property; criminal proceeds; illicit circulation; Article 175 of the Criminal Code of Russia.

Введение

В уголовно-правовой оценке преступлений экономической направленности внимание закономерно сосредоточено на первоначальном причинении имущественного ущерба. Между тем судьба похи-

щенного либо полученного вследствие иного преступления имущества нередко определяется поведением лиц, не участвовавших в основном посягательстве. Они приобретают вещи, принимают их для перепродажи или обеспечивают их передачу следующему владельцу. Подобные действия способны превратить разовое противоправное изъятие в устойчивый источник доходов, что придаёт им самостоятельное уголовно-правовое значение [2; 3].

Российский законодатель предусматривает ответственность за заранее не обещанные приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём, в ст. 175 УК РФ [1]. Норма помещена в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», однако её охранительное назначение шире обеспечения формальных правил оборота вещей. Так, соответствующие сделки затрудняют выявление преступного происхождения имущества и создают экономическую заинтересованность в повторении предикатных посягательств.

Уголовно-правовая доктрина не предлагает единственного ответа на вопрос о непосредственном объекте приобретения или сбыта преступно добытого имущества. Д. А. Мурин обращает внимание на многоуровневый характер причиняемого вреда. Автор определяет, что криминальный оборот угрожает общественной безопасности, интересам правосудия и отношениям собственности [2]. Иной исследовательский акцент связан с местом ст. 175 УК РФ в системе преступлений в сфере экономической деятельности. Незаконный рынок нарушает предсказуемость обмена и равные условия оборота имущества [3; 5]. Указанные позиции не обязательно исключают друг друга, поскольку характеризуют разные проявления одного механизма.

Первое проявление опасности — формирование спроса на незаконно полученные вещи. Возможность практически беспрепятственно продать похищенное снижает риски его удержания и повышает привлекательность первоначального посягательства. В этой связи приобретатель выступает не пассивным участником последующего движения имущества, а экономическим звеном, делающим совершённое преступление выгодным. Нурутдинов и Лобачев рассматривают такое обращение имущества в качестве фактора, стимулирующего преступную деятельность [3]. Следовательно, вред выражается не только в судьбе конкретного предмета, но и в создании условий для новых противоправных изъятий.

Второе проявление состоит в осложнении восстановления нарушенного права собственности. Перепродажа, передача через посредников и смешение законных и незаконных товаров способны затруднить установление местонахождения имущества и его возврат. При этом сам факт перехода вещи к очередному фактическому владельцу не устраняет её преступного происхождения. Чем длиннее цепочка распоряжений, тем больше ресурсов требуется для проверки обстоятельств получения предмета и установления причастных лиц. Речь идёт о реальном негативном эффекте для потерпевшего и деятельности правоприменительных органов, а не только об абстрактном нарушении порядка торговли [2; 4].

Третье проявление — вытеснение добросовестных участников оборота. Участник незаконного рынка может предлагать имущество дешевле его обычной стоимости, поскольку приобретение не связано с легальным формированием себестоимости и соблюдением прав собственника. Однако низкая цена сама по себе не доказывает преступления, она является лишь возможным обстоятельством, подлежащим оценке вместе с другими доказательствами. Именно поэтому уголовно-правовая характеристика рассматриваемого деяния требует различать экономическую подозрительность операции и установленную законом заведомость [4; 5].

Таким образом, общественная опасность имеет как непосредственное, так и опосредованное измерение. Приобретатель и сбытчик поддерживают движение конкретного имущества, но одновременно обеспечивают устойчивость механизма, позволяющего извлекать выгоду из первоначальных преступлений. Не всякая отдельная сделка приводит к новому преступлению; общественно опасным является и сам поддерживаемый ею канал обращения криминальных активов.

Ключевая общественная опасность приобретения и сбыта имущества, заведомо добытого преступным путём, заключается в придании результатам первоначального преступления экономической востребованности. Деяние нарушает нормальное функционирование имущественного оборота, уменьшает шансы на восстановление прав потерпевшего и способствует воспроизводству корыстной преступности. Уголовно-правовое противодействие будет последовательным лишь при сочетании пресе-

чения каналов сбыта с точным установлением заведомости, разграничением смежных составов и соразмерной оценкой реального вклада виновного.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Мурин Д. А. Общественная опасность приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путём, как части оборота преступно добытого имущества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – № 1 (42). – С. 144-154.
3. Нурутдинов И. И., Лобачев М. С. К вопросу об уголовной ответственности за приобретение либо сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём, в России и за рубежом // Учёные записки Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 6. – № 2 (12). – С. 239-241.
4. Ляскало А. Н. Субъективные признаки приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путём // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 2.
5. Замараев В. И. Приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путём: вопросы толкования объективных и субъективных признаков // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 8. – С. 543–547.

УДК 343.593

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, НАРУШАЮЩИХ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК, ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ

ОРЛОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
студент
ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Научный руководитель: Буркина Ольга Александровна
к. юр. н, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Аннотация. В статье рассматриваются меры профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними из хулиганских побуждений и нарушающих общественный порядок. Анализируются ключевые направления профилактической работы. На основе проведённого исследования предлагаются разработанные научные предложения по совершенствованию системы предупреждения подростковой преступности.
Ключевые слова. Несовершеннолетний, хулиганство, профилактика, образовательная организация, комиссии по делам несовершеннолетних.

MEASURES TO PREVENT CRIMES COMMITTED BY MINORS WHO ARE ACTING AGAINST PUBLIC ORDER FOR HOOLIGANISM

Orlova Ekaterina Alexandrovna

Scientific adviser: Burkina Olga Alexandrovna

Abstract. The article deals with measures for the prevention of crimes committed by minors due to hooliganism and disturbing public order. Key areas of prevention are analyzed. On the basis of this study, developed scientific proposals for improving the system of prevention of juvenile crime are proposed.
Keywords. Minors, hooliganism, prevention, educational organization, commission on juvenile affairs.

Деяния, совершенные несовершеннолетними из хулиганских побуждений, относятся к числу правонарушений, негативные последствия которых распространяются не только на непосредственных жертв, но и на самих виновных лиц, их семейное окружение и социум, что обусловливает необходимость углубленного научного анализа указанной проблематики.

Результативность предупреждения преступлений среди несовершеннолетних обеспечивается в первую очередь не строгостью мер уголовной ответственности, а грамотной и оперативной профилактической работой. Особую актуальность приобретает предупреждение преступлений, совершаемых по хулиганскому мотиву, поскольку данные деяния обладают высокой степенью общественной опасности, отличаются специфической мотивацией (часто иррациональной и ситуативной) и устойчиво занимают

одно из ведущих мест среди правонарушений подростков. В отличие от корыстных или насильственных преступлений с очевидной целью, хулиганские действия нередко совершаются «из озорства», под влиянием группового давления или в силу возрастных особенностей психики, что требует особых подходов к их предупреждению.

Хулиганская преступность несовершеннолетних тесно связана с комплексом социально-психологических факторов: семейным неблагополучием, дефектами воспитания, неорганизованностью досуга, влиянием асоциальных групп и информационной среды. В связи с этим возникает необходимость разработки и систематизации мер предупреждения, учитывающих не только правовые, но и педагогические, психологические и социальные аспекты воздействия на личность несовершеннолетнего.

На данный момент в Российской Федерации профилактикой, а также непосредственным предотвращением преступности среди несовершеннолетних лиц занимается несколько субъектов, которые представляют единую систему, которая объединена общими целями и задачами. Одно из главенствующих мест в данной системе занимает Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) Данная комиссия при реализации своей деятельности руководствуется ФЗ от 24 июня 1999 г. №120 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В соответствии с этим федеральным законом, комиссии по делам несовершеннолетних призваны решать следующие задачи: предотвращать безнадзорность и правонарушения среди подростков; выявлять и устранять причины, порождающие эти явления; защищать права детей; осуществлять социальную реабилитацию несовершеннолетних, оказавшихся в социально опасном положении; а также выявлять и пресекать случаи вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий [1].

По своему уровню профилактическая работа традиционно подразделяется на три вида.

1) Общесоциальная профилактика, которая направлена на устранение общих причин и условий преступности и включает меры социально-экономического, культурно-воспитательного и правового характера — улучшение материального положения семей, развитие системы дополнительного образования, правовое просвещение граждан (в первую очередь несовершеннолетних).

2) Специально-криминологическая профилактика осуществляется субъектами системы профилактики (комиссиями по делам несовершеннолетних, подразделениями по делам несовершеннолетних, органами опеки, образования, здравоохранения) и направлена на выявление конкретных криминогенных факторов и в дальнейшем организацию межведомственного взаимодействия и работу с группами риска.

3) Индивидуальная профилактика, которая представляет собой работу с конкретным несовершеннолетним, склонным к совершению преступлений, и включает постановку на учет, разработку индивидуальных программ реабилитации, психолого-педагогическое сопровождение и контроль за поведением.

По мнению А.И. Бельского, Р.С. Ягодина и П.А. Волкова, основными направлениями профилактических работ являются такие мероприятия, как:

- ограничение влияния социальных факторов (материальное положение семьи, окружение подростка), которые негативно действуют на них и непосредственно связаны с совершением преступлений несовершеннолетними;

- непосредственное воздействие на «трудных» подростков, которые находятся в группе риска или ранее уже привлекались за совершение преступных деяний;

- воздействие на группы с антиобщественной направленностью, которые напрямую негативно влияют на несовершеннолетних и подталкивают их на совершение преступлений и нарушение закона в целом [2; 105-112].

Ключевой проблемой в современных условиях отмечается тенденция к омоложению контингента хулиганов, росту жестокости и группового характера таких преступлений, что делает традиционные методы профилактики (преимущественно информационно-просветительские) недостаточно эффективными. Кроме того, в отличие от корыстных или насильственных преступлений с очевидной целью, хулиганские действия нередко совершаются «из озорства», под влиянием группового давления или в силу возрастных особенностей психики, что требует особых подходов к их предупреждению. Несвоевременное реагирование на факты совершения хулиганских действий, отсутствие должного контроля за

лицами, склонными к нарушениям общественного порядка, порождают у некоторых подростков чувство безнаказанности и вседозволенности, что повышает их желание совершить противоправное общественно опасное деяние. Ещё одной важной проблемой, которая мотивирует несовершеннолетних к совершению преступлений, является пропаганда антиобщественного образа жизни в сети Интернет, доступность видеоматериалов, демонстрирующих жестокость и насилие, которые в дальнейшем формируют искаженное представление о допустимых формах поведения. Помимо этого, недостатки в деятельности правоохранительных органов и иных субъектов профилактики также относятся к ключевым проблемам современной системы профилактики преступности несовершеннолетних. Все эти проблемы в очередной раз доказывают необходимость дальнейшего рассмотрения хулиганства среди несовершеннолетних и модернизацию существующих мер профилактики.

Итак, эффективная профилактика хулиганской преступности среди несовершеннолетних требует комплексного подхода, сочетающего правовые, организационные и воспитательные меры.

На основании выявленных проблем предлагаются следующие нововведения.

Во-первых, дополнить статью 90 УК РФ новой принудительной мерой воспитательного воздействия - выполнением общественно полезных работ на срок от 20 до 100 часов в свободное от учебы время. Это позволит подростку, совершившему хулиганство, на практике усвоить ценность труда и общественного порядка. Полагаем, что так как в перечне принудительных мер воспитательного воздействия отсутствует мера, предполагающая общественно полезный труд, а существующие обязательные работы, будучи уголовным наказанием, оставляют судимость, что для несовершеннолетнего, впервые совершившего хулиганство, является чрезмерно суровым. Предложенная мера не влечет судимости, контроль за ее исполнением предлагается возложить на комиссии по делам несовершеннолетних.

Во-вторых, необходимо разработать и внедрить в рамках предмета ОБЗР образовательного модуля «Антихулиган», направленного на формирование правосознания и навыков бесконфликтного поведения. Считаем, что действующая система правового просвещения несовершеннолетних носит фрагментарный характер и не учитывает возрастные особенности восприятия информации подростками. Введение системного модуля позволит сформировать у учащихся устойчивое неприятие хулиганских проявлений и четкое понимание алгоритмов поведения с «хулиганами».

Эффективное предупреждение данного вида преступности возможно лишь при условии системного, межведомственного подхода, сочетающего правовые, педагогические, психологические и социальные меры, а также объединяющего усилия всех субъектов системы профилактики на основе принципов законности, гуманизма и приоритета воспитательного воздействия над карательным.

Список источников

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // КонсультантПлюс: справ. Правовая система.

2. Бельский А.И., Волков П.А., Ягодин Р.С. Предупреждение преступности несовершеннолетних / Бельский А.И., Ягодин Р.С., Волков П.А. – Текст: непосредственный // Ленинградский юридический журнал. – 2016. - № 2 (44). – С. 105-112.

УДК 343.711

МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НЕНАСИЛЬСТВЕННЫХ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ИЗ КОРЫСТНОГО МОТИВА

ОРЛОВА ПОЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА
студент
ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Научный руководитель: Буркина Ольга Александровна
к. юр. н, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Аннотация. Рассматриваемая нами статья посвящена проблеме предупреждения краж и мошенничества, совершаемых несовершеннолетними из корыстных побуждений ненасильственным способом. Рассматриваются уже существующие, а также предлагаются новые меры профилактики данной категории преступлений среди несовершеннолетних.
Ключевые слова Несовершеннолетний, кража, мошенничество, профилактика, предупреждение, образовательная организация, комиссии по делам несовершеннолетних.

MEASURES TO PREVENT NON-VIOLENT THEFT COMMITTED BY MINORS FOR MERCENARY MOTIVES

Orlova Polina Alexandrovna

Scientific adviser: Burkina Olga Alexandrovna

Abstract. The article we are considering is devoted to the problem of prevention of theft and fraud committed by minors for self-interested reasons in a non-violent way. Existing measures are being considered, and new measures to prevent this category of crimes among minors are being proposed.
Keywords. Minors, theft, fraud, prevention, prevention, educational organization, commission on juvenile affairs.

Одними из распространенных преступных деяний в подростковой среде являются ненасильственные хищения, которые требуют специфического подхода к их профилактике, так как мотивация несовершеннолетнего правонарушителя часто обусловлена не только материальной нуждой, но и возрастными особенностями психики, деформацией ценностных ориентиров и влиянием социума. Именно поэтому, особую актуальность в структуре подростковой преступности приобретает предупреждение ненасильственных хищений, совершаемых несовершеннолетними из корыстных побуждений.

Эффективность противодействия преступности несовершеннолетних определяется не столько строгостью наказания, сколько качеством профилактической работы.

По мнению А. В. Максименко и Р. А. Лащенко общая профилактика направлена на выявление и

устранение причин и условий, способствующих совершению корыстных преступлений среди несовершеннолетних, кроме того на обнаружение иных обстоятельств, которые способствовали бы облегчению совершения преступного умысла [1; 33-34]. Для большей эффективности данных профилактических мероприятий необходимо помнить про дифференцированный подход, который позволит учесть при разработке возрастные и психологические особенности субъекта преступления, степень педагогической запущенности и степень влияния окружения на криминогенный характер его поведения.

В Российской Федерации сформирована система государственных органов и общественных институтов, основной задачей которых является организация эффективной работы по профилактике детской безнадзорности. Ключевым нормативным актом в этой сфере выступает федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Данный нормативный правовой акт не только определил задачи и направления деятельности всех субъектов профилактики, но и установил порядок направления несовершеннолетних правонарушителей, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Закон регламентирует многоступенчатую систему предупредительных мер и воспитательного воздействия, что позволяет обеспечить максимальную дифференциацию и индивидуализацию их применения, а также объединить усилия государства и общества в деле борьбы с правонарушениями несовершеннолетних [2].

Профилактическая деятельность в отношении несовершеннолетних осуществляется на межведомственной основе и охватывает такие структуры, как Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП), органы управления социальной защитой населения, управления образованием, управления здравоохранением, а также органы опеки и попечительства, службы занятости и органы внутренних дел.

Деятельность Комиссии по делам несовершеннолетних включает как индивидуальную работу с подростками «группы риска» за счет проведения бесед, контролем за их поведением, так и координацию с иными субъектами профилактики — образовательными организациями и родителями несовершеннолетних. Суть деятельности заключается в организации работы всех служб для выявления проблемы и своевременной помощи несовершеннолетнему [3].

Профилактика преступлений среди несовершеннолетних, проводимая в образовательных организациях, направлена не на наказание, а на предупреждение противоправного поведения и создание условий для успешной социализации подростков. Центральным звеном этой системы выступает Совет профилактики, который создается с целью своевременного выявления и пресечения рисков девиантного поведения у подростков. Профилактическая работа в образовательной организации реализуется по нескольким ключевым направлениям, среди которых можно выделить:

1) индивидуальную профилактическую работу, которая включает в себя организацию коррекционно-развивающих занятий с привлечением педагога-психолога, разработку и реализацию индивидуальных программ профилактической работы с каждым подростком, состоящим на внутришкольном учете;

2) кроме того, в школах регулярно проводятся профилактические беседы с участием инспекторов ПДН, на которых рассматриваются вопросы ответственности несовершеннолетних за административные правонарушения и преступления;

3) и работа с семьей, ведь при выявлении семей, не выполняющих обязанности по воспитанию, обучению и содержанию детей, либо допускающих жестокое обращение с ними, Совет направляет информацию в органы опеки и попечительства, а также в комиссию по делам несовершеннолетних.

Основываясь на рассмотренных мерах, предлагаем следующие предложений, которые смогут содействовать ранее принятым процедурам по предупреждению совершения преступлений несовершеннолетними.

Во-первых, одной из основных причин совершения корыстных преступлений среди несовершеннолетних является нехватка денежных средств, которая достаточно часто обусловлена трудностями в трудоустройстве. Для решения данной проблемы можно организовать трудовую биржу, которая будет размещена как новый функциональный модуль на Государственной информационной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних «Профилактика». Социальные

наставники-предприниматели могли бы давать возможность лицам из группы риска трудоустраиваться на доступные по уровню знаний и возможностей вакансии и получать важный опыт работы. Алгоритм работы будет включать автоматическое сопоставление параметров заявки с открытыми вакансиями, согласование специалистом КДН и ЗП или центра занятости, заключение срочного трудового договора и контроль процесса через систему, где закрепленный социальный педагог или сотрудник КДН и ЗП отслеживает выходы на работу и отзывы наставника. Для привлечения малого бизнеса и предприятий необходимы финансовые стимулы, например: компенсация затрат на зарплату из бюджета через упрощенную подачу документов в системе, а также налоговые льготы по страховым взносам за работников из числа подростков группы риска. Для снижения рисков бизнеса предлагается субсидирование страхования ответственности работодателя и сопровождение наставника сотрудником КДН и ЗП, помогающим адаптировать подростка. Эта система позволит сформировать у несовершеннолетнего уважение к чужому труду и легальному заработку.

Во-вторых, перечень принудительных мер воспитательного воздействия предлагается дополнить ст. 90 УК РФ подпунктом «д» в части 2 — «выполнение общественно полезных работ в свободное от учебы время» на срок от 20 до 100 часов. В действующем УК обязательные работы существуют как вид уголовного наказания, что влечет за собой возникновение судимости, контроль со стороны уголовно-исполнительной инспекции и назначаются только по обвинительному приговору суда. Предлагаемый перенос этой меры в отношении несовершеннолетних в состав принудительных мер воспитательного воздействия меняет ее правовую природу. Так, при освобождении от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия судимость не возникает, что исключает правовые ограничения для подростка в будущем. Кроме того, контроль за выполнением работ переходит от уголовно-исполнительной инспекции к КДН и ЗП, которая может сочетать надзор с социальным сопровождением. Тем более, что предлагаемый срок от 20 до 100 часов существенно ниже, чем в УК РФ (от 60 до 480 часов), что позволяет применять меру без отрыва от учебы. И последнее, такая мера может назначаться на более ранней стадии — при прекращении уголовного дела без вынесения обвинительного приговора. Таким образом, вместо карательного инструмента, оставляющего судимость, создается воспитательная мера, позволяющая подростку, совершившему корыстное хищение, на практике усвоить ценность труда, без криминализации его личности.

Предупреждение ненасильственных хищений, совершаемых несовершеннолетними из корыстного умысла, требует системного, межведомственного подхода, сочетающего правовые, педагогические, психологические и социальные меры. Только при условии слаженной работы всех субъектов профилактики, своевременного выявления факторов риска и адресной помощи каждому подростку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации, возможно достижение устойчивых результатов в снижении уровня подростковой преступности и успешной социализации несовершеннолетних.

Список источников

1. Максименко, А. В. Общая профилактика краж, совершаемых несовершеннолетними / А. В. Максименко, Р. А. Лащенко // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2024. – № 1(55). – С. 32-36. – EDN FFJNRG.

2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 01.04.2025) //Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июня 1999 г. № 26. - Ст. 3177

3. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845. Зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ 06.02.2014. № 31238. [Электронный ресурс]: https://base.garant.ru/70585810/ (дата обращения: 13.04.2026)

УДК 343.2.7

ТЕНДЕНЦИИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

СНЕГИРЕВА Т.В.
магистрант
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК)

Аннотация. В статье на основе данных судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023–2025 гг. анализируются тенденции назначения наказания по ст. 238 УК РФ. Выявлен устойчивый приоритет наказаний, не связанных с изоляцией от общества: по ч. 1 ст. 238 УК РФ доминирует штраф, по ч. 2 – условное лишение свободы. Установлено, что реальное лишение свободы по ч. 1 ст. 238 УК РФ применяется в единичных случаях, а размеры штрафа зачастую несоразмерны характеру деяния.
Ключевые слова: ст. 238 УК РФ, назначение наказания, судебная статистика, штраф, условное лишение свободы, эффективность наказания, безопасность услуг.

TRENDS IN IMPOSING PENALTIES FOR PROVIDING SERVICES THAT DO NOT MEET SAFETY REQUIREMENTS

Snegireva T.V.

Abstract. Based on the data from the judicial statistics of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2023–2025, the article analyses the trends in sentencing under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. A stable priority of punishments not involving isolation from society has been identified: under Part 1 of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, a fine is dominant; under Part 2, it is suspended imprisonment. It has been established that actual imprisonment under Part 1 of Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation is applied in isolated cases, and the amount of the fine is often disproportionate to the nature of the act.
Keywords: Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, imposition of punishment, judicial statistics, fine, suspended imprisonment, effectiveness of punishment, safety of services.

Статья 238 УК РФ занимает особое положение в системе норм о преступлениях против общественной безопасности. Её диспозиция охватывает широкий спектр деяний – от производства и сбыта небезопасных товаров до выполнения работ и оказания услуг, создающих реальную угрозу жизни и здоровью потребителей. Сфера применения данной нормы за последние годы существенно расширилась: она используется при квалификации нарушений в жилищно-коммунальном хозяйстве, общественном питании, туристической деятельности, на транспорте и даже в медицинской практике.

Данные судебной статистики за трёхлетний период позволяют проследить несколько устойчивых закономерностей. По ч. 1 ст. 238 УК РФ число осуждённых в 2023 г. составило 433 человека, в 2024 г. – 375, в 2025 г. – 3 460 [3]. Столь резкий рост в 2025 г. требует пояснения: он может быть связан как с изменением подходов к учёту статистических данных, так и с активизацией правоприменения в отдельных сферах (в частности, в сфере оборота спиртосодержащей продукции и жилищно-коммунальных услуг). При этом показатель оправданных остаётся стабильно низким – 6 человек в 2025 г. при 3 460

осуждённых, что согласуется с общей тенденцией незначительной доли оправдательных приговоров в российской судебной практике.

Более показательна структура назначенных наказаний. По ч. 1 ст. 238 УК РФ в 2025 г. штраф назначен 2 529 лицам, что составляет абсолютное большинство – более 73% от числа осуждённых. Обязательные работы применены к 393 лицам (11,4%), ограничение свободы – к 396 (11,4%), условное лишение свободы – к 94 (2,7%). Реальное лишение свободы назначено 22 лицам – менее 0,7% от общего числа осуждённых по данной части статьи.

По ч. 2 ст. 238 УК РФ картина существенно иная. В 2025 г. из 1 030 осуждённых условное лишение свободы назначено 684 лицам (66,4%), штраф – 219 (21,3%), реальное лишение свободы – 92 (8,9%). Таким образом, при квалифицированном составе, предполагающем неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти, суды в большинстве случаев приходят к выводу о возможности исправления осуждённого без реального отбывания наказания.

По ч. 3 ст. 238 УК РФ, предусматривающей ответственность за повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, в 2025 г. осуждено 25 человек, из них реальное лишение свободы назначено 15, условное – 10. В таблице 1 представим назначение наказания по ст. 238 УК РФ [3].

Таблица 1

Назначение наказания по ст. 238 УК РФ в 2025 г. (данные Судебного департамента при ВС РФ)

Часть статьи	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы (реальное)	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Штраф	Обязательные работы
Ч. 1 ст. 238	3 460	6	22 (0,6%)	94 (2,7%)	396 (11,4%)	2 529 (73,1%)	393 (11,4%)
Ч. 2 ст. 238	1 030	9	92 (8,9%)	684 (66,4%)	2	219 (21,3%)	8
Ч. 3 ст. 238	25	1	15 (60%)	10 (40%)	0	0	0

Преобладание штрафа по ч. 1 ст. 238 УК РФ само по себе не является негативным явлением. Для преступлений небольшой тяжести, к которым относится данный состав, штраф представляет собой закономерную альтернативу лишению свободы, соответствующую принципу экономии уголовной репрессии. Проблема заключается в ином: в размере назначаемого штрафа и его соотношении с характером деяния.

Исследования показывают, что в подавляющем большинстве случаев размер штрафа, назначаемого по ч. 1 ст. 238 УК РФ, остаётся ниже медианного значения санкции, установленной законом. Санкция ч. 1 ст. 238 УК РФ предусматривает штраф в размере до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до двух лет. Если медиана составляет порядка 150 тысяч рублей, то фактически назначаемые суммы в массе своей оказываются существенно ниже этого порога. Это создаёт ситуацию, при которой экономическая «цена» оказания небезопасных услуг для правонарушителя может оказаться ниже стоимости надлежащего соблюдения требований безопасности.

Показательна в этом отношении практика по делам, связанным с оборотом небезопасной спиртосодержащей продукции. В одном из дел, рассмотренных Железнодорожным районным судом г. Ульяновска, осуждённая по ч. 1 ст. 238 УК РФ за производство и сбыт стеклоомывающей жидкости, содержащей метанол, была приговорена к ограничению свободы, а расходы на уничтожение изъятой продукции впоследствии взыскивались с неё в порядке гражданского иска [6]. При этом объём изъятой продукции – более трёх тысяч пятилитровых ёмкостей – свидетельствует о масштабе деятельности, явно несоразмерном мягкости назначенного наказания.

Наиболее дискуссионным представляется соотношение квалификации и наказания по ч. 2 ст. 238 УК РФ. Данный состав предполагает оказание небезопасных услуг, повлёкшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека. Казалось бы, наступление столь серьёзных

последствий должно смещать центр тяжести пенализации в сторону реального лишения свободы. Однако статистика свидетельствует об обратном: две трети осуждённых по данной части получают условное осуждение.

Такой подход формально соответствует положениям ст. 73 УК РФ: если суд приходит к выводу о возможности исправления осуждённого без реального отбывания наказания, условное осуждение применяется независимо от категории преступления (за исключением прямо указанных в законе случаев). Однако применительно к ст. 238 УК РФ возникает вопрос: насколько вывод о возможности исправления без изоляции согласуется с характером деяния, последствием которого стало причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека?

Показателен пример из практики Верховного Суда РФ. По делу Вахтель, осуждённой по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ за оказание туристических услуг, повлёкших по неосторожности смерть ребёнка, суд первой инстанции назначил 4 года лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года [5]. Апелляционная инстанция исключила применение ст. 73 УК РФ, однако сам факт первоначального назначения условного наказания за деяние, приведшее к гибели малолетнего, показателен. В данном случае суд первой инстанции явно недооценил общественную опасность содеянного, что подтверждает наличие системной проблемы, а не единичной ошибки.

Оценка эффективности назначенного наказания традиционно связывается с достижением целей, закреплённых в ч. 2 ст. 43 УК РФ: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений. Применительно к ст. 238 УК РФ каждый из этих компонентов вызывает вопросы.

Восстановление социальной справедливости при назначении штрафа ниже медианного значения санкции вряд ли можно признать достигнутым, особенно в случаях, когда деяние повлекло существенный вред. Исправление осуждённого посредством штрафа также представляет собой спорную гипотезу: экономическое воздействие без сопутствующих организационных ограничений (лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью) вряд ли способно изменить поведенческие установки лица, систематически пренебрегавшего требованиями безопасности.

Наиболее проблематичным представляется общее предупреждение. Если потенциальный правонарушитель – руководитель управляющей компании, организатор туристических поездок или индивидуальный предприниматель – оценивает риск быть подвергнутым штрафу в размере, сопоставимом с месячной выручкой, как приемлемый, превентивный эффект уголовного закона существенно снижается. В этом смысле статистика назначения наказания работает как сигнал: вероятность реального лишения свободы по ч. 1 ст. 238 УК РФ ничтожно мала, а финансовые последствия зачастую ниже затрат на приведение услуг в соответствие с требованиями безопасности.

Как справедливо отмечается в литературе, карательная мощь наказания не всегда приводит к желаемым результатам в противостоянии угрозам безопасности. Проблема лежит глубже: в недостаточной дифференциации ответственности в зависимости от реальной степени опасности деяния, в отсутствии последовательной практики назначения дополнительных наказаний (лишение права занимать определённые должности), а также в ограниченном использовании возможностей, связанных с возмещением причинённого вреда.

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, практика назначения наказания по ст. 238 УК РФ характеризуется устойчивым приоритетом мер, не связанных с изоляцией от общества: штрафа по ч. 1, условного лишения свободы по ч. 2. Во-вторых, размеры штрафа зачастую несоразмерны характеру деяния, что снижает как карательный, так и превентивный потенциал данной меры. В-третьих, применение условного осуждения по ч. 2 ст. 238 УК РФ – при наступлении тяжких последствий – требует более тщательной мотивировки и учёта конкретных обстоятельств, свидетельствующих о возможности исправления без реального отбывания наказания.

Эффективность уголовно-правового реагирования на оказание небезопасных услуг определяется не только строгостью санкции, но и её неотвратимостью и соразмерностью. Судебная статистика последних лет демонстрирует, что действующая практика не в полной мере обеспечивает баланс между гуманизацией и необходимой репрессией.

Список источников

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025). КонсультантПлюс.Код доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/bc5d3aade4df6fc1ea563ba409c7cb6f6108be59/
2. Апелляционное определение Камчатского краевого суда от 27 апреля 2026 г. по делу № 22-270/2026 (о назначении наказания по п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ).
3. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023–2025 гг. URL: https://cdep.ru/?id=79.
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 6 августа 2026 г. № 74-УД26-2-К9 (по делу ФИО1, осуждённой по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ).URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/OKXiqPikKj5/
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ по делу Вахтель С. А. (п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ) // Бюллетень Верховного Суда РФ. URL:
6. Решение Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 17 апреля 2026 г. по делу № 2-1184/2026 (о взыскании расходов на уничтожение вещественных доказательств по делу о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 238 УК РФ). URL: https://sudact.ru/regular/doc/Jxa50kzxnimX/

УДК 343.1:004.9

РОЛЬ ВИДЕОЗАПИСИ ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ЛАДЫГИНА АННА ИГОРЕВНА
магистрант
Тульский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Аннотация: В статье исследуется институт обязательной видеозаписи допроса несовершеннолетнего потерпевшего, закрепленный в ч. 5 ст. 191 УПК РФ. Анализируются актуальные проблемы правоприменения, связанные с получением возражений от участников процесса, недостаточной психологической подготовкой следователей, техническими ограничениями и неопределенностью доказательственного статуса видеоматериалов. Обосновывается необходимость разработки четкого алгоритма действий следователя, а также рассматриваются перспективные направления, включая внедрение модели «дружественных комнат», использование дистанционных технологий и повышение психологической компетентности сотрудников правоохранительных органов.
Ключевые слова: видеозапись, допрос, несовершеннолетний потерпевший, УПК РФ, следственные действия, психологические особенности, видеофиксация, доказательственное значение, вторичная виктимизация.

THE ROLE OF VIDEO RECORDING DURING THE INTERROGATION OF A MINOR VICTIM: PROBLEMS OF APPLICATION AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Ladygina Anna Igorevna

Abstract: The article examines the institution of mandatory video recording of the interrogation of a minor victim, enshrined in Part 5 of Article 191 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The current problems of law enforcement related to obtaining objections from participants in the process, insufficient psychological training of investigators, technical limitations and uncertainty of the evidentiary status of video materials are analyzed. The necessity of developing a clear algorithm of actions for the investigator is substantiated, and promising directions are considered, including the introduction of the "friendly rooms" model, the use of remote technologies and improving the psychological competence of law enforcement officers.
Keywords: video recording, interrogation, minor victim, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, investigative actions, psychological characteristics, video fixation, evidentiary value, secondary victimization.

С 1 января 2015 года вступили в силу изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленные на усиление процессуальных гарантий несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Одним из ключевых нововведений стала ч. 5 ст. 191 УПК РФ, согласно которой применение видеозаписи или киносъемки в ходе допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля является обязательным, за исключением

случаев, если против этого возражают сам несовершеннолетний или его законный представитель [1].

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что видеозапись выполняет двуединую функцию. С одной стороны, она служит важнейшей гарантией защиты прав несовершеннолетнего, позволяя избежать его повторных вызовов и, как следствие, минимизировать риск вторичной виктимизации и стресса. С другой стороны, видеоматериалы приобретают статус самостоятельного доказательства, которое суд вправе исследовать вместо личного участия ребенка в судебном заседании (ч. 6 ст. 281 УПК РФ). Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, при наличии видеозаписи допроса, проведенного на предварительном следствии, суд может не вызывать несовершеннолетнего потерпевшего для допроса в судебном заседании и ограничиться оглашением его показаний [2]. Однако, как показывает практика, реализация данной нормы сопряжена с рядом существенных проблем, требующих глубокого научного осмысления.

Правовая природа и значение видеозаписи. Видеозапись допроса несовершеннолетнего потерпевшего является не просто техническим средством фиксации, а важным процессуальным инструментом. Она позволяет зафиксировать не только вербальную информацию, но и невербальные проявления: жесты, мимику, интонации, паузы, эмоциональное состояние ребенка. Это имеет критическое значение для последующей оценки достоверности показаний, поскольку дети в силу возрастных особенностей могут быть подвержены внушению, фантазированию или, наоборот, замкнутости. Видеофиксация создает объективную картину события, позволяя суду и сторонам увидеть, в каких условиях проводился допрос, как реагировал ребенок на вопросы, не оказывалось ли на него давление.

В соответствии с ч. 7 ст. 166 УПК РФ, видеозапись является приложением к протоколу следственного действия. Она хранится при уголовном деле и подлежит исследованию в судебном заседании. Однако на практике возникает вопрос: может ли видеозапись полностью заменить живое общение суда с несовершеннолетним? Законодатель допускает такую возможность, но только при наличии определенных условий, связанных с обеспечением безопасности и психологического комфорта ребенка.

Проблемы применения видеозаписи. Несмотря на кажущуюся прогрессивность нормы, практика ее реализации сталкивается с рядом существенных трудностей.

Во-первых, это проблема получения отказа. Закон допускает исключение из правила об обязательной видеозаписи, если несовершеннолетний или его законный представитель возражают. На практике следователи, не обладая достаточными познаниями в детской и подростковой психологии, нередко активно ищут возможности получения такого отказа, что нивелирует гарантии, заложенные законодателем. Возражение должно быть оформлено в письменной форме и приобщено к материалам дела, однако на деле оно часто фиксируется лишь в протоколе следственного действия. При этом законные представители, опасаясь огласки или давления со стороны обвиняемого, могут отказаться от видеосъемки, что впоследствии затрудняет доказывание. Кроме того, возникает вопрос: что делать, если сам несовершеннолетний не возражает, а его законный представитель против? В соответствии с буквальным толкованием закона, возражение хотя бы одного из них является основанием для отказа от видеозаписи.

Во-вторых, видеозапись оказывает мощное психологическое воздействие на ребенка. Следователь должен выстроить допрос так, чтобы камера не вызывала тревоги. Как отмечается в методических рекомендациях СК РФ, важно объяснить подростку назначение съемки в доступной форме, например: «Камера нужна, чтобы все, что мы будем обсуждать, сохранилось точно». На начальном этапе целесообразно задавать нейтральные вопросы, чтобы ребенок привык к обстановке, и только затем переходить к открытым вопросам по существу [5, с. 44]. Однако на практике следователи зачастую не имеют специальной подготовки, что приводит к формальному подходу и дополнительному стрессу для потерпевшего. Ребенок может воспринимать камеру как угрозу или, наоборот, как игру, что искажает его поведение и показания.

В-третьих, существует проблема доказательственного значения видеозаписи. Возникает вопрос о возможности проведения судебно-психологической экспертизы видеозаписи для определения достоверности показаний. Однако Главное управление криминалистики СК России рекомендовало назначать такие экспертизы в исключительных случаях впредь до утверждения типовой экспертной методики. Более категоричную позицию заняли специалисты РФЦСЭ и НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П.

Сербского, указав на неправомерность определения достоверности показаний путем судебной экспертизы [4, с. 31]. Это создает неопределенность в вопросах оценки видеофиксации как доказательства. Суды не всегда обладают достаточными навыками для самостоятельной оценки видеоматериалов, а привлечение экспертов ограничено отсутствием единых методик.

В-четвертых, сохраняется потребность в четком алгоритме действий следователя. Как справедливо отмечается в литературе, ст. 191 УПК РФ нуждается в дополнительной правовой регламентации, устанавливающей процессуальные права всех участников и детальный порядок применения видеозаписи для полной и объективной фиксации доказательственной информации [7, с. 55]. В частности, не урегулирован вопрос о том, кто именно должен осуществлять видеосъемку: следователь, специалист или педагог-психолог. Отсутствуют четкие требования к качеству записи, ее продолжительности и порядку хранения.

Перспективы развития. Совершенствование института видеофиксации допроса несовершеннолетних потерпевших видится в нескольких направлениях.

1. Разработка тактических рекомендаций и повышение квалификации следователей в области детской и подростковой психологии. Следователь должен уметь устанавливать психологический контакт, использовать доступный язык и минимизировать стрессовые факторы. Целесообразно внедрение обязательных тренингов по проведению «следственных интервью» с несовершеннолетними.

2. Внедрение специализированных помещений («дружественных комнат»). Опыт Республики Беларусь и ряда европейских стран показывает эффективность создания обстановки, привычной для ребенка (игровая зона, класс). При отсутствии комнаты с зеркалом Гезелла могут использоваться компактные микрокамеры, которые не привлекают внимания и не создают эффекта «допроса» [6, с. 41]. В таких комнатах допрос проводит специально обученный психолог, а следователь наблюдает за процессом через одностороннее зеркало и имеет возможность корректировать вопросы.

3. Использование дистанционных технологий. Применение микронаушников позволяет следователю, находясь в отдельном помещении, подсказывать педагогу или психологу формулировки вопросов, не нарушая доверительной атмосферы. Однако при этом сохраняются риски, связанные с качеством связи и возможной потерей смысла вопроса при его адаптации.

4. Уточнение процессуального статуса видеозаписи. Необходимо законодательно закрепить порядок хранения видеоматериалов (в соответствии с ч. 7 ст. 166 УПК РФ), а также разрешить дискуссию о допустимости использования видеозаписи в качестве самостоятельного доказательства без обязательного проведения психолого-психиатрической экспертизы достоверности показаний. Кроме того, требуется четкая регламентация процедуры получения согласия на видеосъемку и порядка фиксации возражений.

5. Использование искусственного интеллекта для анализа видеозаписей. Перспективным направлением является разработка программных комплексов, способных анализировать невербальные реакции ребенка (микро-выражения, изменение пульса, дыхания) для помощи следователю в оценке его психологического состояния. Однако такие технологии требуют тщательной правовой и этической проработки.

Видеозапись допроса несовершеннолетнего потерпевшего является прогрессивным институтом, который при правильном применении обеспечивает баланс между интересами правосудия и защитой психики ребенка. Однако для реализации его потенциала требуется преодолеть проблемы, связанные с формальным подходом к получению согласия на съемку, недостаточной психологической подготовкой следователей и неопределенностью доказательственного статуса видеоматериалов. Дальнейшее развитие должно идти по пути детальной регламентации процедуры в УПК РФ, внедрения специализированных методик и современных технических средств, а также повышения психологической компетентности сотрудников правоохранительных органов.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Российская газета. – 2017. – 29 декабря. – № 297.

3. Применение видеосъемки при производстве ряда следственных действий, производимых с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля: разъяснение прокуратуры Хабаровского края от 04.10.2015 // Официальный сайт прокуратуры Хабаровского края. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_27/activity/legal-education/explain/e258471/ (дата обращения: 24.10.2026).

УДК 34

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

САНИН ЯРОСЛАВ ИГОРЕВИЧ
слушатель 1 курса набора 2025 года по направлению
подготовки 40.04.01 Юриспруденция (Магистратура)
факультета заочного обучения переподготовки и повышения квалификации Волгоградской академии
Министерства внутренних дел Российской Федерации

Научный руководитель: Скориков Дмитрий Геннадьевич
кандидат юридических наук, начальник кафедры организации следственной работы
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии
Министерства внутренних дел Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие правового регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Проведен анализ нормативных актов различных исторических периодов, начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 года и заканчивая современным законодательством Российской Федерации. Исследуется эволюция розыскной деятельности, особенности ее соотношения с уголовным судопроизводством, а также процесс формирования законодательных основ использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании.
Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, дознание, розыск, опрос, использование результатов, оперативно-розыскные мероприятия.

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION GOVERNING THE USE OF RESULTS OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES AS EVIDENCE IN CRIMINAL CASES

Sanin Yaroslav Igorevich

Scientific adviser: Skorikov Dmitry Gennadyevich

Abstract. The article examines the emergence and development of the legal regulation governing the use of results obtained through operational-search activities as evidence in criminal proceedings. It analyzes regulatory acts from various historical periods, ranging from the 1864 Charter of Criminal Procedure to the current legislation of the Russian Federation. The study explores the evolution of search activities, the specifics of their relationship with criminal proceedings, and the process of establishing the legislative framework for utilizing the results of operational-search activities in the evidentiary process.

Keywords: operational-search activity, inquiry, search, questioning, use of results, operational-search measures.

Становление правового регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам произошло в дореволюционный период. К концу семнадцатого столетия появляются специальные органы, осуществляющие сыск (напр. разбойный приказ и приказ сыскных дел), что выделило деятельность по раскрытию преступления в отдельный институт [1, с. 494].

В Уставе уголовного судопроизводства Уставе 1864 года (далее Устав 1864 года) содержались положения, позволявшие составить представление о розыскной деятельности. Так, согласно ст. 255 Устава 1864 года розыскные действия гласного и негласного характера назывались дознанием. Термин «оперативно-розыскная деятельность» в Уставе 1864 года не использовался, однако можно проследить применение схожих терминов в дореволюционном и современном законодательстве. На преемственность правового регулирования обращает внимание С. Ф. Шумилин, отмечая схожесть используемых Уставом 1864 года и Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» терминов - «расспрос» (ст. 254 УУС) – «опрос» (п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ1; «негласное наблюдение» (ст. 254 УСС – «наблюдение» - п. 6 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД)» [2, с. 13].

Первоначально сыскная деятельность, являющаяся историческим предшественником современной оперативно-розыскной деятельности, не существовала в качестве самостоятельной и «осуществлялась совместно с процессуальным производством по уголовным делам, и лишь сравнительно недавно она приобрела статус самостоятельной формы деятельности» [3, с. 229].

В соответствии со статьей 52 Устава 1864 года, мировой судья был наделен правом поручать полиции проведение предварительного розыска, если возникала необходимость получения дополнительных сведений о совершенном преступлении. Предоставление полиции соответствующих полномочий свидетельствовало о признании важной роли розыскной деятельности на первоначальном этапе выявления и расследования преступлений.

Поступившие сведения о возможном совершении преступления не могли служить безусловным основанием для начала дальнейшего производства. На полицию возлагалась обязанность проверить достоверность полученной информации с применением предусмотренных законом способов ее установления. Особое внимание законодатель уделял случаям, когда сведения носили неопределенный характер либо поступали из источников, не вызывавших доверия.

Согласно статье 253 Устава 1864 года, при наличии сомнений относительно признаков преступления, а также при получении информации по слухам, народной молве либо из иного недостаточно надежного источника полиция была обязана предварительно удостовериться в достоверности поступивших сведений путем дознания.

Лишь после подтверждения факта происшествия и установления наличия признаков преступления, материалы могли направляться по принадлежности для дальнейшего процессуального рассмотрения.

При осуществлении дознания сотрудники полиции собирали необходимую информацию различными розыскными способами. В частности, использовались розыск, расспрос лиц, располагающих необходимыми сведениями, а также негласное наблюдение за интересующими лицами или событиями. Одновременно законодатель устанавливал определенные пределы деятельности полиции, запрещая проведение обысков и выемок в жилых помещениях в рамках дознания, о чем прямо говорилось в статье 254 Устава 1864 года.

Несмотря на наличие достаточно подробного регулирования порядка получения сведений, вопросы дальнейшего использования собранной информации законодательного разрешения практически не получили. Устав 1864 года определял способы осуществления розыскной деятельности, однако не содержал положений о придании полученным сведениям процессуального значения и порядка их дальнейшего использования при производстве по уголовным делам, что впоследствии стало одним из

направлений развития отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Получение сведений о совершенных преступлениях, выявление лиц, причастных к преступлению, собирание информации, необходимой для раскрытия преступлений, осуществлялись одновременно с производством процессуальных действий. Позднее, по мере развития отечественного законодательства, оперативно-розыскная деятельность получила самостоятельное правовое регулирование с определением собственных задач, принципов, оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также закреплением порядка их осуществления.

Начало 1960-х годов в отечественной юридической науке принято рассматривать как период становления современной теории оперативно-розыскной деятельности. Именно в данный исторический период были заложены научные основы самостоятельного направления исследований, посвященного правовой природе, задачам, принципам и методам осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Развитие научных представлений было обусловлено изменениями уголовно-процессуального законодательства, впервые закрепившего правовые основы применения оперативно-розыскных мер. Формирование самостоятельной теории ОРД связано с принятием в 1958 году Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, впервые на законодательном уровне получил закрепление термин «оперативно-розыскные меры». Согласно статье 29 Основ уголовного судопроизводства проведение оперативно-розыскных мер возлагалось на органы дознания. Законодатель тем самым признал необходимость использования специальных способов получения информации, направленных на выявление преступлений, установление лиц, причастных к их совершению, а также обеспечение успешного расследования уголовных дел [4].

УПК РСФСР 1960 г. содержал перечень норм, указывающих на возможность использования ОРД (розыскных мер) для целей расследования, рассмотрения уголовного дела. К ним относились ст. 118 (обязанность органов дознания), 119 (деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно), 127 (полномочия следователя), ч. 2 ст. 211 (полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия [5, с. 17].

В 90-х годах прошлого века результаты оперативно-розыскных мероприятий в качестве материалов, имеющих доказательственное значение, судами не рассматривались. Создавшаяся ситуация несколько изменилась с принятием в 1995 году Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ, в статье 11 впервые закрепил возможность использования результатов ОРД [6, с. 53], а также ст. 89 УПК РФ, определяющей использование результатов ОРД.

Приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» регулирует процедуру оформления, направления и использования материалов оперативно-розыскной деятельности, обеспечивая соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства и гарантируя возможность их последующей проверки в ходе производства по уголовному делу.

Таким образом, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года, УПК РСФСР 1960 года, а впоследствии Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» 1995 года, закрепили возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Современное законодательство рассматривает результаты оперативно-розыскной деятельности не как самостоятельные доказательства, а как сведения, способные приобрести доказательственное значение лишь после их проверки, процессуального оформления и оценки в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Список источников

1. Петров Б.С. О вопросах использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам // Вопросы устойчивого развития общества. – 2022. - № 7. – С. 493 – 496.

2. Шумилин С.Ф. Использование результатов ОРД в уголовном судопроизводстве: монография / С. Ф. Шумилин. – Белгород, 2014. – 76 с.

3. Галимова М.А., Галимов О.Х. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: эволюция проблемы и ее современное состояние // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2026. - № 1(62). – С. 228 – 236.

4. Иванов П.И. Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» 25 лет // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. - № 1(96). – С. 157 – 168.

5. Назаров М. В. О роли результатов оперативно-розыскной деятельности в современном уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 4. – С. 16-23.

6. Потапова Н.Н., Долгачева О.И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности: история, современное состояние и перспективные направления совершенствования законодательства // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2(31). – С. 52 – 56.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 340

УРОКИ НЮРНБЕРГА: СОЗДАНИЕ МЕХАНИЗМА ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИДЕРОВ ГОСУДАРСТВ ЗА ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ДМИТРИЧЕНКО КРИСТИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА
студент
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры»

Научный руководитель: Тищенко Елена Владимировна
к.и.н., доцент
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры»

Аннотация: В статье рассматриваются причины актуальности Нюрнбергского процесса в XXI веке, процесс отказ от доктрины об иммунитете государственных лидеров.
Ключевые слова: Международный военный трибунал, Нюрнбергский процесс, историческая память, преступления против человечности, преступления против мира.

LESSONS OF NUREMBERG: ESTABLISHING A MECHANISM FOR THE PERSONAL RESPONSIBILITY OF STATE LEADERS FOR GLOBAL CRIMES

Dmitrichenko Kristina Vyacheslavovna

Scientific adviser: Tishchenko Elena Vladimirovna

Abstract: The article examines the reasons for the relevance of the Nuremberg trials in the 21st century and the process of dismantling the doctrine of the immunity of state leaders.
Keywords: International Military Tribunal, Nuremberg trials, historical memory, crimes against humanity, crimes against peace.

В октябре 2026 года исполнилось 80 лет с окончания Международного военного трибунала в Нюрнберге. Этот процесс стал первым в истории межгосударственным судом и заложил основы международного права. Именно тогда был определен принцип неизбежной личной ответственности за преступления против человечности и геноцид, а также осудившим нацистскую идеологию как воплощение абсолютного зла.

В нынешнее время делаются попытки искажения истории, наблюдается рост неонацистских настроений, реабилитации нацизма. В этой ситуации решения Нюрнбергского процесса остаются важным моральным и юридическим барьером. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации разработали и приняли ряд законодательных актов для противодействия возрождения нацизма. В Уголовном кодексе РФ закреплены статьи 354.1 «Реабилитация нацизма» и 357 «Геноцид», устанавливающие уголовную ответственность за оправдание идеологии нацизма и массовое истребление населения. Здесь прослеживается связь с вынесенным решением трибунала в Нюрнберге.[1]

Проект «Без срока давности», который был запущен «Поисковым движением России» и поддержан Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным, опирается на правовые итоги трибунала для сохранения памяти о миллионах жертв и защиты исторической правды.[2]

Изначально проведение трибунала не планировалось. Уинстон Черчилль предлагал Иосифу Сталину списки нацистских преступников для расстрела без суда, на что советский лидер возразил: «Чтобы ни произошло, но это должно быть соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим политическим врагам».[3] Однако благодаря советской стороне, которая выступала за юридический процесс, а не политический, состоялся Нюрнбергский процесс. Позиция Москвы была сформулирована в заявлении от 14 октября 1942 года «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы». «Советское Правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, из оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии». [4, с.7]

Также за идею суда выступили и западные юристы, именно их профессиональный опыт стал фундаментом, благодаря которому удалось достичь компромисса между странами антигитлеровской коалиции. Ключевой фигурой стал Роберт Джексон, который был назначен в мае 1945 года главным обвинителем. Выступление Джексона на открытии процесса 21 ноября 1945 года приобрело историческое значение. Он отметил, что, несмотря на новизну примененной правовой базы, сам акт агрессии не является беспрецедентным, а цивилизация обязана обладать механизмами самозащиты. Кроме того, была сформулирована главная правовая позиция: Каждый участник преступного сговора несет солидарную ответственность за все преступления, совершенные сообщниками в рамках реализации общего плана. [5, с.390]

Важным достижением Нюрнбергского процесса в сфере права стала формализация понятий преступлений против человечности статья 6(с) Устава Международного военного трибунала. Военные преступления совершаются только в период войны, а преступления против человечности совершались и в мирное время. Важное отличие в том, что последние всегда направлены против мирных граждан.

Юридическая наука обращает внимание на особенности таких деяний, хоть статья 6 объединяет множество деяний, в пункте «в» выделены наиболее опасные и тяжкие преступления против человечности. К ним относятся: порабощение, убийства, депортации, преследования по расовым, религиозным или политическим мотивам, а также проведение медицинских опытов на людях. [6,с.2]

Трибунал тщательно исследовал методы нацистских преступников, включающие конфискацию и уничтожение культурных ценностей народов, разрушение экономик оккупированных стран. Впервые государство и его первые лица были признаны ответственными за массовые репрессии против собственных граждан – к примеру, события «Хрустальной ночи» и государственная политика антисемитизма, которая проводилась в отношении еврейского населения до начала Второй мировой войны, что ранее являлось внутренним делом страны и выходило за рамки международной юрисдикции.

Ключевым достижением Нюрнбергского процесса стало расширение интерпретации индивидуальной уголовной ответственности. Установили принцип, согласно которому лица, занимающие руководящие посты, также несут ответственность за преступления, как и исполнители. Тем самым трибунал заложил фундамент для понимания того, что военные преступления и преступления против человечности и мира являются и коллективной виной государства, и персональной ответственностью каждого руководителя.

Кроме того решения Международного военного трибунала создали прецедент для развития международного уголовного права и предопредели появление Международного уголовного суда и международных трибуналов по бывшей Югославии (МТБЮ) и Руанде (МТР). Главным итогом стало утверждение идеи о равенстве всех перед законом, в том числе и высокопоставленных лиц, никто не может избежать ответственности за преступления против человечности и мира.

Нюрнбергский процесс стал важным рубежом в развитии международного права. Он продемонстрировал, что государства способны объединяться ради справедливого наказания за военные пре-

ступления, а также укрепил преставление о международном праве, как об инструменте, который позволяет не допустить повторения подобных ужасающих трагедий.

История показывает, что человечество способно выстраивать эффективные механизмы самоорганизации – но чтобы они работали, важно бережно хранить историческую память. Сегодня идеи, рождённые в Нюрнберге, проходят серьёзную проверку на прочность. Один из самых тревожных вызовов нашего времени – постепенное размывание принципа неотвратимости наказания за тяжкие преступления.

Важным шагом к осмыслению преступлений нацизма в Советском Союзе стала публикация материалов Нюрнбергского процесса. Уже в первые послевоенные годы в прессе стали публиковать стенограммы, обвинительные речи. Особую ценность представляли официальные издания. В 1957-1961 годах был опубликован сборник материалов в 7 томах под редакцией главного обвинителя от СССР – Романа Андреевича Руденко. [8] В 2025 году были опубликованы 18 томов стенограммы трибунала. Юрист и исследователь Сергей Мирошниченко перевел текст с английского языка на русский, а также сверил его с оригинальными аудиозаписями заседаний. [9]

Спустя 80 лет в международной правовой системе наметился кризис: всё заметнее становятся двойные стандарты, избирательный подход к правосудию и стремление использовать трибуналы в политических целях. При этом фундаментальные принципы, утверждённые в 1945 году, по-прежнему сохраняют свою значимость. Нюрнбергский процесс закрепил незыблемое правило: оправдание нацизма недопустимо. Этот общий вывод, к которому пришли страны антигитлеровской коалиции, сегодня нередко отодвигают на второй план – в угоду сиюминутным геополитическим интересам

Список источников

1 Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в редакции от 27 декабря 2019 № 500-ФЗ. – Текст : электронный // Государственная система правовой информации : официальный интернет-портал правовой информации – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891&intelsearch (дата обращения: 22. 10.2026).

2 Проект «Без срока давности»: официальный сайт / Поисковое движение России. – URL: https://безсрокадавности.рф/ (дата обращения: 11.10.2026).

3 Александров, А. Крымская конференция и Нюрнбергский процесс: уроки истории / А. Александров // Перспективы : информационно-аналитический портал. – 2020. – 13 августа. – URL: https://www.perspektivy.info/history/krymskaja_konferencija_i_nurnbergskij_process_uroki_istorii_2020-08-13.htm (дата обращения: 11.10.2026).

4 Заявление Советского Правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы. г. Москва, 14 октября 1942 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. / https://mid.ru/upload/medialibrary/a39/4wcpbm9cgqwys8298acel9ks6ivsuw2h/009.pdf (дата обращения: 11.10.2026)

5 Вступительная речь Главного обвинителя от США Р.Х. Джексона. Произнесена 21 ноября 1945 г. / https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163334-vstupitelnaya-rech-glavnogo-obvinitelya-ot-ssha-r-x-dzheksona-proiznesena-21-noyabrya-1945-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 11.10.2026)

6 Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. / https://лицей6.рф/wp-doc/ustav.mvn.nur-8845.pdf (дата обращения: 11.10.2026)

7 Бондарь А.А. Роль нюрнбергского процесса в формировании системы международного уголовного права / Научный руководитель: Н.А. Чернядьева, д.ю.н., профессор // Океанский менеджмент. 2020. № 4(9)./ https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nyurnbergskogo-protsessa-v-formirovanii-sistemy-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-prava/viewer (дата обращения: 11.10.2026)

8 Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сборник материалов : в 7 т. / под общ. ред. Р. А. Руденко. – Москва : Госюриздат, 1957–1961. – URL:https://militera.lib.ru/docs/all/n/b67569/index.html (дата обращения: 22.10.2026).

9 Стенограмма Нюрнберга : сб. документов / пер., сост. С.А. Мирошниченко. — 2-е изд., доп. — Текст : электронный. — М. : Милитера, 2025. — (Нюрнберг : материалы). — URL: http://militera.lib.ru/docs/all/s/b55290 / (дата обращения: 22.10.2026);

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 340

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

НИКИТИНА ВАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВНА
магистрант
ФГБОУ ВО "Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России"

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы судебного механизма защиты имущественных прав граждан, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций. Анализируется действующая нормативная база, включая Федеральный закон № 68-ФЗ и статью 242 ГК РФ, а также правоприменительная практика, сложившаяся в 2024–2025 годах. Выявляются ключевые проблемы: неопределенность статуса пострадавших, сложности доказывания факта утраты имущества, коллизии между реквизицией и закупочными процедурами, а также проблемы возврата сохранившегося имущества. Предлагаются направления совершенствования судебного механизма.
Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, имущественные права, судебная защита, реквизиция, компенсационные выплаты, возмещение ущерба.

PROBLEMS OF JUDICIAL PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS OF CITIZENS IN EMERGENCY SITUATIONS

Nikitina Valeria Nikolaevna

Abstract. The article deals with the actual problems of the judicial mechanism for the protection of property rights of citizens affected by emergency situations. The current regulatory framework is analyzed, including Federal Law No. 68-FZ and Article 242 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as law enforcement practice that has developed in 2024–2025. The key problems are identified: uncertainty of the status of victims, difficulties in proving the fact of loss of property, conflicts between requisition and procurement procedures, as well as problems of returning the surviving property. Directions for improving the judicial mechanism are proposed.
Keywords: emergency situation, property rights, judicial protection, requisition, compensation payments, damages.

Введение

Чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера ежегодно причиняют значительный ущерб имущественным правам граждан Российской Федерации. Только в 2024 году от весеннего паводка пострадали тысячи домохозяйств в Оренбургской, Курганской и Тюменской областях. В этих условиях судебный механизм защиты имущественных прав приобретает особую значимость, поскольку именно суд выступает гарантом восстановления нарушенных прав, когда административные процедуры оказываются недостаточно эффективными.

Актуальность темы обусловлена тем, что, несмотря на наличие развернутой нормативной базы, правоприменительная практика демонстрирует устойчивые проблемы, препятствующие своевремен-

ному и полному возмещению причиненного вреда. Российская Федерация как конституционно социальное государство берет на себя вопросы преодоления нарушения имущественных прав граждан в условиях чрезвычайных ситуаций [3, с. 118], однако механизм реализации этой обязанности остается несовершенным.

Цель настоящей работы — выявление проблем судебного механизма защиты имущественных прав граждан при чрезвычайных ситуациях и определение путей их решения. Задачи исследования включают анализ нормативной основы, обобщение судебной практики 2024–2025 годов и формулирование предложений по совершенствованию законодательства.

Правовую основу защиты имущественных прав граждан при чрезвычайных ситуациях составляют несколько уровней нормативного регулирования.

На конституционном уровне гарантируется право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (статья 53 Конституции РФ) [1]. Кроме того, Российская Федерация позиционирует себя как социальное государство, что предполагает принятие мер по преодолению последствий чрезвычайных ситуаций [3, с. 119].

Федеральный закон от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» закрепляет право граждан на защиту жизни, здоровья и личного имущества в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, а также право на возмещение ущерба, причиненного их имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций [2]. Статья 18 указанного закона устанавливает, что граждане Российской Федерации имеют право на возмещение ущерба, причиненного в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Гражданский кодекс РФ содержит нормы, регулирующие два принципиально разных механизма: возмещение вреда (статьи 1064, 1069, 1083) и реквизиция (статья 242). Согласно статье 242 ГК РФ, в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, имущество в интересах общества по решению государственных органов может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества. Реквизиция носит возвратный характер: при прекращении действия обстоятельств, в связи с которыми произведена реквизиция, лицо вправе требовать по суду возврата ему сохранившегося имущества [6, с. 25].

Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2019 года № 1928 устанавливает размеры финансовой помощи гражданам в связи с утратой имущества первой необходимости: 50 тысяч рублей на человека за частично утраченное имущество и 100 тысяч рублей — за полностью утраченное [4]. При этом, как отмечается в научной литературе, государство не возмещает вред в полном объеме, а оказывает помощь в определенной доле, что создает разрыв между фактическим ущербом и объемом компенсации [3, с. 118].

Одной из наиболее острых проблем является определение круга лиц, имеющих право на получение компенсационных выплат и, соответственно, на судебную защиту. Анализ судебной практики показывает, что граждане, фактически проживающие в зоне чрезвычайной ситуации, но не имеющие зарегистрированного права собственности на поврежденное имущество, сталкиваются с отказами в выплатах [5, с. 2].

Прокуратура Курганской области в 2025 году вынуждена была обратиться в суд с иском о признании за гражданами права на получение финансовой помощи после того, как главе семьи и его сыну было отказано в выплате в связи с тем, что «факт утраты имущества первой необходимости не установлен», тогда как его супруга и дочь указанную помощь получили [8]. Судом требования прокурора были удовлетворены, однако сам факт необходимости судебного вмешательства для восстановления очевидного права свидетельствует о дефектах административной процедуры.

Аналогичная ситуация сложилась в Оренбургской области, где регистрационные действия в отношении жилых домов были завершены после введения режима чрезвычайной ситуации по независящим от граждан обстоятельствам. В Тюменской области прокуратура помогала гражданам признавать право собственности на поврежденные паводком жилые дома для получения выплат на их восстановление [7].

Судебная практика демонстрирует значительные сложности в доказывании причинно-следственной связи между чрезвычайной ситуацией и наступившими неблагоприятными последствиями. Так, в одном из дел суд указал, что «из представленных доказательств не усматривается причинно-следственная связь между воздействием паводка и наступившими неблагоприятными последствиями» [9]. Это создает дополнительное бремя для пострадавших граждан, которые вынуждены доказывать не только факт утраты имущества, но и его причинную обусловленность конкретным событием.

Показательным является дело, рассмотренное Симоновским районным судом города Москвы (№ 02-0474/2024), где производство по делу о возмещении ущерба, причиненного в результате чрезвычайной ситуации, было приостановлено на длительный срок (с 16 октября 2023 года по 9 сентября 2024 года), что существенно затянуло восстановление нарушенных прав [10].

Отдельного внимания заслуживает проблема соотношения реквизиции (статья 242 ГК РФ) и закупочных процедур, предусмотренных законодательством о контрактной системе. Как отмечается в юридической литературе, изъятие имущества у собственника по статье 242 ГК РФ влечет гораздо меньше затрат для бюджета, чем проведение закупочной процедуры, что создает стимулы для злоупотребления механизмом реквизиции [11].

Судебная практика сталкивается с ситуациями, когда органы власти, объявляя режим чрезвычайной ситуации, безвозвратно изымают имущество, хотя по закону реквизиция носит возвратный характер. Управляющий партнер юридической фирмы подчеркивает: «Если имущество не уничтожено во время чрезвычайной ситуации, собственник может требовать его назад после окончания режима ЧС» [11]. Однако в нижегородской практике сложилась ситуация, когда власти «забывают» о праве собственника вернуть изъятое имущество, сохранившееся после ликвидации чрезвычайной ситуации [11].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 июля 2021 года № 33-П подтвердил, что статья 242 ГК РФ призвана гарантировать баланс частных и публичных интересов [12], однако на практике этот баланс нередко нарушается.

Значительную сложность представляет определение надлежащего ответчика по искам о возмещении ущерба, причиненного в результате чрезвычайной ситуации. В апелляционном определении № 33-6122/2025 суд указал, что возмещение ущерба, причиненного в результате чрезвычайной ситуации, должно производиться лицом, в результате действий (бездействия) которого причинен этот ущерб [13]. Однако установление такого лица зачастую крайне затруднительно.

В указанном деле суд первой инстанции пришел к выводу, что администрация сельского поселения приняла исчерпывающие меры для ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, однако апелляционная инстанция установила, что муниципальные контракты не предусматривали создание временных конструкций, предотвращающих попадание атмосферных осадков в жилые помещения, а жители неоднократно обращались с жалобами на протечки [13]. Это свидетельствует о сложности установления вины конкретного публичного субъекта в условиях чрезвычайной ситуации.

Даже при вынесении судебного решения в пользу пострадавших граждан возникают проблемы с его реальным исполнением. Анализ практики показывает, что судебные решения о взыскании компенсационных выплат нередко исполняются с задержками, а в некоторых случаях требуется повторное судебное вмешательство. В частности, в деле, рассмотренном в Оренбургской области, суд удовлетворил требования прокурора о предоставлении выплаты на капитальный ремонт жилого помещения в сумме более 1,3 млн рублей [7], однако исполнение решения потребовало дополнительного контроля.

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена несколькими факторами. Во-первых, масштабы чрезвычайных ситуаций в России имеют тенденцию к возрастанию: паводки 2024 года стали одними из самых разрушительных за последние десятилетия. Во-вторых, судебная практика демонстрирует устойчивый характер выявленных проблем, что свидетельствует о системных дефектах правового регулирования, а не о единичных случаях.

В научной литературе справедливо отмечается, что обращение прокурора в суд с иском остается наиболее действенным способом восстановления нарушенных прав граждан, пострадавших в результате чрезвычайной ситуации [3, с. 120]. Однако опора исключительно на прокурорское вмешательство не может считаться оптимальной моделью защиты имущественных прав.

Представляется необходимым внести следующие изменения в действующее законодательство:

1. Упрощение порядка признания права на компенсационные выплаты для лиц, фактически проживающих в зоне чрезвычайной ситуации, но не имеющих зарегистрированного права собственности на поврежденное имущество. Целесообразно установить презумпцию добросовестности пострадавших при отсутствии доказательств обратного.

2. Уточнение критериев разграничения реквизиции и закупочных процедур при приобретении имущества для нужд ликвидации чрезвычайных ситуаций. Необходимо исключить возможность произвольного выбора механизма, влекущего различные правовые последствия для собственника.

3. Установление сокращенных сроков рассмотрения дел о возмещении ущерба, причиненного чрезвычайными ситуациями, с одновременным упрощением процедур доказывания факта причинения вреда.

4. Создание специализированных механизмов исполнения судебных решений по делам данной категории, включая первоочередное исполнение требований пострадавших граждан.

5. Закрепление обязанности органов власти информировать собственников о праве на возврат сохранившегося реквизированного имущества после окончания режима чрезвычайной ситуации.

В заключение проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что судебный механизм защиты имущественных прав граждан при чрезвычайных ситуациях в Российской Федерации нуждается в существенном совершенствовании.

Основные проблемы связаны с неопределенностью круга управомоченных лиц, сложностями доказывания, коллизиями между реквизицией и закупочными процедурами, размытостью ответственности публичных субъектов и недостаточной эффективностью исполнения судебных решений.

Решение указанных проблем требует комплексного подхода, сочетающего законодательные изменения с совершенствованием правоприменительной практики. При этом судебная защита должна оставаться гарантом восстановления нарушенных прав, однако ее эффективность напрямую зависит от качества нормативного регулирования и готовности публичных органов к добросовестному исполнению своих обязанностей перед пострадавшими гражданами.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.

2. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 35. — Ст. 3648.

3. Конюшанец, К. С. Особенности имущественных прав граждан в условиях чрезвычайных ситуаций / К. С. Конюшанец. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 44 (543). — С. 118–120.

4. Постановление Правительства РФ от 28.12.2019 № 1928 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов...» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 2. — Ст. 187.

5. Асадова, Ламийя Надир. Нарушение и защита имущественных прав граждан при возникновении чрезвычайных ситуаций различного характера / Ламийя Надир Асадова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 20 (362). — С. 315-319. — URL: https://moluch.ru/archive/362/80957.

6. Юдин, И. В. К вопросу о гражданско-правовых аспектах чрезвычайных ситуаций / И. В. Юдин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2025. — № 4. — С. 82–87.

7. Прокуратура Курганской области. В Кургане после вмешательства прокуратуры за пострадавшими от наводнения гражданами признано право на получение финансовой помощи. — 04.02.2025. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_45/mass-media/news/main/e5766174/ (дата обращения: 04.10.2026).

8. Апелляционное определение № 33-6122/2025 от 25 декабря 2025 г. // Судебные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/FTwBsm9gAFZT/ (дата обращения: 04.10.2026).

9. Решение № 02945/2025 от 16 октября 2025 г. по делу № 02945/2025 // Судебные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/6EfesQheNSla/ (дата обращения: 04.10.2026).

10. Информация по делу № 02-0474/2024 // Московский городской суд. — URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/civil/details/f33254f1-d552-11ed-98aa-9d465b634875 (дата обращения: 04.10.2026).

11. Спасатели не спешат на изъятие // Коммерсантъ. — 2025. — 10 апреля.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.07.2021 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 242 и пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации...» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 29. — Ст. 5710.

13. Фролов, А. И. Чрезвычайные ситуации: гражданско-правовой аспект / А. И. Фролов // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. — 2014. — Т. 4. — № 1 (6). — С. 4–15.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.982.5

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ФОТОГРАФИИ, ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

МОРДОВКИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
магистрант
Юридический факультет
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко»

Научный руководитель: Марина Елена Александровна
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко»

Аннотация: В статье рассматривается роль цифровой фотографии при проведении следственных действий, её значение в криминалистике и возможности использования при расследовании преступлений. Делается вывод о том, что цифровая фотография – незаменимый способ фиксации следов в процессе проведения следственных действий и дальнейшего использования полученных материалов. Автор выявляет проблему монтажа и использования искусственного интеллекта, в результате чего делает вывод о необходимости закрепления норма УПК обязывающей обязательное использование первоначальных электронных носителей информации содержащих изображения, созданные в ходе следственных действий, для обеспечения достоверности полученных доказательств.
Ключевые слова: цифровая фотография, криминалистика, следственные действия, информация, метод, изображение

THE CONCEPT AND IMPORTANCE OF DIGITAL PHOTOGRAPHY, THE POSSIBILITES OF IT'S USE IN CRIME INVESTIGATIONS

Mordovkina Maria Aleksandrovna

Scientific adviser: Marina Elena Aleksandrovna

Abstract. This article examines the role of digital photography in investigative processes, its importance in forensic science, and its potential use in crime investigations. It concludes that digital photography is an indispensable means of capturing traces during investigative processes and subsequently using the resulting materials. The author identifies the challenges of editing and the use of artificial intelligence, leading to the conclusion that it is essential to use witnesses for recording, and to use non-rewritable media to ensure security and prevent alteration.
Keyword: digital photography, forensics, investigative actions, information, method, image.

Фотография выполняет одну из важнейших функций в ходе расследования преступлений. Она фиксирует обстановку и отдельные её детали, позволяет в ходе следствия сохранить наиболее важную зрительную информацию, запечатлеть отдельные детали обстановки, особенности пространства и

сохранить общую картину места преступления. Фотография имеет значительное свойство – передача зрительной информации, что критически важно при проведении расследования по уголовному делу. Более подробно, на наш взгляд, о фотосъёмке как об эффективном способе наглядно-образной формы фиксации писал Р.С. Белкин: «Фотографирование как объективная форма запечатления обладает рядом преимуществ перед любым словесным (вербальным) способом фиксации: документальность полученных снимков, их наглядность, высокая точность и объективность в передаче информации, относительная быстрота процесса фиксации. Все это, в сочетании с использование современной фотоаппаратуры, делает криминалистическую фотографию одним из важнейших способов фиксации доказательственных фактов.» [1, с. 157].

Использование фотографии в криминалистике является методом фиксации объектов на месте совершения преступления и расположенных, посредством использования специальных фотографических средств. Она является неотъемлемой и важной составляющей процесса сбора доказательств, повышает эффективность и качество расследования.

Современная цифровая фотография на сегодняшний день полностью заменила устаревшую пленочную фотосъемку – это своевременный технологический этап в развитии криминалистической техники. Активно цифровая фотография используется при проведении панорамной фотофиксации, измерительной и узловой съемки. Для наглядности следует рассмотреть особенности цифровой фотографии, на примере одного наиболее часто применяемого метода запечатления места преступления: панорамная съемка. Панорамная съемка является методом фиксации объектов и следов, при котором создаются отдельные кадры с частями объекта или пространства, каждый кадр связан с последующим. Применяется данный метод фотофиксации в том случае, когда охватить пространство или объекты единым кадром технически невозможно. Чаще всего данный метод применяется следователями и криминалистами для запечатления для запечатления обстановки на открытом пространстве, в сложно устроенных помещениях или в тех случаях, когда требуется реконструировать события преступления. Данный способ фотосъемки позволяет создать единое логическое и целостное представление о пространстве или объекте. По мнение В.И. Ермеченко и Е.А. Щурова: «Метод панорамной съемки уже давно широко применяется при фиксации обстоятельств в ходе осмотра места происшествия. Он помогает запечатлеть объекты, размеры которых не позволяют произвести их фиксацию в пределах одного кадра с сохранением разрешения, достаточного для последующей визуализации отдельных элементов» [4. с. 41].

На наш взгляд этот метод стал довольно активно применяться и является необходимым при производстве многих следственных действий. Более того, при создании панорамной фотографии программное обеспечение фотокамеры автоматически выравнивает свет, яркость, определяет контрольные точки в кадрах и удаляет геометрические искажения, что позволяет создавать бесшовные кадры. Таким образом, цифровые технологии значительно повышают эффективность следственных действий, увеличивают скорость работы следователя и качество снимка.

Следует также уделить внимание способу хранения и использования полученной в результате фотофиксации следов, цифровой фотографии. В настоящее время изображения могут храниться во множестве форматов, таких как: RAW, TIFF, JPEG. Разные форматы дают возможность широкого применения изображения при расследовании преступления. Файлы TIFF удобны для переноса фотографии на бумажный носитель, благодаря высокому разрешению даже при сжатии. Такой снимок удобен при обмене информации между ведомствами или для приобщения к материалам уголовного дела. JPEG содержит меньше информации, но подходит для создания иллюстративных таблиц, так как дает общее представление о зафиксированных объектах. Необходимо отметить позицию О.В. Павлушко, которая охарактеризовала эти форматы следующим образом: «Формат TIFF имеет ряд преимуществ, в частности, он поддерживает 32-битную разрядность для цветового CMYK формата, что может быть полезно, например, при прямой печати данных с экрана монитора на принтере». Она также отмечала: «Формат JPEG совмещает две особенности – полный диапазон оттенков и низкий объем памяти, необходимый для хранения изображения (связанный однако с небольшой потерей качества)» [5, с. 186]. Файл RAW используется в качестве оригинального источника информации, неподверженного изменениям. Цифровая фотография данного формата дает возможность получить весь объем данных напря-

мую с фотокамеры, без возможности изменения данных внутри самого файла. Данный формат фотографии, обладает информационной избыточностью, форматы цифровых фотографий без сжатия (RAW) имеют гораздо больший динамический диапазон. По мнению А.А. Бульбачевой: «Особенность указанного формата проявляется, в том числе, в невозможности редактирования или изменения файла с сохранением в первоначальном формате» [2, с. 85].

Однако следует отметить, что цифровые фотографии сегодня легко поддаются монтажу и изменениям, особенно с использованием современных технологий, включая искусственный интеллект. Это ставит под сомнение их допустимость как доказательств и усложняет процесс определения их достоверности. Особенную трудность вызывают использование технологии «deepfake». Изображения, созданные с ее помощью, создают очень реалистичные форматы, которые с трудом можно отличить от реальных фотографий, особенно если осуществляется замена лиц. Безусловно, нейросети проникли во многие сферы жизни, и они стали их неотъемлемой частью, продуктом естественной технологической динамики, но они часто используются и в преступных целях. Здесь следует согласиться с мнением В.Н. Григорьевым и А.В. Савенкова: «Необходимо уточнить редакцию ч. 8 ст. 166 УПК РФ, чтобы допустить возможность приложения к протоколу следственного действия электронных носителей информации, не только «полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия», но и сделанной произведенной в ходе этого действия» [3, с. 68].

Таким образом, можно заключить, что цифровая фотография сегодня является незаменимым способом фиксации следов в процессе проведения следственных действий и дальнейшего использования полученных материалов. Цифровая фотосъемка полностью заменила собой традиционную, благодаря скорости фиксации, технологической простоты и широты ее применения. Она гораздо совершеннее пленочной фотофиксации за счет своего свойства сохранности изображения, степени детализации и насыщенности данными. Объективно цифровая фотография обладает большим потенциалом развития в криминалистике, поскольку этот метод фиксации напрямую оптимизировал процедуру сбора данных. Поэтому, на наш взгляд, цифровая фотография в будущем продолжит свою тенденцию развития и укрепит свой статус в качестве фундаментального звена в процедуре закрепления следовой картины места преступления. Но в ходе исследования было выявлено, что цифровые фотографии легко поддаются монтажу и изменениям, особенно с использованием множества современных технологий, включая искусственный интеллект. Поэтому при использовании цифровых фотографий в криминалистике необходимо обеспечить строгое процессуальное закрепление использования первоначальных электронных носителей информации, на которых изображение было непосредственно создано в ходе следственных действий.

Список источников

1. Аверьянова, Т.В.: Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред.Р.С. Белкина. – М.: НОРМА–ИНФРА–М, 2000. – 1000 с.– Текст: непосредственный.

2. Бульбачева, А.А. К вопросу о фиксации обстановки места происшествия / А.А. Бульбачева. – Текст: непосредственный // Юридические исследования. – 2017. – № (12) – С. 82-89.

3. Григорьев, В.Н. Савенков, А.В. О цифровых технологиях фиксации сведений по уголовному делу// Уголовная юстиция. – 2018. – № 12 – С. 66-69

4. Еремченко, В.И. Использование возможностей сферической фиксации места происшествия в ходе производства его осмотра / В.И. Еремченко, Е.А Щуров.– Текст: непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022.– № 1 (55). – С. 40-44.

5. Павлушко, О.В. Цифровые фотоаппараты: сравнительные характеристики и применение // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2002. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-fotoapparaty-sravnitelnye-harakteristiki-i-primenenie (дата обращения: 26.10.2026)..

УДК 343

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

ГУБАЙДУЛЛИНА ДИАНА ИЛЬФАТОВНА
магистрант
ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации" Северо-Западный институт управления

Научный руководитель: Абаканова Вероника Анатольевна
к.ю.н., доцент
доцент кафедры уголовного права СЗИУ РАНХиГС

Аннотация: В статье рассматривается оценка достоверности заключения эксперта в уголовном судопроизводстве России. На основе УПК РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ (2017–2026 гг.) предложены система критериев оценки достоверности заключения эксперта, классификация типичных дефектов экспертного исследования с процессуальными последствиями, правила разграничения недостатков заключения и недостатков исходных материалов, рекомендации по оценке вероятностных выводов и предложения по совершенствованию процессуального регулирования.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, заключение эксперта, достоверность, оценка доказательств, повторная экспертиза, вероятностный вывод, дефекты экспертного исследования.

THE PROBLEM OF ASSESSING THE RELIABILITY OF AN EXPERT OPINION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Gubaidullina Diana Ilfatovna

Scientific adviser: Abakanova Veronika Anatolyevna

Abstract: The article examines the assessment of the reliability of an expert opinion in Russian criminal proceedings. Based on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the practice of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court (2017–2026), the author proposes a system of criteria for assessing the reliability of an expert opinion, a classification of typical defects of expert research and their procedural consequences, rules for distinguishing defects of the opinion from defects of the source materials, recommendations for assessing probabilistic expert conclusions, and proposals for improving procedural regulation.
Keywords: criminal proceedings, expert opinion, reliability, assessment of evidence, repeated examination, probabilistic conclusion, defects of expert research.

Заключение эксперта относится к доказательствам по уголовному делу (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) и во многих категориях дел становится ключевым: без специальных знаний нельзя установить причину смерти, природу вещества или признаки изменения цифровой записи. Вместе с тем заключение не

имеет заранее установленной силы и не обладает преимуществом перед другими доказательствами. Закон и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации определяют общий порядок оценки, но оставляют правоприменителю вопрос о том, как последовательно проверять достоверность заключения и как отличать недостатки самого исследования от недостатков материалов, переданных эксперту.

Цель статьи — предложить прикладной инструментарий оценки достоверности заключения эксперта в уголовном судопроизводстве. Для этого решаются четыре задачи: выделить систему критериев проверки; классифицировать типичные дефекты экспертного исследования и связанные с ними процессуальные последствия; предложить правила разграничения недостатков заключения и недостатков исходных материалов; сформулировать рекомендации по оценке вероятностных выводов. Эмпирическую основу составляют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и четыре примера из практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ 2017–2026 годов.

Правовые основы оценки достоверности заключения эксперта

Заключение эксперта — это представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом (ч. 1 ст. 80 УПК РФ) [2, с. 183]. Каждое доказательство проверяется по относимости, допустимости и достоверности, а их совокупность — по достаточности (ст. 88 УПК РФ). Эти категории нужно различать. Заключение, признанное недопустимым, не может быть положено в основу обвинения (ст. 75 УПК РФ) [2, с. 184], поэтому проверка допустимости логически предшествует проверке достоверности, которая касается содержания заключения и его соответствия другим доказательствам.

Пленум Верховного Суда РФ уточняет, что при оценке заключения суд учитывает квалификацию эксперта и выясняет, были ли ему представлены достаточные материалы и надлежащие объекты исследования; в приговоре суд должен указать, к каким выводам пришел эксперт, а не ограничиваться ссылкой на заключение. Вопросы эксперту и его выводы не могут выходить за пределы специальных знаний; не допускаются правовые вопросы и вопросы об оценке достоверности показаний допрошенных лиц. Справки и акты ведомственных исследований не являются заключением эксперта.

Для проверки заключения закон и Пленум предусматривают допрос эксперта, дополнительную и повторную экспертизы. Дополнительная экспертиза назначается при недостаточной ясности или полноте заключения либо при возникновении новых вопросов (ч. 1 ст. 207 УПК РФ); повторная — при сомнениях в обоснованности заключения или противоречиях в выводах экспертов, которые нельзя устранить допросом (ч. 2 ст. 207 УПК РФ). Необоснованным признается заключение, в котором недостаточно аргументированы выводы либо не применены или неверно применены необходимые методы и методики. Заменять необходимую экспертизу допросом эксперта нельзя, а заключение специалиста не заменяет заключение эксперта [2, с. 190–191].

Система критериев оценки достоверности заключения эксперта

Нормы и разъяснения содержат отдельные ориентиры проверки, но не складываются в последовательную процедуру. Предлагается рассматривать достоверность как результат проверки заключения по шести блокам критериев, которым предшествует «фильтр допустимости» (таблица 1). Логика проверки такая: сначала выясняется, можно ли вообще использовать заключение, затем — можно ли доверять его содержанию, и только после этого заключение сопоставляется со всей совокупностью доказательств.

Таблица 1

Система критериев оценки достоверности заключения эксперта (авторская)

№	Блок критериев	Контрольные вопросы	Основание
Ф	Фильтр допустимости	Кем и в каком порядке назначена и проведена экспертиза; нет ли оснований для отвода; разъяснены ли эксперту права и дано ли предупреждение об ответственности по ст. 307 УК РФ; соблюдены ли права участников	Ст. 70, 75, 195–198, 204 УПК РФ; ст. 25 Закона № 73-ФЗ; п. 3, 8, 9 Пленума № 28; [2, с. 184–186]

№	Блок критериев	Контрольные вопросы	Основание
1	Компетенция	Находятся ли вопросы и выводы в пределах специальных знаний; нет ли правовых оценок и оценки достоверности показаний; соответствует ли квалификация эксперта	П. 4, 19 Пленума № 28
2	Исходные данные	Достаточны ли материалы, надлежащи ли объекты исследования; учтены ли обстоятельства, значимые для ответа	П. 13, 19 Пленума № 28
3	Методика	Научно ли обоснован метод; применим ли он к объектам; описан ли в заключении так, чтобы его можно было проверить	Ст. 204 УПК РФ; ст. 8 Закона № 73-ФЗ ; п. 15 Пленума № 28; [1, с. 9]
4	Внутренняя логика	Ясна ли терминология; даны ли ответы на все вопросы; вытекают ли выводы из исследовательской части	П. 13 Пленума № 28; [2, с. 184]
5	Внешняя согласованность	Согласуется ли заключение с другими доказательствами; объяснены ли противоречия	Ст. 87, 88, 307 УПК РФ; п. 19 Пленума № 28
6	Степень категоричности	Категоричен ли вывод или вероятен; обоснована ли степень вероятности	[1, с. 8–10]; [6, с. 7]

Система опирается на нормы УПК РФ и разъяснения Пленума, но вводит три практических правила. Во-первых, блоки проверяются последовательно: дефект на уровне допустимости или компетенции делает бесполезной оценку методики и логики, а дефект методики — оценку степени вероятности. Во-вторых, каждому блоку соответствует свой процессуальный инструмент: анализ текста заключения, допрос эксперта, ходатайство о предоставлении дополнительных материалов (ч. 3 ст. 57 УПК РФ), дополнительная или повторная экспертиза. В-третьих, вывод о недостоверности должен быть мотивирован по конкретному блоку. Это позволяет суду выполнить требования п. 2 ст. 307 УПК РФ о мотивах, по которым одни доказательства признаются достоверными, а другие отвергаются, и п. 19 Пленума о раскрытии выводов эксперта.

Типичные дефекты экспертного исследования и их процессуальные последствия

Критерии удобнее применять, когда известны типичные дефекты и последствия, которые закон с ними связывает. Анализ положений УПК РФ, разъяснений Пленума и практики позволяет выделить семь групп дефектов (таблица 2).

Таблица 2

Классификация типичных дефектов экспертного исследования

Группа дефектов	Типичные проявления	Процессуальное последствие
Процессуальные	Заключение дано по постановлению ненадлежащего лица; не устранены основания отвода; нет сведений о предупреждении по ст. 307 УК РФ; нарушены права участников	Признание заключения недопустимым, исключение его из числа доказательств (ст. 75 УПК РФ)
Компетентностные	Поставлены правовые вопросы или вопросы о достоверности показаний; выводы выходят за пределы специальных знаний	Недопустимость заключения в соответствующей части

Группа дефектов	Типичные проявления	Процессуальное последствие
Методические	Не применены или неверно применены методы; выводы недостаточно аргументированы	Сомнения в обоснованности: допрос эксперта, затем повторная экспертиза
Информационные	Материалы неполны, объекты повреждены, сведения противоречивы	Дополнительная экспертиза; снижение категоричности вывода
Логико-языковые	Непонятная терминология; ответы не на все вопросы; выводы не вытекают из исследовательской части	Допрос эксперта; дополнительная экспертиза
Вероятностные	Степень вероятности не обоснована; предположение выдается за вероятный вывод	Использование только как косвенного доказательства; недопустима опора как на единственное прямое доказательство
Внешние противоречия	Заключение расходится с другими доказательствами или с другим заключением	Оценка в совокупности с мотивировкой; повторная экспертиза при противоречиях между экспертами

Практика Верховного Суда Российской Федерации

Выделенные группы дефектов подтверждаются практикой Верховного Суда РФ. Ниже рассмотрены четыре примера, каждый из которых показывает свою типичную ситуацию.

Пример 1 (дефект компетенции и методики). По делу № 73-АПУ17-8 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в апелляционном порядке исключила из доказательств заключения судебно-психологических экспертиз. Следователь поставил перед экспертом вопросы о «правдивости», «добровольности» и «самостоятельности» показаний подозреваемых, а эксперт выявлял признаки «придумывания» по жестам, мимике, позам и глазодвигательным реакциям на видеозаписях. Верховный Суд указал, что вопросы о достоверности показаний отнесены к исключительной компетенции следователя и суда (ст. 8, 17, 87, 88 УПК РФ), поэтому ставить их перед экспертом нельзя [3]. Сомнения в методах определения лжи по глазодвигательным реакциям высказали и эксперты, комментировавшие определение [3]. Это дефект первого блока предлагаемой системы критериев.

Пример 2 (противоречие между заключением эксперта и иными материалами). В деле врача-педиатра апелляционный приговор оправдал подсудимую, сославшись на акт исследования комиссии специалистов, полученный по инициативе самой обвиняемой по гражданско-правовому договору; акт указывал на вероятностный характер благоприятного исхода болезни ребенка. Верховный Суд РФ отменил апелляционный приговор: специалисты не предупреждались об ответственности по ст. 306, 307 УК РФ, их выводы сделаны без полного исследования материалов дела и противоречили мотивированному заключению комиссионной судебно-медицинской экспертизы, полученному в процессуальном порядке; заключение специалиста не может подменять заключение эксперта. Суд также отметил, что апелляционная инстанция не оценила показания ряда экспертов и специалиста (определение от 04.10.2023 № 12-УДП23-7-К6) [4]. Вероятностное суждение, высказанное вне процессуальной формы, не опровергает заключение эксперта, а противоречия между доказательствами требуют полной и мотивированной оценки.

Пример 3 (отказ в повторной экспертизе). В деле № 53-УД25-17-А5 защита утверждала, что комиссионная судебно-медицинская экспертиза научно не обоснована и не вытекает из исследовательской части, и просила назначить дополнительную или повторную экспертизу; суды отказали. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ согласилась (определение от 29.07.2025): заключения соответствуют ст. 204 УПК РФ, содержат ответы на вопросы и сведения о примененных методиках, эксперт в суде разъяснил заключение, а противоречий в выводах экспертов нет, поэтому оснований для дополнительной или повторной экспертизы не имеется [5, с. 6]. Пример показывает, что порог

назначения новой экспертизы определяется наличием противоречий и обоснованных сомнений, а не самим фактом несогласия стороны с заключением (ст. 207 УПК РФ, п. 13, 15 Пленума).

Пример 4 (вероятностный вывод). По делу № 6-УД25-6СП-А1 защита оспаривала судебно-медицинскую экспертизу, ссылаясь на отсутствие у эксперта специальной подготовки, неполноту, нарушение методики и вероятностный характер выводов о причине и времени смерти, и просила назначить повторную экспертизу. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 21.01.2026 согласилась с отказом: специалист, приглашенный для оценки заключения эксперта, не вправе этого делать (ст. 58 УПК РФ); вероятностный характер вывода не делает заключение недопустимым, однако вероятный вывод не может быть положен в основу судебного решения как единственное и прямое доказательство, а в деле заключение исследовалось наряду с другими доказательствами [6, с. 6–7].

Разграничение недостатков заключения и недостатков исходных материалов

На практике недостатки, возникшие до начала исследования, нередко приписываются самому заключению: эксперту переданы неполные документы, поврежденные объекты или неверно сформулированные вопросы. От того, где возник дефект, зависит и вывод суда. Недостаток исходных материалов не означает ошибки эксперта, но ограничивает доказательственную ценность вывода; недостаток исследования ставит под сомнение саму обоснованность вывода (п. 15 Пленума).

Для разграничения предлагается трехшаговая проверка. Шаг 1 — определить момент возникновения дефекта: до получения материалов экспертом (ошибка назначившего экспертизу лица, неполный комплект материалов, неверные вопросы) или после (выбор метода, интерпретация признаков, формулировка вывода). Шаг 2 — выяснить, мог ли эксперт выявить проблему и отразить ее: эксперт вправе знакомиться с материалами дела и ходатайствовать о предоставлении дополнительных материалов (ч. 3 ст. 57 УПК РФ), а в заключении должен указать примененные методики и обосновать выводы (ст. 204 УПК РФ). Шаг 3 — определить, устранима ли проблема в судебном заседании: недостаточную ясность часто можно устранить допросом эксперта, неполноту материалов — их восполнением и дополнительной экспертизой, ошибку методики — только повторной экспертизой.

Результат проверки может быть трех видов. Если дефект возник до исследования и эксперт указал на ограничения, заключение остается достоверным в пределах заявленной степени категоричности, а восполнять нужно материалы. Если дефект возник до исследования, но эксперт его не отразил и дал категорический вывод, недостатки носят смешанный характер: вывод оценивается как менее надежный, а суд вправе назначить дополнительную экспертизу. Если дефект возник в ходе исследования, применяются правила о необоснованности заключения. Такое разграничение защищает от двух ошибок: отказа от заключения из-за недостатков, за которые эксперт не отвечает, и принятия категорического вывода, который не подтвержден имеющимися материалами.

Оценка вероятностных выводов эксперта

Выводы эксперта могут быть категорическими, вероятными либо содержать сообщение о невозможности дать заключение [1, с. 5]. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.03.1971 исходило из того, что вероятное заключение нельзя положить в основу приговора; в действующем Постановлении № 28 такого положения нет [1, с. 5]. Вероятный вывод не тождествен предположительному: степень вероятности может быть обоснована количественно-качественными показателями [1, с. 5–6]. Практика Верховного Суда РФ занимает промежуточную позицию: вероятностный характер вывода не делает заключение недопустимым, но такой вывод не может быть единственным и прямым доказательством [6, с. 7].

С учетом этого предлагаются пять правил оценки вероятного вывода. Первое: выяснить, вероятный это вывод или предположительный; вероятный опирается на исследование и обоснованную степень вероятности, предположительный — нет [1, с. 5, 10]. Второе: проверить, что степень вероятности и показатели ее оценки раскрыты в исследовательской части и объяснены языком, понятным лицам без специальных знаний [1, с. 10]. Третье: проверить научную обоснованность методики; суд не может определить ее самостоятельно и должен использовать допрос эксперта или специалиста, дополнительную либо повторную экспертизу [1, с. 9–10]. Четвертое: использовать вероятный вывод как косвен-

ное доказательство и не строить на нем обвинение при отсутствии иных согласующихся доказательств [1, с. 10; 6, с. 7]. Пятое: в приговоре указать степень вероятности и доказательства, которые ее подтверждают, а не ограничиваться ссылкой на заключение.

Предложения по совершенствованию процессуального регулирования

Часть проблем оценки заключения связана с недостаточной определенностью регулирования. Предлагаются следующие изменения.

1. Дополнить ч. 1 ст. 204 УПК РФ требованием указывать в заключении степень категоричности вывода (категорический или вероятный) и обоснование степени вероятности, а также перечень ограничений исследования — недостаточных или непригодных материалов и объектов, которые повлияли на вывод. Это позволит суду различать дефекты исходных материалов и дефекты исследования без дополнительной экспертизы.

2. Дополнить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 положением об оценке вероятных выводов: вероятный вывод, обоснованный в исследовательской части, может использоваться как косвенное доказательство, но не может быть единственным основанием обвинительного приговора. Это устранит пробел, возникший после утраты силы Постановления Пленума Верховного Суда СССР 1971 года [1, с. 5], и закрепит позицию, уже применяемую на практике [6, с. 7].

3. Развивать нормативное закрепление и публикацию методик экспертных исследований, чтобы лица, осуществляющие доказывание, могли предварительно оценивать научность примененного метода и обоснованно решать вопрос о допросе эксперта либо назначении дополнительной или повторной экспертизы [1, с. 9].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие результаты. Во-первых, достоверность заключения эксперта целесообразно проверять последовательно: сначала фильтр допустимости, затем шесть блоков критериев — от компетенции до степени категоричности вывода. Во-вторых, выделены семь групп типичных дефектов экспертного исследования, для каждой из которых определены процессуальные последствия. В-третьих, для отделения недостатков заключения от недостатков исходных материалов предложена трехшаговая проверка. В-четвертых, сформулированы пять правил оценки вероятных выводов. В-пятых, предложены изменения ст. 204 УПК РФ, разъяснений Пленума № 28 и подхода к закреплению методик.

Приведенные примеры практики носят иллюстративный характер и не претендуют на статистическую репрезентативность; проверка предложенных критериев на более широкой выборке судебных актов остается задачей дальнейших исследований. В российском праве достоверность экспертного заключения не предполагается автоматически, а устанавливается в ходе судебной оценки, и именно последовательная, мотивированная проверка по понятным критериям обеспечивает справедливое разрешение дел, где требуются специальные знания.

Список источников

1. Кудрявцева А. В., Кириллова Н. П., Кочемировский В. А., Стойко Н. Г., Пристанских В. Д. Оценка вероятностных выводов экспертов в уголовном процессе // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 4–11. EDN: AQVACN. URL: https://elib.sfukras.ru/handle/2311/152479 (дата обращения: 11.10.2026).

2. Ярова Э. Ш. Использование заключения эксперта в доказывании по уголовным делам // Фемида.Science. 2026. № 1 (18). С. 182–192. EDN: UPWFNN. URL: https://raj.ru/upload/visual_img/source/1_18_2026/1_18.pdf (дата обращения: 11.10.2026).

3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу № 73-АПУ17-8 (2017 г.) // Велимирова В. Рамки экспертизы // Адвокатская газета. 2017. 24 июля. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ramki-ekspertizy/ (дата обращения: 11.10.2026).

4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.10.2023 № 12-УДП23-7-К6. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407683386/ (дата обращения: 11.10.2026).
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.07.2025 № 53-УД25-17-А5 // Верховный Суд Российской Федерации: Электронная справочная. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2486082 (дата обращения: 11.10.2026).
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.01.2026 № 6-УД25-6СП-А1 // Верховный Суд Российской Федерации: Электронная справочная. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2524800 (дата обращения: 11.10.2026).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 340

АНАЛИЗ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

ИВАНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент
адвокат Московской областной коллегии адвокатов

Аннотация: В данной статье рассматривается характерные особенности вынесения решений судами по делам об административных правонарушений в сфере нарушений религиозного законодательства при признании вины привлеченным лицом.
Ключевые слова: конституция, административное право, религия, миссионерская деятельность.

ANALYSIS OF COURT DECISIONS IN ADMINISTRATIVE CASES IN THE SPHERE OF RELIGIOUS LEGAL RELATIONS

Ivanov Dmitry Vladimirovich

Abstract: This article examines the characteristic features of courts' decisions in cases involving administrative offenses related to violations of religious legislation, when the accused person admits guilt.
Keywords: constitution, administrative law, religion, missionary activities.

Наша страна является ярким примером того, что люди, исповедующие различные религии, находятся, существуют, живут в непосредственной близости друг от друга длительное время, много веков, Об этом многократно высказывался наш Президент: «Путин подчеркнул, что Россия - многонациональная и многоконфессиональная страна».[1]

В нашей Конституции закрепляются очень важные положения, в которых гарантируются равенство прав и свобод человека … независимо от пола, расы, национальности … отношения к религии, убеждений»[2], и «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию…».

Привлечения к ответственности иностранных граждан было и есть сложнейшим процессом, а за нарушения порядка вероисповедания является одним самых трудных. Прежде всего, многие из этих лиц являются выходцами из других стран и культур, поэтому многие религиозные обычаи и традиции, являющиеся в их регионах абсолютной нормой поведения, в нашей стране является неприемлемым и противозаконным.

Кроме того, прибывая в нашу страну, их никто не ознакамливает с порядком и правилами проведения религиозных обрядов, поэтому эти лица продолжают привычные для них культовые действия, идущие вразрез с действующим российским законодательством. Об этом высказываются и часть ученых: « *отсутствие разъяснения компетентных органов по особенностям привлечения к ответственности за данные правонарушения».*[3]

[1] Выступление Президента РФ Путина В.В., Выступление перед военным в г. Торжок Тверской области 29.03.2024 года
[2] Конституция РФ, ст. 19 и ст. 28.
[3] Дугинец А.С., Канунникова Н.Г., Административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования вооруженных сил РФ // Издательский дом «Юр-ВАК», Юридический журнал «Пробелы в Российском законодательстве», № 4/2022 год. С. 219-224.

Так, мы хотим разобрать как один из примеров дело, по которому судьёй Красновой Е.Ф. Лефортовского районного суда города Москвы иностранный гражданин был признан виновным за совершение административного правонарушения по ч. 5 ст. 5.26 КоАП РФ. Согласно решению суда, ему назначили наказание - штраф в размере 30 000 (тридцати тысяч).

Признавая виновным данного гражданина, суд установил, что он нарушил закон о свободе вероисповедания, а именно осуществил миссионерскую деятельность, не имея на то каких-либо полномочий или разрешений на проведение религиозного обряда. При этом выступал как имам, несмотря на то, что его на это никто не уполномочивал, с администрацией торгового центра, где он проводил обряд «Намаз», тоже не согласовал.. осуществил мусульманский религиозный обряд «Намаз».

Таким образом, вышеуказанный гражданин, являясь иностранцем, совершил административное правонарушение, но, явившись в суд, он свою вину признал и в этом раскаялся.

В своем решении суд исходил из норм действующего административного закона, в котором предусмотрена ответственность за осуществление миссионерской деятельности без соблюдения определенных требований о свободе вероисповедания, а также о религиозных объединениях, которые совершают именно лица с иностранным гражданством[4].

По своей сущности имеющийся в нашей стране федеральный закон четко определяет основные нормы свобод, в том числе и о религиозных объединениях, дает право каждому гражданину самостоятельно, без каких-либо насильственных принуждений определяться по поводу своих религиозных убеждений, принадлежать или нет к какому-либо религиозному течению. Но в то же время данный нормативный акт и ставит определенные условия, нарушения которых запрещены и влекут за собой ответственность и соответствующее наказание. Это необходимо в целях защиты всех граждан в нашей стране, основ конституционного строя, нравственности и прочее[5].

В этом же законе даются понятия миссионерской деятельности, религиозного объединения, различных участников и объединений по религиозных течениям и конфессиям. Указывается, кто имеет право осуществлять миссионерскую деятельность, кто может быть руководителем религиозной организации, ее членом..

Иные граждане и юридические лица вправе осуществлять миссионерскую деятельность от имени религиозной организации при наличии у них документа, выданного руководящим органом религиозной организации и подтверждающего полномочие на осуществление миссионерской деятельности от имени религиозной организации. В данном документе должны быть указаны реквизиты документа, подтверждающего факт внесения записи о религиозной организации в единый государственный реестр юридических лиц и выданного федеральным органом государственной регистрации или его территориальным органом.

При таких обстоятельствах суд квалифицировал действия [ФИО] по ч. 5 ст. 5.26 КоАП РФ, поскольку он, [ФИО], осуществлял миссионерскую деятельность с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях.[6]

Судья Люблинского районного суда г. Москвы 26 июля 2023 года признал виновным Саиджона Муслихидиновича в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст.5.26 КоАП РФ и подвергнул его административному наказанию в виде штрафа.

Основанием для привлечения Саиджона Муслихидиновича явился факт осуществлении действий, которые в общем характеризуются как миссионерская деятельность. При этом он являлся гражданином иностранного государства, что квалифицирует его действия в иной плоскости, отличной от нарушителей, которые являются гражданами РФ[7].

Данный гражданин, находясь в суде, признал, что он виновен в совершении правонарушения. Свою позицию он изложил таким образом, что его осведомленность о проведении исламского праздника «Курбан-Байрам» в 06 час. 00 мин., и необходимости провести обряд, подвигли его на пойти на ранее неизвестную ему свободную площадку, которая располагалась возле гаражного многоэтажного

[4] ч. 5 ст. 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ
[5] Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" ФЗ от 26.09.1997 N 125-ФЗ
[6] Постановление Лефортовского районного суда г. Москвы по делу № 05-0022/2025 от 04.01.2025 года.
[7] ч. 4 ст. 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ

здания. При этом он решил пригласить своих знакомых из числа сограждан, и провести культовый обряд а «Намаз». Сам виновный при этом выл в роли имама, читал на мероприятии молитвы, но никто его из собравшихся имамом не провозглашал, он сам сделал такое волеизъявление, при этом не имел ни специального образования, ни полномочий на проведение миссионерской деятельности.

Согласно принципам Конституции РФ, в нашей стране каждый гражданин имеет достаточно большое количество прав и свобод, в том числе дающих возможность спокойно, без каких-либо разрешений исповедоваться самому, исповедовать других или вместе с кем-либо. Эти действия можно проводить в любом пригодном для этого месте или помещении, если это не противоречит иным нормативным актам. Также можно быть приверженцем любой, не запрещенной, религии, или вообще не быть сторонником никакой, то есть атеистом[8].

Данное право, исходя из позиции закона N 125-ФЗ, может быть и ограничено, но только при условии, что для этого существует необходимость защитить основы конституционного строя, а также иных видов прав, вопросов, касающихся здоровья граждан, соблюдения норм нравственности, защита безопасности страны, обеспечения ее обороны.

Именно по этому суд сделал ссылку п. 1 статьи 3 этого же закона, пояснив, что те иностранные граждане, которые на законных основаниях находящиеся на конкретном адресе, могут в полной мере пользоваться правами на свободу совести и свободу вероисповедания, как и граждане нашей страны. Вместе с этим, если ими будет нарушены какие-либо установки, в том числе касающиеся свободы вероисповеданиях, то они также обязаны нести ответственность в полном объеме, как и все граждане в России.

Но и сам нормативный закон позволяет суду принимать различные решения и давать наказания иностранным гражданам в сфере нарушений возможности свободно вероисповедоваться с применением штрафа, начиная от 30.000 рублей. Кроме этого, возможно еще дополнительно применить административное выдворение за пределы страны[9].

Проводя анализ вышеприведенных решений, мы видим, что норма, касающаяся нарушений законодательства о вероисповедания в том числе, совершенных иностранцем, закреплена именно в ч. 5 ст. 5.26 кодекса.

В свою очередь судьи, когда рассматривают подобные материалы и выносят свои решения, то за основания принимают признании правонарушителем своих незаконных действий. Факт того, что иностранный гражданин не просто понял, но и осознал свой проступок, дают возможность применить очень гуманные виды наказаний. Зачастую ими оказываются штрафные санкции, и это несмотря на то, что суд может назначить и дополнительное наказание в виде выдворения иностранца за пределы нашей Родины.

Также мы можем констатировать, что подобные решения судов по рассматриваемой тематике в достаточной степени применяется на территории РФ. Это яркое свидетельство об уважении к различным религиозным направлениям, лишний раз подтверждая и гуманность нашего законодательства, и толерантность ко всем без исключения.

Список источников

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025).
3. Дугенец А. С., Канунникова Н. Г. Административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 219–224.

[8] Конституция РФ, ст. 28

[9] Постановление Люблинского районного суда г. Москвы по административному делу № 05-2191/2023 от 26 июля 2023 года

4. Постановление Лефортовского районного суда г. Москвы по делу № 05-0022/2025 от 04.01.2025 года.
5. Постановление Люблинского районного суда г. Москвы по административному делу № 05-2191/2023 от 26 июля 2023 года.

УДК 340

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛЯ ГРАЖДАНИНА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

ЕРЕМИЧЕВА ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА,
ЛЯХОВИЧ СОФИЯ ВЛАДИМИРОВНА
студенты
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Аннотация. В статье исследуется правовой режим цифрового профиля гражданина – совокупности сведений о человеке, аккумулированной государственными информационными системами. Показано, что понятие цифрового профиля не закреплено ни в одном федеральном законе, а его инфраструктура создаётся в экспериментальном порядке. Выявлены основные проблемы регулирования: фрагментарность нормативной базы, риски профилирования, недостаточность контроля гражданина за собственными данными.
Ключевые слова: цифровой профиль, цифровая идентичность, персональные данные, государственные информационные системы, цифровая трансформация, информационная безопасность.

THE LEGAL REGIME OF A CITIZEN'S DIGITAL PROFILE: PROBLEMS OF DEFINITION AND LEGISLATIVE CONSOLIDATION

Eremicheva Varvara Dmitrievna,
Lyakhovich Sofiya Vladimirovna

Abstract. The article examines the legal regime of a citizen's digital profile – a body of information accumulated by state information systems. It is shown that the concept of a digital profile is not fixed in any federal law, and its infrastructure is created experimentally by by-laws. The main problems are identified: the fragmentary legal framework, circumvention of the prohibition on incompatible pooling of personal data, profiling risks, and insufficient citizen control over their own data. Proposals are made to consolidate the legal regime of the digital profile in a federal law.
Keywords: digital profile, digital identity, personal data, state information systems, digital transformation, information security.

В настоящее время значительная часть административных процедур (запись ко врачу, назначение пенсии, оформление документов, оплата штрафов и др.) реализуется в электронной форме с использованием государственных информационных систем. Гражданин взаимодействует с органами власти преимущественно через личный кабинет на Едином портале государственных и муниципальных услуг, не посещая данные органы непосредственно. Ещё в 2018 году О. А. Ястребов обращал внимание на то, что цифровые технологии «активно используются в реальном мире, деформируя привычные элементы взаимосвязей и подчиняя их своему влиянию» [1, с. 315]. В современности речь идёт уже не о заимствовании технологий, а о переустройстве самих оснований взаимодействия человека и публичной власти.

Государственные информационные системы аккумулируют значительный объём сведений о

гражданах, которые объединяются в единый массив данных. В доктрине и в нормативных правовых актах для обозначения такого массива используется термин «цифровой профиль». При этом ни один федеральный закон не содержит определения данного понятия, а его правовой режим определяется в настоящее время подзаконными актами, значительная часть которых принята в порядке эксперимента. В связи с этим задачами настоящей статьи являются определение правовой природы цифрового профиля, оценка действующего регулирования и формулирование предложений по его совершенствованию, в том числе по закреплению понятия цифрового профиля на уровне федерального закона.

Понятие и признаки цифрового профиля

Легальное определение цифрового профиля отсутствует. В доктрине предложены отдельные различные подходы к пониманию данного явления. Так, А. М. Кондаков и А. А. Костылева определяют цифровую идентичность как процесс создания индивидом цифровой проекции (следа) в сети, включающий весь комплекс данных о человеке в Интернете [2, с. 208]. Цифровой профиль в рамках такого подхода рассматривается как часть цифровой идентичности, а именно структурированный срез сведений, привязанный к конкретному лицу. Другие исследователи (С. С. Попова, А. С. Беденкова) разграничивают узкое значение цифрового профиля как совокупности сведений о субъекте в государственных информационных системах и широкое значение как совокупности всех сведений о лице, аккумулируемых в информационных системах и получаемых в результате обработки данных о его деятельности [3].

Т. Г. Какохо определяет цифровой профиль, в том числе гражданина, как «совокупность цифровых данных (записей), содержащихся в той или иной информационной системе, размещённой в цифровом пространстве» [4, с. 82]. Ценность данного подхода состоит в том, что он отражает распределённый характер профиля, значение имеют не отдельный носитель данных, а связность записей о лице в разных информационных системах.

Из изложенного можно выделить признаки цифрового профиля. Во-первых, он нематериален и не может быть сведён к отдельному документу либо файлу, поскольку представляет собой логически связанную совокупность сведений. Во-вторых, профиль персонифицирован, т.е. привязан к идентификатору, например к учётной записи в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА). В-третьих, динамичен, содержание профиля меняется с каждым юридически значимым действием лица, так и в автоматическом режиме. В-четвёртых, распределён, поскольку данные хранятся в реестрах разных ведомств, а инфраструктура профиля обеспечивает доступ к ним по запросу. Эти признаки делают профиль объектом, к которому плохо применимы привычные вещно-правовые категории. «Изъять» или «владеть» профилем в классическом смысле невозможно.

Правовое закрепление цифрового профиля в российском законодательстве

Правовой режим цифрового профиля формируется двумя группами норм. Первая группа включает общее информационное законодательство: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» задаёт базовые правила оборота информации [5], а Федеральный закон «О персональных данных» определяет специальный режим обработки сведений о лице. В частности, последний закрепляет запрет на объединение баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в несовместимых между собой целях (ч. 3 ст. 5) [6].

Вторую группу образуют нормы о специализированных информационных ресурсах. Центральное место среди них занимает единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении Российской Федерации [7]. В регистр включаются сведения о физических лицах и их идентификаторах – от актов гражданского состояния до до сведений о документах, удостоверяющих личность. Оператором регистра выступает Федеральная налоговая служба России (ФНС России). Данный регистр в наибольшей степени соответствует идее «цифрового профиля гражданина», хотя сам этот термин в законе не употребляется.

Инфраструктура цифрового профиля в настоящее время регулируется на подзаконном уровне и функционирует в рамках эксперимента. Постановлением Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 710 запущен эксперимент, в рамках которого формируются цифровые профили физических и юридических лиц на базе ЕСИА [8]. Постановлением от 23 сентября 2026 г. № 1217 круг участников эксперимента расширен, к нему подключены кредитные потребительские кооперативы, ломбарды и организаторы

торгов [9]. Сведения о лице не консолидируются в единую базу данных, при этом они сохраняются в информационных системах органов публичной власти. Наиболее востребованные из сведений содержатся непосредственно в инфраструктуре профиля, а доступ к иным обеспечивается посредством ссылок на первичные источники.

Показательно и другое направление развития регулирования. Указом Президента РФ от 9 июля 2025 г. № 467 создан государственный информационный ресурс «Цифровой профиль иностранного гражданина» [10]. В отличие от эксперимента, проводимого на основании постановления Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 710, данный ресурс является постоянно действующим, его оператором определено Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России). Постановлением Правительства РФ от 12.06.2026 № 735 утверждены состав сведений, порядок формирования, ведения и доступа к ресурсу [11]. Состав включает сведения об имени, реквизиты документов, изображение лица, номер записи в федеральном регистре населения. Таким образом, цифровой профиль приобретает нормативное наполнение, пусть пока применительно к иностранным гражданам.

Особый режим сбора и обработки биометрических персональных данных установлен Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ, который создал единую биометрическую систему [12]. Стратегическое направление цифровой трансформации государственного управления (распоряжение Правительства РФ от 09.07.2026 № 1779-р) предусматривает расширение электронного взаимодействия с гражданами – ради этого профиль и создаётся [13].

Попытка законодательного закрепления понятия уже предпринималась. Проект федерального закона № 747513-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» предполагал введение единого цифрового профиля, однако был отклонён постановлением Государственной Думы от 18 января 2022 г. № 663-8 ГД [14]. С 2022 г. вопросы о надлежащем уровне закрепления цифрового профиля и о месте его правового режима в системе законодательства не получили разрешения.

Проблемы правового режима цифрового профиля

Первая и главная проблема – отсутствие легального определения и рамочного закона. Ключевые правила, такие как состав сведений, порядок доступа, круг участников, содержатся в подзаконных актах, изменение которых не требует законодательной процедуры. А. Н. Мочалов указывает, что формально исчерпывающий перечень сведений цифрового профиля за период с ноября 2020 г. по апрель 2021 г. вырос почти вдвое, при этом ни один нормативный правовой акт не ограничивает отнесение информации к цифровому профилю конкретного человека [15, 93].

Вторая проблема связана с критерием правовой определенности. Цифровой профиль затрагивает неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), запрет сбора информации о частной жизни без согласия лица (ст. 24) и достоинство личности (ст. 21). Действующее регулирование не отвечает критерию правовой определённости, поскольку связывание персональных данных в профиль представляет собой ограничение прав, допустимое только на основании федерального закона и для достижения конституционно значимых целей [15].

Третья проблема наиболее содержательна в доктринальном отношении. Ч. 3 ст. 5 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ запрещает объединение баз данных, обрабатываемых в несовместимых целях. К цифровому профилю эта норма при буквальном толковании неприменима, поскольку сведения не консолидируются в единую сводную базу, а продолжают храниться в разных государственных информационных системах и извлекаются по мере необходимости. Формально запрет не нарушен, но функциональный эффект остается прежним. Норма, рассчитанная на централизованные базы данных, не учитывает распределённую архитектуру цифрового профиля, что подтверждает необходимость её совершенствования.

Четвёртая проблема – профилирование и «скоринг». Цифровой профиль по своей конструкции удобен не только для ускорения предоставления услуг, но и для оценки, ранжирования и прогнозирования поведения лица. Т. Г. Какохо определяет «скоринг» как социальное ранжирование граждан на основе аккумуляции данных и отмечает, что аккумуляция данных позволяет прогнозировать модель поведения лица [4, с. 86]. Риск дискриминации усиливается тем, что гарантии, предусмотренные ст. 16

Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», ограничиваются разъяснением гражданину порядка принятия решения на основании исключительно автоматизированной обработки его персональных данных, тогда как раскрытие логики алгоритма и критериев оценки законом не предусмотрено [6].

Наконец, пятая проблема – асимметрия контроля. Данные о гражданине собираются и используются в автоматизированном режиме, при этом законченного механизма ознакомления гражданина с собственным профилем не установлено. А. С. Чуева и Э. Э. Куртумерова приходят к выводу, что текущее фрагментарное регулирование не обеспечивает баланса публичных и частных интересов, и обосновывают антропоцентричную модель, включающую принятие рамочного закона, введение аудита алгоритмов и закрепление процессуальных гарантий контроля над своими данными [16].

Получается внутренне противоречивая конструкция. Государство формирует «единое окно» доступа к сведениям о гражданине, однако правовой режим самого «окна» не установлен. Возможным решением является принятие федерального закона о цифровом профиле гражданина, закрепляющего легальное определение профиля и разграничение его со смежными понятиями цифровой идентичности и цифрового следа; закрытый перечень входящих в профиль сведений; недопустимые цели использования профиля [15, с. 98]; право на ознакомление с полным составом профиля и уточнение содержащихся в нём сведений; раскрытие логики автоматизированных решений и порядок их обжалования. Биометрические персональные данные включаются в профиль лишь при сохранении особого порядка их обработки по Федеральному закону от 29.12.2022 № 572-ФЗ, иначе профиль способен стать средством обхода специального режима.

Таким образом, цифровой профиль гражданина – реальный правовой объект, уже вовлечённый в процессы сбора, обработки и предоставления персональных данных. Его правовой режим формируется подзаконными актами и экспериментальными нормами. Такое регулирование технологически удобно, однако не отвечает конституционному критерию правовой определённости.

Список источников

1. Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 315–328.

2. Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207–218.

3. Попова С. С., Беденкова А. С. Цифровой профиль: определение и применение в государственном управлении // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. № 1. С. 98–120.

4. Какохо Т. Г. Правовые основы единого цифрового профиля гражданина // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 3. С. 80–90.

5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

7. Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3742.

8. Постановление Правительства РФ от 03.06.2019 № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2963.

9. Постановление Правительства РФ от 23.09.2026 № 1217 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 710».

10. Указ Президента РФ от 09.07.2025 № 467 «О государственном информационном ресурсе „Цифровой профиль иностранного гражданина“».

11. Постановление Правительства РФ от 12.06.2026 № 735 «Об утверждении состава сведений, предоставляемых для включения в государственный информационный ресурс „Цифровой профиль иностранного гражданина“».

12. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «О создании и эксплуатации государственной информационной системы „Единая биометрическая система“ и об установлении особого порядка сбора и обработки биометрических персональных данных».

13. Распоряжение Правительства РФ от 09.07.2026 № 1779-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления».

14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации): проект федер. закона № 747513-7 (отклонён постановлением Государственной Думы от 18.01.2022 № 663-8 ГД).

15. Мочалов А. Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределённости // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9 (178). С. 88–101.

16. Чуева А. С., Куртумерова Э. Э. Правовой режим «цифрового профиля» гражданина как объекта и инструмента реализации функций государственного управления: вопросы эффективности и безопасности // Вестник экономики и права. 2025. № 109. С. 51–57.

УДК 342.9

ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОК В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

ОРАЗБАЕВ ИСЛАМБЕК ФАЙЗУЛЛАЕВИЧ
магистрант
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу порядка проведения проверок в рамках федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования. В работе автор рассматривает правовые основы контрольно-надзорной деятельности, детально исследуя этапы проведения выездных и документарных проверок. На основе изучения нормативной базы и правоприменительной практики автором сформулированы предложения по оптимизации процедуры проверок.
Ключевые слова: государственный контроль, надзор в сфере образования, виды проверок, процедура проведения проверок, федеральный государственный контроль, Рособрнадзор.

PROCEDURE FOR CONDUCTING INSPECTIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF FEDERAL STATE CONTROL (SUPERVISION) IN THE FIELD OF EDUCATION

Orazbaev Islambek Faizullaevich

Abstract. This article is devoted to the analysis of the procedure for conducting inspections within the framework of federal state control (supervision) in the field of education. The author examines the legal foundations of control and supervision activities, providing a detailed study of the stages involved in on-site and documentary inspections. Based on an analysis of the regulatory framework and law enforcement practice, the author puts forward proposals for optimizing the inspection procedure.
Keywords: state control, supervision in the field of education, types of inspections, inspection procedure, federal state control.

Одной из важнейших сфер общественной жизни, обеспечивающей развитие человеческого капитала и национальную безопасность государства, является образование. В связи с этим возникает объективная необходимость в эффективном государственном управлении данной сферой, неотъемлемым элементом которого выступает контроль и надзор [6].

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) является центральным звеном в механизме государственного контроля и надзора за деятельностью образовательных организаций [4]. От эффективности работы Рособрнадзора напрямую зависит качество образовательных услуг, соблюдение законодательства в сфере образования и защита прав обучающихся и педагогов. Служба контролирует аккредитацию образовательных программ, лицензирование деятельности, проведение ЕГЭ и других оценочных процедур [5].

Помимо этого, законодательная база активно изменяется: в последние годы внесены существенные изменения в законодательство об образовании (ФЗ «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ [1] и др.) и в

административное законодательство, регулирующее контрольно-надзорную деятельность [2]. В связи с этим анализ порядка проведения проверок именно в рамках федерального государственного контроля приобретает особую актуальность.

Законодательство о государственном контроле (надзоре) в сфере образования предусматривает несколько форм контрольной деятельности, каждая из которых имеет собственное процессуальное назначение и различается по степени вторжения в деятельность подконтрольного субъекта.

Документарная проверка представляет собой мероприятие, в ходе которого контролирующий орган анализирует документы и сведения, представленные образовательной организацией или индивидуальным предпринимателем [3]. Такая форма контроля позволяет оценить соответствие деятельности обязательным требованиям без выезда на место и в силу этого считается наименее обременительной для проверяемого лица.

Выездная проверка предполагает непосредственное присутствие инспектора на территории (в помещении) контролируемого лица и может включать осмотр, опрос работников и экспертизу [3]. Это наиболее глубокая форма надзорного воздействия, требующая строгого соблюдения процессуальных гарантий [8].

Наблюдение за соблюдением обязательных требований (мониторинг безопасности) осуществляется без взаимодействия с контролируемым лицом и основано на анализе сведений, поступающих в распоряжение органа контроля, в том числе из информационных систем [3]. Такой формат позволяет выявлять признаки нарушений дистанционно и служит основанием для последующих контрольных действий.

Отдельно следует отметить, что контролирующий орган вправе привлекать к проведению экспертизы в рамках контрольного мероприятия экспертов и экспертные организации [3]. Их заключения выступают доказательственной базой при оценке соблюдения обязательных требований и могут существенно влиять на итоговые выводы проверки.

Поскольку виды контрольных (надзорных) мероприятий различаются по характеру процессуальных действий, возникает необходимость исследования порядка их реализации [6]. Законодатель устанавливает императивную последовательность совершения контрольным органом юридически значимых действий: от вынесения распорядительного акта о проведении проверки до оформления её результатов и применения мер государственного принуждения [2]. Соблюдение указанной последовательности является гарантией обеспечения прав и законных интересов контролируемых лиц, а также условием законности осуществления контрольно-надзорной деятельности [8].

1) Подготовка и принятие решения о проведении проверки. Основанием для начала проверки может служить утверждённый план контрольно-надзорных мероприятий, истечение срока исполнения ранее выданного предписания об устранении нарушений, а также поступление информации о фактах нарушения обязательных требований (например, жалобы граждан или обращения прокуратуры) [3]. Решение оформляется приказом (распоряжением) руководителя Рособрнадзора или его территориального органа. В приказе указываются: наименование проверяемой организации, цели, задачи, предмет проверки, а также правовые основания [3].

2) Уведомление образовательной организации. Законодательство устанавливает обязательное правило уведомления [2]. О проведении выездной проверки образовательная организация должна быть уведомлена не позднее чем за 3 рабочих дня до начала её проведения. При проведении документарной проверки уведомление направляется в течение 3 рабочих дней с момента начала проверки (одновременно с запросом документов). Уведомление направляется по юридическому адресу организации [3].

3) Непосредственное проведение проверки. Срок проведения проверки (как документарной, так и выездной) по общему правилу не может превышать 10 рабочих дней. В исключительных случаях, требующих проведения сложных экспертиз, срок может быть продлён, но не более чем на 20 рабочих дней [3]. Документарная проверка проводится по месту нахождения Рособрнадзора. Инспекторы изучают документы и сведения, представленные организацией (устав, лицензии, локальные акты, отчёты о самообследовании и т.д.). Если представленные документы вызывают сомнения, инспектор вправе за-

просить дополнительные пояснения [3]. Выездная проверка проводится по месту нахождения образовательной организации (в вузе, колледже, школе). Инспекторы имеют право осматривать помещения, знакомиться с документацией, а также проводить опросы должностных лиц и обучающихся для оценки качества образования [3].

4) Оформление результатов проверки. По завершении проверки инспекторы составляют акт проверки в двух экземплярах. В акте фиксируются все выявленные нарушения (или их отсутствие), а также делаются ссылки на конкретные нормативные акты, которые были нарушены [3]. Один экземпляр акта с копиями приложений вручается руководителю образовательной организации под роспись. В случае несогласия с фактами, изложенными в акте, организация вправе в течение 15 дней представить в Рособрнадзор письменные возражения [3].

5) Принятие мер реагирования. Если в ходе проверки выявлены нарушения, Рособрнадзор выдаёт образовательной организации предписание об устранении выявленных нарушений с указанием конкретных сроков их исправления [3]. В случае выявления признаков административного правонарушения (например, ведение образовательной деятельности без лицензии) составляется протокол об административном правонарушении. Впоследствии материалы могут быть переданы в суд для принятия решения о приостановлении действия лицензии или привлечении к административной ответственности.

Действующее законодательство устанавливает достаточно детальную процедуру проведения проверок, включая порядок оформления результатов и принятия мер реагирования. Однако, их практическая реализация сталкивается с рядом системных проблем. Наиболее остро на практике проявляется проблема соблюдения баланса интересов на начальном этапе контрольных мероприятий. Речь идёт о сроках уведомления образовательной организации о предстоящей выездной проверке. Анализ правоприменительной практики показывает, что установленные законом временные рамки зачастую создают непреодолимые барьеры для нормальной работы вузов и школ. Согласно ч. 1 ст. 73 ФЗ № 248-ФЗ, о проведении выездной проверки контролируемое лицо уведомляется не позднее чем за 3 рабочих дня [2]. Для крупных образовательных организаций (например, университетов с множеством филиалов и сложной системой документооборота) этого времени критически недостаточно [7]. Инспекторы вправе запросить огромный массив документов (положения, приказы, договоры, отчёты), и за 3 дня собрать их в надлежащем виде физически невозможно. В результате организация не успевает подготовиться, что приводит к искусственному выявлению нарушений, которых можно было бы избежать. Одним из решений данной проблемы видится увеличение сроков уведомления о выездной проверке до 5–10 рабочих дней, особенно для образовательных организаций высшего образования.

Таким образом, действующий порядок проведения проверок соответствует общим принципам ФЗ № 248-ФЗ, однако требует точечной доработки. Предложенные меры (увеличение сроков уведомления) позволят найти баланс между качеством контроля и защитой прав образовательных организаций.

Список источников

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

2. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.

3. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования» от 25.06.2021 № 997 (ред. от 24.07.2025)

4. Колесникова К.И. «Стратегические направления контрольно-надзорной деятельности в сфере образования: современное состояние и векторы развития» // Вестник высшей школы. 2026. № 4. С. 27–35.

5. Кирилловых А.А. «Механизм «регуляторной гильотины» в образовании: проблемы и перспективы практической реализации в деятельности Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки» // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 4. С. 37–45.

6. Беляев Н.В. «Принципы государственного контроля (надзора)» // Молодой ученый. 2024. № 48 (547). С. 313–315.

7. Коцюрко Е. П. Административно-правовое регулирование федерального государственного контроля (надзора) в сфере высшего образования в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2. – Екатеринбург, 2024. – 322 с.

8. Дружинин А. В. Административная ответственность по итогам федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования: соблюдение баланса интересов в свете актуального законодательства // Административное право и практика администрирования. – 2023. – № 3. – С. 33–44. – DOI: 10.7256/2306-9945.2023.3.43444.

УДК 342.9

ПРАВОВАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ: КРИТЕРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ

ЮРЧЕНКО СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
магистрант
ФГБОУ ВО АГПУ им. П.Д. Осипенко

Научный руководитель: Картамышева О.Е,
к. ю. н., зав. кафедры
ФГБОУ ВО АГПУ им. П.Д. Осипенко

Аннотация: Рассматривается проблема проверки правомерности ограничительных мер при проведении контртеррористической операции. Обосновывается необходимость разграничения полномочия и условий его конкретной реализации. Предлагается авторская модель последовательной оценки правового основания, компетенции, содержания меры и возможности последующего контроля.
Ключевые слова: контртеррористическая операция, административно-правовой режим, ограничительные меры, компетенция, законность, соразмерность, судебный контроль.

LEGAL JUSTIFICATION OF RESTRICTIVE MEASURES DURING A COUNTER-TERRORIST OPERATION: CRITERIA FOR ADMINISTRATIVE AND LEGAL CONTROL

Yurchenko Sergey

Scientific adviser: Kartamysheva O. E.

Abstract: The article examines the legality of restrictive measures during counter-terrorist operations. It distinguishes the existence of a legal power from the conditions governing its specific exercise and proposes a structured assessment model covering legal grounds, competence, scope of restrictions and subsequent review.
Key words: counter-terrorist operation, administrative legal regime, restrictive measures, competence, legality, proportionality, judicial review.

Противодействие террористическим угрозам требует своевременных решений и эффективного применения предусмотренных законом полномочий. Однако наличие угрозы само по себе не освобождает государственный орган от обязанности обосновать конкретную меру. Конституция Российской Федерации допускает ограничение прав и свобод федеральным законом лишь в необходимой для конституционно значимых целей мере [1, ст. 55]. Поэтому ключевая практическая задача состоит в обеспече-

нии одновременно оперативного реагирования и проверяемости правовых оснований вмешательства.

Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» разграничивает проведение контртеррористической операции и введение её правового режима. Статья 11 предусматривает территориальные пределы режима, перечень возможных мер и порядок обнародования решений. Закон допускает применение полного комплекса мер или отдельных ограничений на определённых участках территории и объектах [2, ст. 11]. Следовательно, введение режима не означает автоматического применения всех перечисленных мер: основание и пределы каждой из них должны соответствовать закону и принятому решению.

Проблема возникает тогда, когда оценка правомерности ограничивается ссылкой на общую задачу обеспечения безопасности. Такая ссылка не отвечает на вопросы о компетенции субъекта, конкретных обстоятельствах применения меры, её пределах и доступности последующей проверки. Исследования правового регулирования режима КТО обращают внимание на необходимость более последовательного согласования нормативных положений и практики их применения [4, с. 46–49]. В свою очередь, анализ гарантий прав в условиях специальных административно-правовых режимов требует рассматривать контроль как обязательный элемент законности, а не как внешнюю по отношению к операции процедуру [5, с. 187–192].

Автор предлагает оценивать ограничительную меру по шести взаимосвязанным критериям: наличие правового основания, компетенция принимающего решение субъекта, определённость содержания меры, соблюдение установленных законом пределов, обоснованность вмешательства и возможность его последующей проверки. Результат применения этой модели представлен в таблице.

Таблица 1

Критерии проверки правомерности ограничительных мер

Критерий	Контрольный вопрос	Риск правоприменения
Основание	Какая норма допускает применение меры?	Подмена правового основания общей ссылкой на безопасность
Компетенция	Кто вправе принять решение?	Выход за пределы полномочий
Содержание	Что именно разрешено или ограничено?	Неопределённость требований
Пределы	Где и в течение какого срока действует мера, если это предусмотрено законом?	Расширительное применение ограничения
Обоснованность	Связана ли мера с установленной законом целью и необходимостью реагирования?	Недостаточное обоснование вмешательства
Проверка	Можно ли подтвердить основания решения и оценить его законность?	Невозможность установить характер нарушения

Предложенная модель является аналитическим инструментом и не заменяет установленную законом процедуру. Отрицательный результат проверки отдельного критерия означает необходимость выяснить обстоятельства и правовые последствия, но не позволяет автоматически признавать решение незаконным без изучения конкретной ситуации.

Сравнительно-правовой опыт подтверждает значимость такого подхода. В деле *Gillan and Quinton v. the United Kingdom* Европейский суд по правам человека признал, что широкие полномочия на остановку и досмотр без достаточных гарантий создавали риск произвольного вмешательства [6]. Для регулирования КТО из этого следует не необходимость ослабления правомерного реагирования, а необходимость чётко определять условия применения полномочий и обеспечивать их проверяемость.

Практическое значение предложенной модели состоит в возможности использовать её при анализе правоприменительных материалов, подготовке учебно-методических документов и оценке обоснованности решений. Она позволяет перейти от формальной проверки наличия полномочия к последовательному анализу его реализации.

Таким образом, эффективность административно-правового регулирования КТО зависит не только от предоставленных государству средств реагирования, но и от качества правового контроля.

Законное основание, определённость компетенции, пределы вмешательства и возможность проверки должны рассматриваться как единая система. Такой подход позволяет сочетать своевременное противодействие террористическим угрозам с конституционными требованиями законности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.10.2026).
2. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 25.10.2026).
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 25.10.2026).
4. Шеншин В. М. О проблемах правового регулирования обеспечения режима контртеррористической операции // Российский следователь. 2025. № 10. С. 46–49. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-10-46-49.
5. Шурухнова Д. Н., Комовкина Л. С. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в условиях реализации специальных административно-правовых режимов // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 187–192. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-5-187-192.
6. Gillan and Quinton v. the United Kingdom. Judgment of the European Court of Human Rights, 12 January 2010. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?TID=cdfnxrvmzi&filename=001-96585.pdf&id=001-96585&library=ECHR (дата обращения: 25.10.2026).

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.9:004.89

КАЧЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАКТИЧЕСКИХ ДАННЫХ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОВЕРКИ СОДЕРЖАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ОСОБЕННОСТИ ДАННЫХ, СФОРМИРОВАННЫХ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

КИЧИГИН ОЛЕГ ЭМИЛЬЕВИЧ
д.э.н., профессор
ГАОУ ВО ЛО «Гатчинский государственный университет»,
г. Гатчина, РФ

Аннотация. В статье рассматривается качественная интерпретация фактических данных как элемент проверки содержания доказательств в гражданском процессе. Выделяются основные критерии такой интерпретации и раскрывается их значение для оценки доказательственной информации. Особое внимание уделено данным, сформированным с использованием искусственного интеллекта, их проверяемости, объяснимости, воспроизводимости и особенностям использования в доказательственной деятельности.
Ключевые слова: фактические данные; проверка доказательств; оценка доказательств; доказательственная информация; искусственный интеллект; цифровые доказательства.

QUALITATIVE INTERPRETATION OF FACTUAL DATA AS AN ELEMENT OF VERIFYING THE CONTENT OF EVIDENCE: SPECIFIC FEATURES OF DATA CREATED WITH THE ASSISTANCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Kichigin Oleg Emilievich

Abstract. The article examines the qualitative interpretation of factual data as an element of verifying the content of evidence in civil proceedings. It identifies the main criteria for such interpretation and explains their significance for assessing evidentiary information. Particular attention is paid to data generated using artificial intelligence, including their verifiability, explainability, reproducibility, and specific features of their use in evidentiary proceedings.
Keywords: factual data; verification of evidence; evaluation of evidence; evidentiary information; artificial intelligence; digital evidence.

Введение. Современное судебное доказывание предполагает необходимость содержательной оценки сведений с учётом их происхождения, способа формирования, а также их связи с юридически значимыми обстоятельствами. Особую актуальность такая задача приобретает применительно к цифровым и алгоритмически сформированным данным. Это обусловливает необходимость исследования особенностей их интерпретации в процессе проверки доказательств.

Целью статьи является определении значения качественной интерпретации фактических данных

для проверки содержания доказательств, а так же установление особенностей такой интерпретации применительно к технологически сложной и алгоритмически сформированной информации.

К основным задачам исследования относятся: 1. раскрыть место интерпретации фактических данных в механизме проверки доказательств; 2. определить основные критерии качественной интерпретации; 3. выявить особенности интерпретации данных, сформированных с использованием ИИ.

Результаты исследования

1. Качественная интерпретация фактических данных в механизме проверки доказательств

В гражданском процессе проверка доказательств предполагает выяснение их содержания, происхождения и связи с юридически значимыми обстоятельствами (ст. 55, 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, (далее ГПК РФ)[1]. При этом само по себе получение информации ещё не позволяет сделать вывод о доказанности соответствующего факта. Для этого необходимо определить, какое значение имеют содержащиеся в доказательстве сведения, в каком контексте они сформированы и могут ли они использоваться для подтверждения или опровержения обстоятельств, входящих в предмет доказывания [ст. 67 ГПК РФ].

В этом смысле качественная интерпретация фактических данных выступает элементом проверки содержания доказательств. Её задача состоит в установлении того, что именно подтверждают содержащиеся в доказательстве сведения и насколько корректно они соотносятся с обстоятельством, подлежащим установлению. Как отмечается А.В. Руденко: «качественная интерпретация – процесс установления содержания доказательства, который позволяет не только уяснить содержание доказательств в пределах одного процессуального источника, но и выяснить наличие внутренних противоречий обстоятельств, на которые указывают исследуемые сведения» [2].

По нашему мнению такой подход критично важен в случаях, когда доказательственная информация имеет сложную структуру, формируется автоматически или требует дополнительных пояснений для правильного понимания её значения.

Интерпретация фактических данных должна начинаться с установления их связи с предметом доказывания. Исследуя вопрос об относимости и достаточности доказательств при их оценке в гражданском судопроизводстве Д.В. Чиркова отмечает «относимость доказательств напрямую зависит от предмета доказывания, а сама оценка доказательств влияет на процесс сбора доказательств» [3]. При этом необходимо помнить, что предмет доказывания первичен. Он определяет, какие именно обстоятельства имеют юридическое значение для разрешения дела. В этом смысле доказательства являются вторичными, т.е. служат средством установления наличия (отсутствия) этих обстоятельств. Данный вывод согласуется с определением доказательств, закреплённым в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, где они определяются как сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств дела.

Поэтому фактические данные приобретают процессуальное значение только в том случае, если позволяют подтвердить (опровергнуть) конкретный юридически значимый факт. По нашему мнению такой подход полностью согласуется с общей логикой распределения доказательственной обязанности, закреплённой в ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, в рамках которой на первом этапе определяется круг подлежащих установлению обстоятельств, а только затем исследуются сведения, способные их подтвердить.

Качественная интерпретация предполагает разграничение содержания доказательства и самого источника информации. Один и тот же документ, например, цифровая запись, технический журнал (или иной носитель) могут содержать несколько различных сведений, обладающих разным доказательственным значением. Поэтому проверка не должна ограничиваться формальным установлением существования источника. Необходимо определить, какие его сведения относятся к спорному обстоятельству, и каким образом они были сформированы, а также допускают ли они альтернативное толкование.

Содержательная интерпретация фактических данных тесно связана с оценкой доказательств. В гражданском процессе суд оценивает доказательства по внутреннему убеждению, которое формируется на основе их всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования **(ч. 1 ст. 67 ГПК РФ).** При этом подлежат оценке относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства, а также достаточность и взаимная связь доказательств в совокупности **(ч. 3 ст. 67 ГПК РФ).** Сле-

довательно, обеспечивая содержательную основу для применения установленных законом критериев, качественная интерпретация не является самостоятельным критерием такой оценки.

Особое значение имеет проверка достоверности данных.

Во-первых, она требует сопоставления содержания данных с другими доказательствами. В соответствии с ч. 3 ст. 67 ГПК РФ суд оценивает достоверность каждого доказательства в отдельности, а также взаимную связь доказательств в их совокупности. Как разъяснено в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13, «при возникновении сомнений в достоверности исследуемых доказательств их следует разрешать путем сопоставления с другими установленными судом доказательствами» [4].

Во-вторых, установления условий возникновения данных. Так, ч. 5 ст. 67 ГПК РФ обязывает суд «с учетом других доказательств убедиться в том, что такие документ или иное письменное доказательство исходят от органа, уполномоченного представлять данный вид доказательств…». Изучая вопрос о сопоставлении доказательств и установлении источников доказательств как способа их проверки С.А. Лушкин отмечает: «вывод о достоверности или недостоверности конкретного доказательства достигается путем сопоставления его с другими доказательствами по делу» [5].

Например, если сведения сформированы в определённой технической или цифровой среде (ИИ-системе), то их правильное понимание во многом зависит от знания алгоритмов функционирования соответствующей системы. В таких ситуациях (в зависимости от контекста формирования и способа последующего использования) один и тот же набор данных способен получить различное правовое значение [6].

Кроме того, качественная интерпретация предполагает выявление возможной неполноты доказательственной информации. Фрагментарные сведения могут создавать внешне убедительное представление о факте, однако не отражать всех обстоятельств его возникновения. Как отмечается в процессуальной литературе, «неполнота связывалась с отсутствием в уголовном деле такой совокупности доказательств, которая является достаточной и необходимой для достоверного установления того или иного факта» [7].

Поэтому при проверке содержания доказательства необходимо учитывать, достаточно ли представленной информации для вывода о юридически значимом обстоятельстве или требуется её дополнительное сопоставление с иными данными. Это особенно важно при наличии доказательственной асимметрии, под которой «следует понимать ситуацию, при которой сторона, обязанная подтвердить юридически значимый факт, располагает существенно меньшими возможностями получить необходимые сведения, поскольку они находятся под контролем другого лица» [8].

По нашему мнению, качественная интерпретация занимает промежуточное место между получением доказательственной информации и итоговой судебной оценкой. Она обеспечивает переход от формального наличия сведений к пониманию их доказательственного значения. Без такой интерпретации проверка доказательств может быть сведена к констатации существующей информации. При этом задача гражданского процессуального доказывания состоит в установлении обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. **Данное положение конкретизировано в ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, согласно которой «суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, и выносит их на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались».**

2. Критерии качественной интерпретации содержания доказательств

Качественная интерпретация фактических данных требует применения системы взаимосвязанных критериев, характеризующих сведения, содержащиеся в доказательстве, при которых они (доказательства) могут использоваться для установления обстоятельств дела.

По нашему мнению, такой подход приобретает особое значение применительно к информационным (технологически сложным) доказательствам. Прежде всего, это относится к случаям, в которых содержание представленных данных не может быть правильно воспринято: 1. без установления их происхождения: 2. способа их формирования; 3. условий их использования. Например, применительно к результатам, создаваемым с помощью ИИ, особое значение приобретают интерпретируемость, объяснимость, верифицируемость и воспроизводимость информации, используемой в юридически значимой деятельности. Как справедливо отмечает Е.Р. Россинская: «проблема интерпретируемости ре-

зультатов работы искусственных нейронных сетей представляется нам наиболее значимой, поскольку в судебной экспертизе получаемые результаты и основанные на них выводы должны быть интерпретируемыми, чтобы их могли оценить как другие эксперты и специалисты, так и иные участники судебного процесса» [9, с. 26].

На наш взгляд, качественная интерпретация фактических данных предполагает критериальный анализ, в котором значение каждого из критериев состоит в выявлении содержательной определённости доказательственной информации. При этом критерии не должны рассматриваться изолированно (таблица 1).

Таблица 1

Критерии качественной интерпретации фактических данных

Содержание	Значение для проверки доказательства
1. Критерий: возможность определения происхождения	
Определение источника и условий возникновения данных	Позволяет установить происхождение и условия формирования информации
2. Критерий: проверяемость способа формирования	
Выявление процедуры, параметров и операций, посредством которых получены данные	Позволяет оценить обоснованность содержащегося в доказательстве результата
3. Критерий: полнота сведений	
Наличие сведений, необходимых для понимания существенных обстоятельств	Снижает риск фрагментарной или искажённой интерпретации
4. Критерий: внутренняя согласованность	
Отсутствие необъяснимых противоречий между элементами информации	Позволяет выявить обстоятельства, требующие дополнительной проверки
5. Критерий: воспроизводимость и проверяемость	
Возможность повторного или независимого исследования условий получения результата	Обеспечивает возможность проверки сделанного на основе данных вывода
6. Критерий: контекстуальная определённость	
Учёт среды, цели и условий формирования сведений	Позволяет правильно установить содержательное значение данных
7. Критерий: сопоставимость сведений	
Возможность соотнести сведения с другими доказательствами	Обеспечивает проверку интерпретации в совокупности доказательств

***Примечание*: предложено автором.**

По нашему мнению, содержание применяемых критериев может различаться в зависимости от природы фактических данных.

Например, для традиционного письменного доказательства основное значение могут иметь происхождение, содержание и сопоставление с иными материалами дела. При этом для автоматически сформированной (сгенерированной) информации возрастает значение возможности установить параметры её получения, последовательность обработки, воспроизводимость результата и условия функционирования соответствующей ИИ-системы.

Контекстуальная определённость и сопоставимость позволяют проверить, сохраняет ли информация своё предполагаемое доказательственное значение с учётом условий её формирования и других материалов дела. Как отмечает Т. В. Леонова: «проверка доказательств представляет собой самостоятельный элемент доказывания и производится путём сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в деле, а также установления их источников» [10]. По нашему мнению, расхождение между независимыми источниками требует дополнительного выяснения причин противоречия и исключает изолированную интерпретацию отдельных данных. Применительно к данным, сформированным с использованием ИИ, данные критерии требуют дополнительной конкретизации с учётом технологической специфики соответствующих ИИ-систем.

3. Особенности (проблемы) интерпретации фактических данных, сформированных с использованием искусственного интеллекта

Использование систем искусственного интеллекта (далее — ИИ) в юридически значимой деятельности порождает особую группу фактических данных, содержание которых не всегда может быть проверено традиционными способами (приёмами). Согласно п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490), под ИИ понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.» [11].

В данном случае специфика связана с тем, что итоговый вывод (продукт ИИ) зависит от исходных данных, параметров модели, правил обработки и конкретных условий функционирования системы [12]. Этого мнения придерживаются И.М. Егерев и О.А Егерева которые считают, что «при интерпретации такой информации существенное значение приобретает возможность восстановить связь между входными данными, процессом их обработки и результатом, полученным с помощью ИИ» [13,с.71].

В зависимости от вида результата, полученного с помощью ИИ [14] можно выделить различные группы данных, имеющих значение для его проверки (таблица 2).

Таблица 2

Виды результатов, созданных с помощью ИИ и наиболее значимые цифровые следы для их проверки

Вид результата, созданного с помощью ИИ	Наиболее значимые данные для проверки
Аналитический	Исходные данные; применённый метод обработки; версия модели; параметры обработки; сформированный аналитический вывод
Рекомендательный	Входная информация; содержание рекомендации; сведения о её принятии или отклонении; последующее решение
Управляющий	Параметры системы; журналы команд; временные метки; сведения об автоматизированном исполнении; данные о возможности контроля
Творческий и генеративный	Запросы; промежуточные варианты; история редактирования; сведения о выборе варианта; данные о переработке результата человеком
Комбинированный	Совокупность цифровых следов, относящихся к входящим в него аналитическим, рекомендательным, управляющим, творческим или генеративным компонентам

Примечание: предложено автором.

Такое разграничение имеет процессуальное значение, так как не вся техническая информация одинаково полезна для установления конкретного обстоятельства. При проверке доказательства необходимо соотносить исследуемые данные с тем фактом, который подлежит подтверждению.

Например, в споре о характере творческого участия ключевыми будут являться сведения о последовательности действий пользователя и преобразовании результата, созданного с помощью ИИ.

При этом, если судебный спор связан с автоматизированным решением, то более существенными могут оказаться данные о параметрах ИИ-системы и основаниях формирования ею конкретного вывода.

Практическое значение интерпретируемости и объяснимости связано не только с возможностью понимания функционирования ИИ-системы и сформированного ею продукта, но и с обеспечением доверия пользователей, верификацией решений и соблюдением установленных требований. Как отмечается О.Э. Кичигин и А.А. Евграфов «интерпретируемость представляет собой степень ясности решений ИИ для пользователя. Это свойство необходимо для повышения доверия пользователей ИИ, верификации ИИ решений и соблюдения установленных норм в различных секторах общественных отношений, а концепция объяснимости обеспечивает необходимость предоставления пользователю понятных разъяснений по решениям, принимаемым системой» [15].

Третьим специфическим элементом является **верифицируемость**, под которой понимается возможность проверки корректности (правильности) результата, созданного с помощью ИИ. Кроме того, для управляющих результатов, созданных с помощью ИИ, дополнительно требуется проверка процесса реализации соответствующего воздействия и его последствий. В общем случае, верифицируемость позволяет перейти от ментального доверия к результату, созданному с помощью ИИ к исследованию процесса его получения.

На наш взгляд, существенной проблемой является технологическая непрозрачность ИИ-системы или «эффект чёрного ящика», которая ограничивает возможность установить логику формирования результата, созданного с помощью ИИ. Безусловно, это затрудняет его доказательственную интерпретацию. Однако в такой ситуации отсутствие полной прозрачности ИИ-системы не должно автоматически означать недопустимость или недостоверность соответствующих данных. По нашему мнению, в этих условиях, повышается значение дополнительных источников проверки. Например, технической документации, журналов событий, сведений о параметрах модели, экспертного исследования в сопоставлении с другими материалами дела.

Отдельной проблемой является ситуация связанная с распределённостью доказательственной информации. Например, ситуация, в которой ключевая информация находиться под фактическим контролем ограниченного круга лиц, что создаёт фактическое неравенство в доступе к ней, т.е. затрудняет проверку результата, созданного с помощью ИИ. Следовательно, при оценке такой доказательственной ситуации необходимо учитывать возможность стороны получить техническую информацию, необходимую для их проверки.

По нашему мнению, в технологически сложных спорах возрастает роль специальных знаний. Прежде всего, это относится к использованию судебной экспертизы **(ст. 79 ГПК РФ),** которая, не подменяя судебную оценку доказательств, должна обеспечить техническую основу для понимания происхождения и содержания соответствующих данных. Её значение возрастает в судебных спорах, которые связаны с результатами работы ИИ-системы. В этих условиях (без специальных знаний) невозможно определить, отражает ли представленный результат, созданный с помощью ИИ, реальное состояние исследуемого объекта или является следствием особенностей работы ИИ-модели.

При этом документирование цифровых следов не должно рассматриваться как самостоятельное подтверждение юридически значимого факта. **Согласно ст. 59 ГПК РФ, суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела.** В этом смысле наличие промптов, версий файлов, технических журналов и т.д. должно рассматриваться только как доказательственная основа для последующей правовой оценки. Такие сведения помогают установить условия формирования результата, созданного с помощью ИИ, но сами по себе не доказывают наличие права, авторства, ответственности либо другой причинной связи.

Выводы

1. В результате исследования установлено, что качественная интерпретация фактических данных является необходимым элементом проверки доказательств, поскольку обеспечивает переход от наличия информации к определению её доказательственного значения.

2. Выделены основные критерии такой интерпретации: происхождение данных, способ их формирования, полнота, внутренняя согласованность, проверяемость, воспроизводимость, контекстуальная определённость и сопоставимость с иными доказательствами.

3. Применительно к данным, сформированным с использованием ИИ-систем, их интерпретация осложняется зависимостью результата, созданного с помощью ИИ от исходных данных, параметров модели, условий функционирования системы, возможной непрозрачностью алгоритмического процесса и неравным доступом к технической информации. При этом такие данные не требуют создания самостоятельной системы процессуального доказывания, т.е. их оценка должна осуществляться в рамках общих правил с учётом объяснимости, верифицируемости, характера цифровых следов и, при необходимости, специальных знаний.

Список источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

2. Руденко А.В. Подготовка к производству проверочных следственных действий // Теория и практика общественного развития. 2016. №12. С. 78–81URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-k-proizvodstvu-proverochnyh-sledstvennyh-deystviy (дата обращения: 09.10.2026).

3. Чиркова Д.В. К вопросу об относимости и достаточности доказательств при их оценке в гражданском судопроизводстве // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 158–168. DOI: 10.33874/2072-9936-2023-0-2-158-168.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» (ред. от 09.02.2012) // Российская газета. — 2008. — 2 июля. — № 140.

5. Лушкин С.А. Сопоставление доказательств и установление источников доказательств как способ проверки доказательств // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 221–223. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavlenie-dokazatelstv-i-ustanovlenie-istochnikov-dokazatelstv-kak-sposob-proverki-dokazatelstv (дата обращения: 09.10.2026).

6. Кичигин О.Э., Быстрова Н. О. Частно - правовые аспекты искусственного интеллекта как цифрового инструмента: к вопросу о специальном правовом регулировании // Вестник академии знаний. 2025. №6 (71). С324-329.

7. Ян Е. И. Уголовно-процессуальное и криминалистическое понимание односторонности, неполноты и необъективности предварительного расследования преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. №3 (86). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-protsessualnoe-i-kriminalisticheskoe-ponimanie-odnostoronnosti-nepolnoty-i-neobektivnosti-predvaritelnogo-rassledovaniya (дата обращения: 09.10.2026).

8. Кичигин О.Э. Доказательственные презумпции и фикции в гражданском процессе // Юриспруденция и современная правовая система: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2026. – С. 113–120. – С. 115.

9. Россинская, Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 6. С. 17–28. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.115.3.021-033

10. Леонова, Т. В. Активность суда при проверке доказательств в судебном разбирательстве / // Общество и право. — 2009. — № 5. — С. 172–175. https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnost-suda-pri-proverke-dokazatelstv-v-sudebnom-razbiratelstve (дата обращения: 09.10.2026).

11. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Президент России : официальный сайт. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 07.10.2026).

12. Kockelman P. The Epistemic and Performative Dynamics of Machine Learning Praxis // Signs and Society. 2020. Vol. 8, № 2. P. 319–355. DOI: 10.1086/708249.

13. Егерев И.М., Егерева О.А. Риски использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности и пути их преодоления // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. — 2025. — № 2 (46). — С. 70–76. DOI: 10.21777/2587-9472-2025-2-70-76.

14. Кичигин О. Э., Быстрова Н. О. Классификация решений ИИ и их правовое значение // Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2025. № 11. С. 176–182.

15. Кичигин О. Э., Евграфов А. А. Свойства и концепции искусственного интеллекта // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2025. № 12. С. 132–136.

© О.Э. Кичигин

УДК 347

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ТРУДОВЫХ СПОРАХ

СЫТНИК ДАНИЛ АРТЕМОВИЧ
магистрант
Юридический институт
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля»

Аннотация. В статье рассматриваются цифровые доказательства в трудовых спорах. Отмечается отсутствие легального определения и единых критериев допустимости и достоверности при активном использовании скриншотов, переписки и данных систем контроля доступа. Анализируются доктринальные подходы и судебная практика. Обосновывается необходимость законодательного закрепления понятия электронных доказательств и дифференцированных правил оценки, особенно для защиты стороны работника.
Ключевые слова: цифровизация, электронные доказательства, трудовые споры, цифровые доказательства, скриншоты, нотариальное удостоверение, допустимость, достоверность, судебная практика, правовая природа.

DIGITAL EVIDENCE IN LABOR DISPUTES

Sytnik Danil Artemovich

Abstract. The article examines digital evidence in labour disputes. It notes the absence of a legal definition and uniform criteria for admissibility and reliability amid the active use of screenshots, correspondence, and data from access control systems. Doctrinal approaches and judicial practice are analysed. The necessity of legislatively enshrining the concept of electronic evidence and differentiated rules of assessment is substantiated, particularly for the protection of the employee party.
Key words: digitalization, electronic evidence, labor disputes, digital evidence, screenshots, notarization, admissibility, reliability, judicial practice, legal nature.

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни, включая трудовые отношения, с неизбежностью ставит перед цивилистическим процессом новые задачи, одной из которых является необходимость осмысления и нормативного регулирования института электронных (цифровых) доказательств. Актуальность темы настоящего исследования обусловлена тем, что в условиях повсеместного использования цифровых технологий, традиционные подходы к доказыванию оказываются недостаточно эффективными. На текущий момент цифровые доказательства законодательно не урегулированы, тогда как в рамках судебной практики они активно используются. Особую остроту данная проблема приобретает в трудовых спорах, где работник традиционно выступает слабой стороной, а исход дела зачастую зависит от полноты и качества собранных доказательств.

Целью работы является комплексный анализ правовой природы цифровых доказательств в трудовых спорах и выявление проблем их использования в судебной практике.

Общетеоретические вопросы правовой природы электронных доказательств рассматривались в трудах А.П. Вершинина, А.Т. Боннера, Е.В. Ивановой, В.А. Лаптева, Н.Н. Ткачевой, а отдельные виды цифровых доказательств, в частности скриншоты, исследовались А. Бычковым и В.Ф. Борисовой, однако комплексных работ, посвящённых специфике цифровых доказательств именно в трудовых спорах, в настоящее время недостаточно.

С точки зрения ныне действующего Гражданско-процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела [1, с. 55]. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов, и так далее.

Фактически, законодательно закреплена возможность использования множества различных по своему содержанию и происхождению доказательств. В современных условиях наиболее активно развиваются так называемые «электронные» или же «цифровые» доказательства.

Вместе с тем, текущее правоприменение сталкивается с рядом проблем, вызванных законодательными пробелами. В настоящее время нет единообразного подхода в определении правовой природы электронных доказательств. Хотя процессуальное законодательство относит электронные доказательства к способам установления обстоятельств дела, наряду с письменными и вещественными, и суды принимают различные цифровые материалы, отсутствие четкого терминологического определения порождает проблемы толкования. Ряд авторов предполагают относить электронные доказательства к уже существующим видам: письменным или вещественным. Так, А.П. Вершинин полагает, что электронное доказательство в зависимости от содержания можно отнести к письменным, если сведения о фактах содержат человеческую мысль, или к вещественным, если предоставляется «фотоснимок либо иное отражение реальной действительности, которое не содержит мысль» [2, с. 106]. Иные исследователи делают акцент на «форме существования» и приходят к выводу, что электронные доказательства – это отдельный вид доказательств и представляют собой «сведения о фактах или обстоятельствах, полученные *в электронно-цифровом виде*, содержащиеся на каком-либо устройстве, функционирование которого зависит от *программного обеспечения*, а также хранение и передача которых возможны в электронном виде *через компьютерную систему или через ее сеть» [3, с. 224]*.

В противовес данному мнению стоит отметить точку зрения А.Т. Боннера, который писал, что электронное доказательство создается с помощью специальных технических средств и в определенной машиночитаемой форме, поэтому его нельзя отнести к письменным доказательствам, при этом любой электронный документ можно преобразовать для доступного чтения как на электронном, так и на бумажном носителе [4, с. 497-502]. Иными словами, критерием отграничения, по мнению А.Т. Боннера, является не способ восприятия информации человеком, а способ её фиксации и создания. Однако это порождает практическую дилемму: электронное доказательство, будучи созданным в машиночитаемой форме, для целей судебного исследования может быть как использовано в электронном виде, так и преобразовано (по возможности) в бумажный вид. Распечатка страницы сайта, скриншот переписки, заверенная выписка из электронного журнала – всё это материальные объекты, которые суд воспринимает непосредственно, но их первоисточник остаётся электронно-цифровым.

Косвенным образом данная точка зрения подкрепляется подходом, отражённым в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5], согласно которому допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами. При этом является очевидным, что первоисточник информации подобных распечаток является электронно-цифровым по своей сути и, следовательно, оценивать такие доказательства наряду с традиционными является затруднительным. Сложность исследования таких доказательств состоит, прежде всего, в определении их достоверности и допустимости по понятным причинам [6, с. 175]:

1. потенциальная возможность изменить содержимое;
2. несвоевременное их обеспечение, а также отсутствие правового регулирования порядка
3. идентификация лица, подписавшего электронный документ;

4. интеллектуальный подлог;
5. потеря данных о месте и времени появления данных;
6. удаление информации на сайте;
7. нарушение конституционного права гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений при получении электронного доказательства
8. и прочее.

Как следствие правовой неопределенности, законодательно не установлены критерии, обеспечивающие допустимость и достоверность цифровых по своей природе доказательств. Как утверждает Иванова Е.В., «вполне очевидно, что это информация диффамационного характера, то есть она может быть видоизменена (опять же в условиях цифровых технологий) и не соответствовать действительности» [7, с.181]. В.А. Лаптев справедливо связывает развитие технологий искусственного интеллекта и возможность создания реалистичных цифровых подделок с необходимостью переоценки традиционных подходов к достоверности электронных доказательств [8, с. 180-186].

Исходя из смысла, закладываемого Пленумом Верховного суда РФ в Постановление [5], путем нотариального удостоверения обеспечиваются допустимость и достоверность; отсутствие такого удостоверения ставит под сомнение информацию. Вместе с тем, нельзя игнорировать тот факт, что, как отмечает Ткачева Н.Н., такой вид фиксации доказательств, как нотариальное удостоверение, является «дорогостоящим и не в полной мере отвечает принципу доступности правосудия» [9, с. 44-45]. И, более того, в рамках судебной практики зачастую признаются в качестве допустимых и достоверных электронные доказательства без нотариального удостоверения. Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции в определении от 29 августа 2024 года № 88-21123/2024 [10] не согласился с выводом нижестоящих судов, отказавшихся учитывать переписку в чате в связи с отсутствием нотариального удостоверения и исследования специалистом. Кассационный суд указал на отсутствие установленной законом обязательной нотариальной формы заверения электронной переписки и одновременно обратил внимание на положение работника как наиболее слабой стороны трудового отношения.

Как это следует из судебной практики, скриншоты как способ фиксации электронной информации, которая может быть удалена или видоизменена, являются одним из самых актуальных средств доказывания на текущий момент. Так, в Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.03.2025 N 88-4571/2025 [11] указано, что наряду с иными доказательствами были представлены скриншоты интернет-страницы сайта, где размещено объявление о предложении работы. Вместе с тем, достоверность информации, представленной в виде скриншотов или их распечаток, легко поставить под сомнение, в связи с чем является очевидной необходимость оценивать доказательства в совокупности.

Е. В. Иванова подчеркивает, что весомой проблемой также является само отсутствие законодательного определения понятия «скриншот», поскольку ни один процессуальный кодекс, ни ГПК РФ, ни УПК РФ, ни АПК РФ, до сих пор не содержит какого-либо упоминания о таком виде доказательства [7, с. 180]. В юридической доктрине вопрос того, что именно представляет собой скриншот, также является спорным. Так, например, А. Бычков под скриншотом предлагает понимать «изображение, полученное компьютером и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора или другого визуального устройства вывода (как правило, без курсора «мыши») в конкретный момент времени» [12]. В свою очередь Борисова В.Ф. утверждает, что скриншот - «многокомпонентное средство доказывания, имеющее неопределенную правовую природу» [13, с. 21], которое может содержать в себе аудиозапись, видеозапись, текст, фотографию, файл.

Однако проблема электронных доказательств в трудовых спорах не может быть сведена к вопросу о том, является ли допустимым то или иное электронное доказательство или требуется ли его нотариальное удостоверение. Например, в определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2024 года № 88-2951/2024 [14] судом были исследованы сведения системы доступа, которые подтверждали нахождение работника на территории работодателя за пределами установленного рабочего времени. Предполагается, что постепенная цифровизация повлечет за собой весомый массив новых цифровых доказательств, правовой статус которых не определен в настоящее время.

Таким образом, институт электронных доказательств в российском цивилистическом процессе находится в несформированном состоянии. Судебная практика уже фактически признаёт скриншоты, переписку в мессенджерах и данные систем контроля доступа в качестве средств доказывания, однако отсутствие легальных дефиниций и единых критериев допустимости и достоверности порождает противоречивые подходы и необходимость апелляционного и кассационного оспаривания. Представляется, что дальнейшее развитие должно идти не по пути тотального ужесточения требований (в частности, обязательного нотариального удостоверения), а по пути законодательного закрепления понятия электронного доказательства, способов его фиксации и критериев оценки, дифференцированных в зависимости от категории спора. Особую актуальность это приобретает в трудовых спорах, где работник традиционно выступает слабой стороной. Только такой подход позволит обеспечить баланс между технологической реальностью и принципом доступности правосудия.

Список источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) – Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 16.10.2026).

2. Вершинин, А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде : учебно-практическое пособие / А. П. Вершинин ; под редакцией А. П. Вершинина. – Москва : Городец, 2000. – 247 с.

3. Затеева, Д. А. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве в эпоху цифровизации правосудия: теоретические и практические аспекты / Д. А. Затеева. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 4 (153). – С. 219–225.

4. Боннер, А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А. Т. Боннер. – Москва : Проспект, 2015. – 611 с.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». – Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 16.10.2026).

6. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии : коллективная монография / под редакцией И. В. Воронцовой. – Казань : Отечество, 2020. – 415 с.

7. Иванова, Е. В. Скриншот – цифровая возможность в процессе доказывания: проблемные аспекты / Е. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 12 (180). – С. 180–182.

8. Лаптев, В. А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия / В. А. Лаптев. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 11. – С. 180–186.

9. Ткачева, Н. Н. Вопросы допустимости использования в исковом производстве современного доказательства «Скриншот» / Н. Н. Ткачева. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – № 3. – С. 42–46.

10. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.08.2024 по делу № 88-21123/2024. – Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=152102#ng4K6YVesiMsu2dB (дата обращения: 16.10.2026).

11. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.03.2025 № 88-4571/2025. – Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=140996#T3OK6YV86v45fC8t (дата обращения: 16.10.2026).

12. Бычков, А. Скриншот: практика правоприменения / А. Бычков. – Текст : электронный // Юридический справочник руководителя. – 2011. – № 11. – URL: https://delo-press.ru/journals/law/protsessualnye-aspekty/38192-skrinshot-praktika-pravoprimeneniya/ (дата обращения: 16.10.2026).

13. Борисова, В. Ф. Скриншот переписки как доказательство в гражданском судопроизводстве / В. Ф. Борисова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы развития цивилистического процесса : материалы V Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, практикующих юристов, аспирантов и магистрантов, Ростов-на-Дону, 18 апреля 2022 года. – Ростов-на-Дону : Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2022. – С. 21–27.

14. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2024 № 88-2951/2024 по делу № 2-886/2023. – Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=133333#KjgK6YV1rX05LQP6 (дата обращения: 16.10.2026).

УДК 347.9

О ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

БАРЛЕТОВА МАРИЯ ДМИТРИЕВНА
студентка 3 курса факультета непрерывного образования очной формы обучения
РФ РГУП им. В.М. Лебедева
г. Ростов-на-Дону, Россия,
КОСТРЮКОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ
аспирант 3 курса, ассистент кафедры процессуального права
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Ростов-на-Дону, Россия

Научный руководитель: Федоренко Наталья Владимировна
д.с.н., к.ю.н., профессор кафедры, судья в отставке
РФ РГУП им. В.М. Лебедева

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы изменения принципов гражданского процессуального права под влиянием современных реалий. Авторы анализируют отказ законодателя от принципа непрерывности судебного разбирательства, а также соотношение процессуальной экономии с гарантиями качественной судебной защиты. Отдельное внимание уделяется влиянию цифровизации на принцип процессуального равноправия сторон. Делается вывод о том, что реформирование процессуальных начал должно быть сбалансированным: стремление к ускорению судопроизводства не должно приводить к снижению уровня защиты нарушенных прав.
Ключевые слова: принципы гражданского процесса, непрерывность судебного разбирательства, процессуальная экономия, состязательность, цифровизация правосудия.

ON ISSUES RELATED TO THE DEVELOPMENT OF THE PRINCIPLES OF CIVIL PROCEEDINGS

Barletova Maria Dmitrievna,
Kostryukov Alexey Sergeevich

Scientific adviser: Fedorenko Natalya Vladimirovna

Abstract: The article examines the issues of changing the principles of civil procedural law under the influence of modern realities. The authors analyze the legislator's abandonment of the principle of the continuity of court proceedings, as well as the relationship between procedural economy and guarantees of high-quality judicial protection. Special attention is paid to the impact of digitalization on the principle of procedural equality of the parties. It is concluded that the reform of procedural principles should be balanced: the aspiration to speed up legal proceedings should not lead to a reduction in the level of protection of violated rights.
Keywords: principles of civil procedure, continuity of court proceedings, procedural economy, adversarial nature, digitalization of justice.

Принципы гражданского процессуального права традиционно рассматриваются в доктрине как фундаментальные основы, определяющие не только содержание отдельных норм, но и вектор развития всей отрасли. Вместе с тем, как справедливо отмечается в специальной литературе, принципы не

являются статичной конструкцией [1, с. 90-92]. Они объективно обусловлены характером общественных отношений и неизбежно изменяются в процессе исторического развития. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть вопрос о том, каким образом современные реалии, связанные с высокой нагрузкой на судебную систему и внедрением информационных технологий, влияют на содержание традиционных процессуальных начал.

Одним из наиболее дискуссионных и показательных примеров трансформации системы принципов стало исключение из гражданского процессуального законодательства принципа непрерывности судебного разбирательства. Долгое время данное начало рассматривалось как незыблемое, обеспечивающее целостность восприятия судом всех обстоятельств дела [2, с. 55-56]. Однако Федеральным законом от 29.07.2017 № 260-ФЗ [3] положения ч. 3 ст. 157 ГПК РФ [4] были скорректированы. Теперь суд получил возможность в период перерыва рассматривать другие дела, что на практике означает отказ от классического понимания непрерывности [5].

С одной стороны, подобное изменение продиктовано сугубо практическими соображениями. Загруженность судов общей юрисдикции в настоящее время достигла такого уровня, при котором соблюдение абсолютной непрерывности процесса становилось затруднительным. В этой связи законодатель предпринял шаг в сторону сближения гражданского процесса с арбитражным и административным судопроизводством, где аналогичный принцип не применяется. С другой стороны, возникает закономерный вопрос о том, не влечет ли подобная оптимизация снижение качества правосудия. Как отмечают исследователи, судья, вынужденный вести несколько процессов параллельно, рискует утратить концентрацию на существе конкретного спора, что может отразиться на полноте исследования доказательств [6, с. 15].

В этом контексте особую значимость приобретает вопрос о соотношении принципа процессуальной экономии с иными началами процесса. Процессуальная экономия, признанная Конституционным Судом РФ в качестве принципа гражданского процессуального права, предполагает достижение необходимого результата при минимуме затрат труда и средств. Однако стремление к быстроте и экономичности судопроизводства не может быть главным ориентиром. Еще дореволюционные процессуалисты отмечали, что быстрое, но неправильное разрешение дела не представляет для граждан той ценности, ради которой они обращаются в суд. Таким образом, оптимизация процедуры должна иметь разумные пределы, иначе она начинает противоречить базовым гарантиям.

Не менее важным представляется и влияние цифровизации на содержание принципов. Внедрение электронных сервисов, подача документов в цифровом виде и проведение заседаний с использованием систем веб-конференции расширяют границы доступности правосудия. Вместе с тем цифровые инновации ставят перед доктриной новые вопросы. В частности, исследователи обращают внимание на то, что принцип процессуального равноправия сторон в условиях цифровой среды приобретает дополнительное измерение. Речь идет о информационном равенстве, когда стороны должны обладать не только равными процессуальными правами, но и сопоставимыми техническими возможностями для их реализации. В условиях, когда один из участников процесса не имеет стабильного доступа к сети Интернет, фактическое равенство может быть поставлено под сомнение.

Подводя итог, стоит отметить, что развитие принципов гражданского процесса представляет собой сложный и нелинейный процесс. С одной стороны, трансформация процессуальных начал во многом объясняется вызовами современности, связанными с необходимостью повышения эффективности судебной системы. С другой стороны, любые изменения должны проходить проверку на соответствие целям правосудия, закрепленным в ст. 2 ГПК РФ. Совершенствовать законодательство в данной сфере следует взвешено – иначе за стремлением к экономии можно потерять главное: реальную защиту нарушенных прав.

Список источников

1. Воронов, А. Ф. «Не могу поступаться принципами» / А. Ф. Воронов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 12 (88). – С. 90–97.

2. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушникова. – Москва: Статут, 2020. – 464 с.
3. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 № 260-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (ч. I). – Ст. 4809.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
5. Шерстюк, В. М. Тенденции развития принципов гражданского процессуального права / В. М. Шерстюк // Законодательство. – 2019. – № 2. – С. 56–64.
6. Туманов, Д. А. «Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия» / Д. А. Туманов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 9. – С. 13–20.

УДК 347

ИНСТИТУТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОТЕРЬ КАК ДИСПОЗИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РИСКОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

ЗАБАВСКИЙ ВЛАДИСЛАВ ДМИТРИЕВИЧ
магистрант
Юридический институт
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля»

Аннотация: В статье рассматривается правовая природа института возмещения потерь, предусмотренного ст. 406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Анализируются его диспозитивный характер, отличие от возмещения убытков и неустойки, а также значение договорного распределения рисков. Отдельное внимание уделяется проблемам правовой идентификации соглашений о возмещении потерь и возможным направлениям совершенствования законодательства.
Ключевые слова: возмещение потерь, статья 406.1 ГК РФ, диспозитивность, договорное распределение рисков, убытки, гражданско-правовая ответственность, неустойка.

THE INSTITUTION OF LOSS COMPENSATION AS A DISPOSITIVE MECHANISM FOR RISK ALLOCATION: ISSUES OF LEGAL IDENTIFICATION

Zabavskii Vladislav Dmitrievich

Abstract. This article examines the legal nature of the institution of compensation for losses provided for in Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation. It analyzes its dispositive nature, its distinction from compensation for damages and liquidated damages, as well as the significance of the contractual allocation of risks. Particular attention is paid to the challenges of legally identifying agreements on compensation for losses and possible avenues for improving the legislation.
Keywords: compensation for losses, Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation, dispositive nature, contractual allocation of risks, damages, civil liability, liquidated damages.

Введение в российское гражданское законодательство ст. 406.1 Гражданского кодекса РФ [1] ознаменовало собой легализацию специфического инструмента, заимствованного из англо-американской правовой семьи — института indemnity. Данная норма предоставила участникам коммерческого оборота возможность гибко распределять потенциальные имущественные потери, не связанные с нарушением обязательств стороной. Как отмечает И. В. Климов, генезис данного института в отечественном праве был обусловлен необходимостью адаптации гражданского оборота к международным стандартам структурирования сделок [2, с. 101]. Однако, несмотря на десятилетний опыт применения, проблемы правовой идентификации этого института и его отграничения от классической гражданско-правовой ответственности остаются дискуссионными в современной цивилистике.

Юридическая природа института возмещения потерь раскрывается через его внеделиктный характер, что коренным образом отличает данную конструкцию от классической гражданско-правовой

ответственности. Согласно п. 1 ст. 406.1 ГК РФ, участники предпринимательского оборота вправе включить в договор условие об обязанности одной стороны компенсировать имущественные потери другой стороны, вызванные наступлением заранее определённых обстоятельств. Сущность данного механизма базируется на трёх фундаментальных признаках. Во-первых, это высокая степень диспозитивности — стороны обладают исключительным правом самостоятельно определять как перечень триггерных событий, так и предельный размер подлежащего выплате возмещения. Во-вторых, обязательство по компенсации характеризуется автономностью от факта правонарушения — выплаты производятся даже при условии правомерного поведения обязанной стороны. Наконец, основной особенностью является отказ от принципа вины. Поскольку данный институт представляет собой инструмент договорного распределения коммерческих рисков, а не меру государственного принуждения, установление виновности субъекта не требуется для реализации соглашения. А. А. Хантимирова указывает, что ключевым смыслом данной нормы является создание автономного от нарушения обязательств механизма денежного выравнивания интересов сторон [3, с. 15].

Центральной проблемой правоприменения выступает разграничение правовой природы «потерь» (indemnity) и классических «убытков» (damages), поскольку их смешение ведёт к необоснованному сужению диспозитивности договора. В отличие от убытков, регулируемых ст. 15 и 393 ГК РФ, механизм возмещения потерь по ст. 406.1 ГК РФ не предполагает необходимости доказывания полного состава правонарушения, включая вину и противоправность действий контрагента. Обязательство по выплате возмещения может быть обусловлено внешними факторами, такими как решения государственных органов (например, налоговые доначисления) или претензии третьих лиц, что переводит дискуссию из плоскости деликта в плоскость управления коммерческими рисками.

Специфика данного института также проявляется в заранее определённом характере компенсации. Согласно п. 2 ст. 406.1 ГК РФ, согласованный сторонами размер возмещения обладает высокой степенью устойчивости — суд вправе уменьшить его лишь в исключительных случаях, если будет доказано, что сторона умышленно содействовала увеличению размера потерь.

Несмотря на разъяснения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7, квалифицирующего данный институт как средство обеспечения предпринимательских рисков, в судебной практике сохраняется инерционный подход [4, п. 15]. Зачастую суды ошибочно требуют от истца подтверждения сложной причинно-следственной связи, характерной для классической гражданской ответственности, что фактически девальвирует автономную сущность возмещения потерь и препятствует эффективному распределению рисков между субъектами бизнеса.

Сегодня институт возмещения потерь активно применяется в сложных коммерческих сделках, включая сделки слияния и поглощения, акционерные соглашения и трансграничные контракты. Основными стимулами для применения этого механизма выступают внешние риски: налоговые претензии за прошлые периоды, требования третьих лиц к объекту сделки и резкие изменения законодательства, затрудняющие выполнение договорных обязательств.

Ключевой особенностью института возмещения потерь является его юридическая автономность, закреплённая в п. 3 ст. 406.1 ГК РФ. Согласно этой норме, соглашение сохраняет силу даже при прекращении или недействительности основного обязательства, если иное не предусмотрено сторонами. Такая независимость подтверждает природу indemnity как квазистрахового механизма и самостоятельной гарантии, обеспечивающей защиту имущественных интересов сторон вне зависимости от судьбы основного договора.

Одной из проблем идентификации остаётся риск смешения возмещения потерь по ст. 406.1 ГК РФ с неустойкой по ст. 330 ГК РФ. Если судом будет установлено, что под видом «возмещения потерь» стороны фактически согласовали штраф за нарушение договора, такое условие будет квалифицировано как неустойка, что повлечёт возможность её снижения по правилам ст. 333 ГК РФ.

Для идентификации возмещения потерь по ст. 406.1 ГК РФ судебная практика выделяет два основных критерия — специфический субъектный состав (преимущественно лица, ведущие бизнес) и конкретность обстоятельств. Последние не могут быть связаны с простым нарушением договора контрагентом, что позволяет отграничить данный инструмент от мер ответственности.

Таким образом, институт возмещения потерь представляет собой эффективный диспозитивный механизм, позволяющий сторонам выйти за рамки классической дихотомии «правонарушение — наказание» и перейти к модели «событие — компенсация». Проблемы правовой идентификации данного института во многом связаны с инерцией правосознания, тяготеющего к виновной ответственности.

Дальнейшее развитие института возмещения потерь требует закрепления презумпции действительности таких соглашений, что позволит рассматривать их не как попытку обхода норм об ответственности, а как легитимное проявление автономии воли и эффективный инструмент управления рисками в бизнесе. Для реализации этого вектора развития необходимы следующие законодательные изменения:

- внесение дополнений в ст. 406.1 ГК РФ, прямо перечисляющих примерный перечень внешних обстоятельств (налоговые риски, изменения в лицензировании, санкционные ограничения), чтобы исключить расширительное толкование потерь как скрытой неустойки;

- закрепление на уровне постановления Пленума ВС РФ запрета на снижение размера возмещения по аналогии со ст. 333 ГК РФ, за исключением случаев доказанного злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ);

- установление правила, согласно которому для выплаты по ст. 406.1 ГК РФ достаточно факта наступления обстоятельства и документально подтвержденных затрат, без необходимости доказывания вины или противоправности, что характерно для ст. 393 ГК РФ;

- нормативное закрепление «выживаемости» соглашения о возмещении потерь даже в случае признания основного договора незаключенным, что обеспечит стабильность гарантий для инвесторов.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 25.10.2026).

2. Климов И. В. Возмещение потерь в российском праве: история развития, сущность и цели // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 2. С. 101–121. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-2-klimov.

3. Хантимирова А. А. Принцип точной защиты в контексте возмещения потерь на основании ст. 406.1 ГК РФ // Вестник арбитражной практики. 2023. № 6. С. 12–18.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 25.10.2026).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УДК 340

ВИДЫ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

ВОРОБЬЕВА ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА
магистрант
Тульский институт (филиал)
ФВГУЮ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Научный руководитель: Гавриков Владимир Алексеевич
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
Тульский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы видов вреда, причиненных преступлением. Анализируются основные виды вреда, причиненные преступлением: имущественный, физический и моральный. Подчёркивается, что несмотря на разграничения вреда на виды, причиненного преступлением, его рассмотрение носит комплексный характер, что имеет огромное значение в уголовном судопроизводстве РФ.
Ключевые слова: вред, причинение вреда, преступление, имущественный вред, физический вред, моральный вред, компенсация.

TYPES OF HARM CAUSED BY A CRIME

Vorobyeva Yulia Mikhailovna

Scientific adviser: Gavrikov Vladimir Alekseevich

Abstract: The article examines the various types of harm caused by a crime. It analyzes the primary categories of such harm: property, physical, and moral. The author emphasizes that, despite the classification of harm into distinct types, the assessment of harm is comprehensive in nature—a factor of immense importance in the criminal justice system of the Russian Federation.
Keywords: harm, infliction of harm, crime, property harm, physical harm, moral harm, compensation.

Совершение преступления затрагивает не только интересы государства и общества, но прежде всего права и законные интересы конкретных лиц. В результате преступного посягательства потерпевшему может быть причинен ущерб имуществу, нанесен вред жизни или здоровью, нарушены личные неимущественные права, а также причинены физические и нравственные страдания. Поэтому вопрос о видах вреда, причиненного преступлением, имеет существенное значение как для теории права, так и для практики расследования.

Причинение физического, имущественного и морального вреда, как вытекает из уголовно-процессуального законодательства РФ, признает лиц, которым они причинены, потерпевшими.

Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что вред может быть причинен не только непосредственно преступлением, но и запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом, например, в состоянии невменяемости. [1]

Актуальность исследования обусловлена тем, что характер причиненного вреда влияет на объем

прав потерпевшего, содержание предъявляемых требований о компенсации и способы восстановления нарушенных прав. Кроме того, последствия одного преступления нередко имеют комплексный характер.

Например, в результате нападения лицо может понести расходы на лечение, утратить доход, лишиться имущества и одновременно испытывать физические и нравственные страдания.

В юридической литературе принято выделять имущественный, физический и моральный вред в качестве основных видов вреда, причиненных преступлением.

Говоря об имущественном вреде, для более конкретного изучения данного понятия, его необходимо разделить на:

- вред, причиненный имуществу физического лица;
- вред, причинный имуществу юридического лица.

Как указано в юридической литературе, вред может выражаться в виде утраты, повреждения, уничтожения имущества. [2, с. 125]

На практике приходится сталкиваться с такой проблемой, как невозможность вернуть имущество потерпевшему, например, в результате его безвозвратной или частичной утраты, повреждения. В данном случае приходится прибегать к возмещению убытков, то есть, в пользу потерпевшей стороны взыскивается стоимость имущества, которое не удалось вернуть. Здесь очень важно определить стоимость вреда, причиненного преступлением, чтобы не произошло ущемление прав.

Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», чтобы определить размер похищенного имущества, необходимо исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления.

При отсутствии сведений о цене, стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов. [3]

При определении размера имущественного вреда всегда важно учитывать конкретные последствия преступления. Нельзя, при рассмотрении данного вопроса, ограничиваться только стоимостью утраченного имущества.

На практике также используется добровольное возмещение причиненного ущерба, которое учитывается судом в качестве смягчающего обстоятельства, но не является гарантом освобождения от уголовной ответственности.

Физический вред представляет собой вред жизни и здоровью человека, характеризуется качественным и количественным признаками. [4, с. 281]

Качество определяется следующими признаками: телесное нарушение, нарушение системы или органов; причина воздействия; последствия повреждения; длительность нарушения.

Качественные признаки в уголовном судопроизводстве используются для квалификации вреда, а квалификация вреда отражает уже его количественную характеристику (тяжкий, средней тяжести, лёгкий вред).

Лишение человека жизни — это наиболее существенная, фундаментальная форма вреда с точки зрения права и общественной опасности. Однако, данную форму вреда, также необходимо рассматривать, учитывая все обстоятельства произошедшего (умышленность или неосторожность, например).

Очевидно, что физический вред нельзя возместить натуральным образом. Если человек лишился какого-либо органа или произошла утрата его функций, вернуть ему его или восстановить его работу практически невозможно. А если и возможно, то в любом случае, пострадавший уже не вернет свое здоровье к первоначальному уровню. Человека, которого лишили жизни, уже невозможно вернуть. Для таких случаев законодательством РФ предусмотрена компенсация.

Таким образом, первоначальное преступное посягательство на здоровье может порождать дополнительные имущественные последствия, подлежащие учёту при квалификации деяния и определении объёма возмещения вреда.

В уголовном праве моральный вред — это нравственные (психические) и физические страдания, которые перенёс потерпевший в результате преступления (утрата близкого человека; разглашение врачебной тайны; оскорбление; незаконное уголовное преследование; физическая боль, как результат нравственного страдания).

Моральный вред нельзя вычислить арифметически: компенсация призвана максимально восстановить нарушенные права. Нередко моральный вред сопутствует иному вреду (например, при возникновении материальных расходов, физических страданиях).

Таким образом, разграничение видов вреда нужно, чтобы верно определить объём нарушенных прав.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 (ред. от 16.05.2017) О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // КонсультантПлюс : официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2026).

2. Самойлова, Ж.В. Возмещение имущественного вреда потерпевшему от преступления в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 3 (122). — С. 125.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 16.06.2026) О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое // КонсультантПлюс : официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2026).

4. Овчаров В.В. Понятие физического вреда, причиненного преступлением // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств : проблемы и перспективы развития : сб. материалов международной науч.-практ. конф. —Санкт-Петербург. — 2021. — С. 281

5. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15.11.2022 г. № 33 // КонсультантПлюс : официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2026).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 N 23 "О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу// КонсультантПлюс : официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2026).

УДК 340

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

ВОРОБЬЕВА ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА
магистрант
Тульский институт (филиал)
ФВГУЮ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Научный руководитель: Гавриков Владимир Алексеевич
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
Тульский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Аннотация: данная статья посвящена исследованию видов ущерба, причиненного преступлениями, с акцентом на их классификацию. В статье прослеживается причинная связь между преступлением и потерями, а также роль юридических норм в оценке и компенсации ущерба.
Ключевые слова: виды ущерба, преступления, потери, компенсация ущерба, уголовное судопроизводство.

CLASSIFICATION OF TYPES OF DAMAGE CAUSED BY A CRIME

Vorobyeva Yulia Mikhailovna

Scientific adviser: Gavrikov Vladimir Alekseevich

Abstract: This article is devoted to the study of types of damage caused by crimes, with an emphasis on their classification. The article traces the causal relationship between crime and losses, as well as the role of legal norms in the assessment and compensation of damages.
Keywords: types of damage, crimes, losses, compensation for damage, criminal proceedings.

Преступления являются значимой проблемой для современного общества, они наносят серьезный ущерб не только отдельным гражданам, но и государству в целом.

Для восстановления справедливости, при оценке преступления, необходимо тщательно исследовать виды ущерба, так как данный момент является важным в борьбе с преступностью.

Каждое преступление оставляет свой след с вытекающими из него последствиями и, соответственно, порождает различные формы ущерба.

Соотношение понятий "ущерб", "вред", "убытки" является дискуссионным, поскольку их четкое законодательное разделение отсутствует. [1]

Наиболее частой формой выражения материального (имущественного) вреда в гражданских правоотношениях являются убытки, которые включают в себя и ущерб. [2]

Рассматривая, имущественный вред, необходимо обратить внимание на реальный ущерб, который хоть и вытекает из гражданского права, но фактически совпадает с такими понятиями в уголовном праве как "ущерб", "материальный ущерб".

Реальный ущерб всегда предполагает определенные имущественные потери, а ущерб, в широком понимании этого слова, предполагает любые неблагоприятные последствия (например, умаление

охраняемого законом блага, как имущественного, так и неимущественного).

Ущерб, причиненный преступлениями, обычно классифицируют следующим образом:

1. По характеру вреда на виды:

· Материальный ущерб. Ущерб, причиненный имуществу, материальным благам (например, кража, мошенничество, грабеж). Выражается в денежной сумме.

· Нематериальный ущерб. Ущерб, последствия которого нельзя точно определить в денежном эквиваленте (например, психоэмоциональные переживания; страдания; боль, вызванная преступлением). Выражается в физических или нравственных страданиях.

2. По объекту преступления:

2.1. ущерб личности. Связан с нарушением охраняемых законом прав и свобод человека, неблагоприятными изменениями в его физического, психического или социального состояния:

-физический вред (телесные повреждения, расстройство здоровья);

-психический вред (нравственные или физические страдания, унижение, чувство ущербности).

2.2 ущерб собственности. Связан с потерей или повреждением имущества (хищение, уничтожение или повреждение имущества).

3. По степени тяжести вреда:

Значительный ущерб. Это существенное ухудшение экономического положения потерпевшего, которое не позволяет обеспечивать его жизнедеятельность на прежнем уровне. Определяется с учётом имущественного положения гражданина, но не может составлять менее 5 000 рублей. Исключение — часть 5 статьи 159 УК РФ, где значительным признаётся ущерб в сумме не менее 250 000 рублей. [3]

·Крупный размер. Это стоимость имущества, утраченного в результате преступления, которая позволяет отграничить преступления с существенным вредом. Для каждого вида преступления законом определяются свои пороги (например, для преступлений против собственности (кража, грабёж, разбой) по общему правилу (примечание 4 к ст. 158 УК РФ) крупным размером признаётся стоимость имущества, превышающая 250 000 рублей). [3]

Особо крупный размер. Это ущерб, превышающий установленный законом предел. Конкретные суммы зависят от вида преступления. Например, для экономических преступлений по ст. 199 УК РФ особо крупный размер для организации составил свыше 56,25 млн. рублей за 3 финансовых года подряд. [3]

Классификация видов ущерба, причиненного преступлением, помогает определить способы возмещения ущерба, отграничить преступление от административного правонарушения (с учётом степени общественной опасности, выраженной в размере причинённого вреда).

Она оказывает влияние на квалификацию деяния и строгость наказания, позволяет решить вопрос о порядке и размере возмещения.

Необходимость классификации видов ущерба, причиненного преступлением, вызвана прежде всего, четкостью определения предмета требований (материальный (утрата или порча имущества), нематериальный (вред жизни и здоровью, страдания)); выработкой единого подхода к доказыванию (например, оценки имущества, оценки физического состояния потерпевшего, его морального состояния); обеспечением единообразия в правоприменении участниками процесса (следователем, прокурором, судьей).

Классификация ущерба, причиненного преступлениями, играет ключевую роль в понимании механизмов его воздействия на личность и общество в целом.

Знание различных видов ущерба помогает не только в правоприменении, но и в разработке эффективных методов защиты прав и интересов жертв преступлений.

Таким образом, руководствуясь в работе единой классификацией видов ущерба, причиненного преступлением, окончательные решения получаются предсказуемыми и справедливыми.

Список источников

1. Аракелян, А.А. Оценочные понятия гражданского права: исторический опыт становления и

использования // Актуальные проблемы российского права. – 2022. - № 2 // КонсультантПлюс : официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2026).

2. Михайлова, Е.В. О порядке взыскания имущественного ущерба, причиненного государству совершением преступления // Уголовное судопроизводство. – 2025. - № 4 // КонсультантПлюс : официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2026).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // КонсультантПлюс : официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.09.2026).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс : официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.08.2026).

5. Мартыненко, Н.Э. Понятия "вред" и "ущерб" и их уголовно-правовая оценка // Труды. Академии управления МВД России. – 2020 - № 2.

УДК 346.26:342.92

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ДЖИОШВИЛИ ГУРАМ ИВАНОВИЧ
студент 5-го курса
Дальневосточного института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Хабаровске
ПЫНЬКО ЛЮСЬЕНА ЕВГЕНЬЕВНА
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Дальневосточного института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
в г. Хабаровске

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы связанные с применением мер административной ответственности за правонарушения в области предпринимательства. Представлена структура и содержание составов административных правонарушений, закрепленных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Актуализированы практические проблемы соразмерности и дифференциации административных наказаний субъектов предпринимательской деятельности.
Ключевые слова. Административная ответственность, законодательство, предпринимательство, правонарушение, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, штраф, предупреждение, субъект малого предпринимательства

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR OFFENSES IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Djioshvili Guram Ivanovich,
Pynko Luciena Evgenievna

Abstract. The article examines issues related to the application of administrative liability measures for offenses in the field of entrepreneurship. It presents the structure and content of the elements of administrative offenses established in the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. The practical problems of the proportionality and differentiation of administrative penalties for business entities are brought to the fore.
Keywords. Administrative liability, legislation, entrepreneurship, offense, the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, fine, warning, small business entity.

Введение.

Предпринимательство - один из ключевых элементов экономики России, и от того, насколько чётко выстроены рамки его правового регулирования, во многом зависит состояние рынка в целом. Статистика контрольных органов показывает, что ежегодно фиксируются десятки тысяч фактов работы без регистрации, без лицензии, с нарушениями в торговле, ценообразовании, сфере услуг [1]. Государство реагирует на такие нарушения в первую очередь через административную ответственность. Это проще, чем уголовное преследование, и не требует, чтобы потерпевший сам инициировал разбирательство. При этом нормы главы 14 КоАП РФ очень детализированы и местами пересекаются с налоговым,

гражданским и антимонопольным законодательством. Это создаёт сложности при правоприменении и, как отмечают исследователи, снижает правовую определённость для самих предпринимателей.

Основная часть. Юридическая ответственность в современном российском праве понимается как обязанность лица претерпевать неблагоприятные последствия противоправного поведения, установленные санкцией нормы и реализуемые компетентными органами в установленном законом порядке. [2, с. 171].

Предпринимательская деятельность как объект административно-правовой охраны - это комплекс разнородных общественных отношений. Сюда входит легитимация субъекта через государственную регистрацию и лицензирование, защита прав потребителей и требований к качеству товаров и услуг, а также поддержание добросовестной конкурентной среды. Каждое из этих направлений охраняется собственной группой норм, обладающих специфическими особенностями объективной и субъективной стороны

Административно-правовая охрана предпринимательской деятельности носит двусторонний характер. С одной стороны, государство обязано создавать условия для свободного занятия предпринимательством, не допуская избыточного вмешательства контролирующих органов в хозяйственную деятельность добросовестных субъектов. С другой стороны, именно на государство возложена обязанность обеспечивать защиту прав потребителей, добросовестную конкуренцию, финансовую и налоговую дисциплину, безопасность производимой продукции, а также предотвращать деятельность, осуществляемую в обход установленных законом процедур регистрации и лицензирования. Реализация этой второй составляющей и образует содержание административно-правовой охраны предпринимательства, инструментом которой служит, в частности, глава 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195- ФЗ4, полностью посвящённая правонарушениям в данной области [3].

Состав административного правонарушения в предпринимательской сфере внешне похож на общие правила административной ответственности, но имеет свои отраслевые особенности. Главные из них - формальный характер большинства составов, особый статус индивидуального предпринимателя и специальный порядок установления вины юридических лиц. Понимание этих особенностей необходимо как для органов, осуществляющих привлечение к ответственности, так и для самих предпринимателей, стремящихся минимизировать правовые риски своей деятельности.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, ежегодно суды общей юрисдикции и арбитражные суды рассматривают несколько сотен тысяч дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 КоАП РФ. Более 30% из них связаны с осуществлением предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения [4].

На рис. 1 обобщены основные группы административных правонарушений, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, применительно к объекту посягательства.

Представленная группировка показывает, что глава 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях охраняет не одно, а сразу несколько разнородных по своей природе общественных отношений, объединённых лишь общим субъектным составом нарушителей - участников предпринимательской деятельности.

Привлечение предпринимателя к административной ответственности осуществляется в рамках производства по делам об административных правонарушениях, регламентированного разделом четвёртым Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5].

Полномочия по привлечению к административной ответственности распределены между ФНС, Роспотребнадзором, ФАС и МВД, из-за чего предпринимателям приходится соблюдать множество разнородных требований.

Возбуждение дела применительно к рассматриваемой категории нарушений происходит, как правило, по результатам проведения контрольного мероприятия - плановой или внеплановой проверки, контрольной закупки, рейдового осмотра либо иного предусмотренного законом способа контроля, а поводом для возбуждения может служить также непосредственное обнаружение должностным лицом

признаков правонарушения, поступившее сообщение или заявление от граждан либо организаций, а также материалы, направленные из иных государственных органов [6].

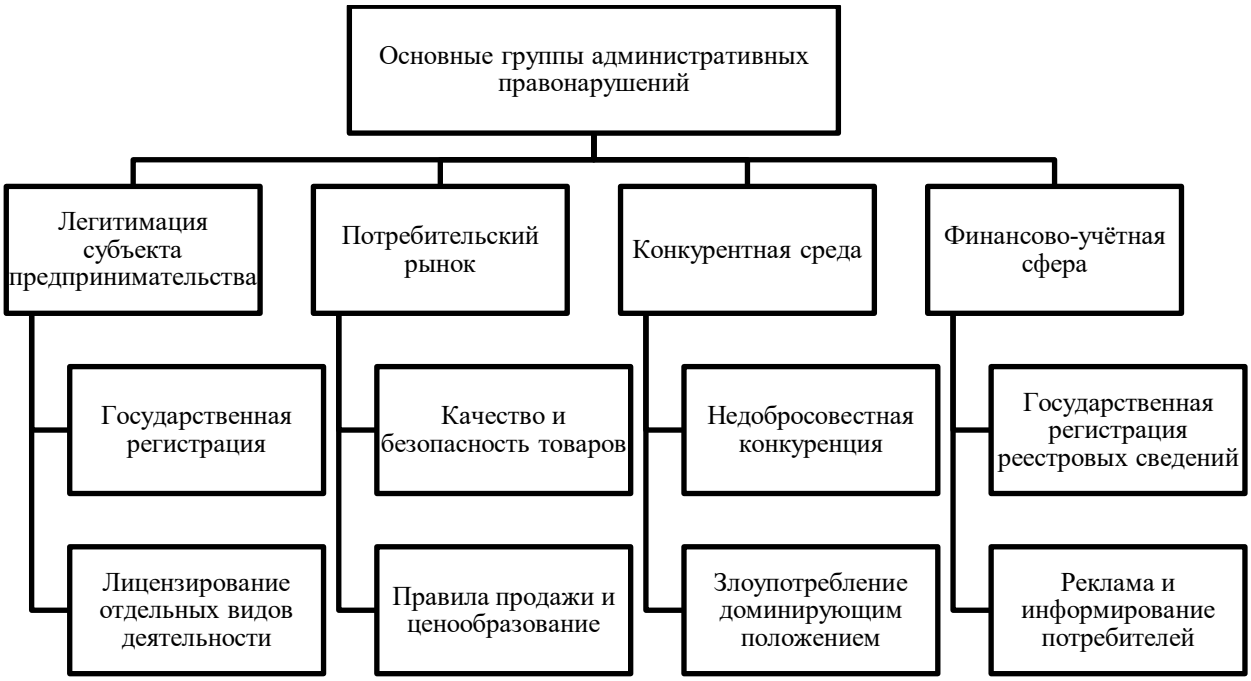

*Схема составлена автором

Рис. 1. Группы административных правонарушений в сфере предпринимательства по объекту посягательства

При этом соблюдение процессуальных гарантий, установленных законом о защите прав юридических лиц и КоАП РФ, имеет критическое значение для законности и обоснованности применяемых мер принуждения.

Можно выделить несколько факторов, которые снижают соразмерность и предсказуемость административной ответственности в области предпринимательской деятельности:

– формальный характер большинства составов, при котором реальные последствия нарушения для потребителей и иных участников оборота не учитываются;

– большой разрыв между минимальным и максимальным штрафом без чётких законодательных критериев индивидуализации;

– нечёткие условия применения предупреждения вместо штрафа для субъектов МСП;

– разные сроки давности по отдельным категориям дел, что затрудняет для предпринимателя прогнозирование правовых последствий [7].

Совершенствование правового регулирования административной ответственности в области предпринимательской деятельности, в первую очередь должны быть направлены на систематизацию главы 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях по объекту посягательства, расширение практики применения предупреждения вместо штрафа для субъектов малого предпринимательства, унификацию сроков давности привлечения к ответственности по однородным составам, а также развитие профилактических цифровых инструментов, способных сократить долю формальных, совершённых по неосторожности правонарушений.

Заключение. Административная ответственность в области предпринимательства – это специфический вид публично-правового принуждения со своим субъектным составом и формальным характером большинства составов. Отечественная и зарубежная доктрина сходятся в том, что её главными функциями являются регуляторная и превентивная, направленные на поддержание правопорядка на рынке.

Список источников

1. Официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ о рассмотрении дел об административных правонарушениях за 2025 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.cdep.ru (25.09.2026).
2. Осинцев, Д.В. Административная ответственность. – 5-е изд., испр. и доп. Учебник для вузов / Д.В. Осинцев. – Москва : Юрайт, 2023. – 424 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 29.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/ (25.09.2026)
4. Официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ о рассмотрении дел об административных правонарушениях за 2025 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.cdep.ru (25.09.2026).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 29.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/ (25.09.2026)
6. Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях в сфере предпринимательской деятельности (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.12.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-rf-razyasnil-privlechenie-predprinimateley-k-administrativnoy-otvetstvennosti/ (25.09.2026).
7. Правовая ответственность предпринимателей: актуальные проблемы и решения: монография / под ред. Захаровой А.Э. - Оренбург, Издательстве PRO офис, 2024. - 143 с.

УДК 369.032.004

ФОРМИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

БАТУХТИНА КСЕНИЯ ИВАНОВНА
студентка 5-го курса
Дальневосточного института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Хабаровске
ПЫНЬКО ЛЮСЬЕНА ЕВГЕНЬЕВНА
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры государственно - правовых дисциплин
Дальневосточного института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
в г. Хабаровске

Аннотация. В статье рассматриваются правовые вопросы, связанные с использованием государственными органами информационно-коммуникационных технологий. Объем обрабатываемой информации значительно возрос в результате повсеместной информатизации многих сфер жизни общества и их экономической деятельности, создания и применения современных устройств передачи данных и развития компьютерных сетей. В результате современное общество теперь называют информационным обществом. Уровень информированности в обществе быстро растет. В Российской Федерации информатизация деятельности органов государственной власти является как основным путем обновления всей системы государственного управления, так и существенным и важным этапом в развитии информационного общества.
Ключевые слова. Информационное пространство, органы публичной власти, публичное управление, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, информационные системы, электронный документооборот, межведомственное взаимодействие, информационная безопасность.

FORMATION AND USE OF INFORMATION SPACE IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITIES

Batukhtina Ksenia Ivanovna,
Pynko Lyusena Evgenievna

Abstract. The article discusses the legal issues related to the use of information and communication technologies by government agencies. The volume of information processed has increased significantly because of the widespread informatization of many areas of society and their economic activities, the creation and use of modern data transmission devices and the development of computer networks. As a result, modern society is now called the information society. The level of awareness in society is growing rapidly. In the Russian Federation, the informatization of the activities of public authorities is both the main way to update the entire system of public administration, and an essential and important stage in the development of the information society.
Keywords. Information space, public authorities, public administration, information and communication technologies, digitalization, information systems, electronic document management, interdepartmental interaction, information security.

Введение. В XXI веке информационные технологии быстро внедряются в бизнес и правительственный сектор. Западные страны стали основоположниками такого быстрого прогресса в области информации. Термин «информатизация» относится к процессу создания единого информационного пространства внутри страны, которое объединяет многие сферы жизни общества и напрямую связано с глобальным информационным пространством через Интернет [1]. По сравнению с другими сферами жизни общества информационная сфера является более доступной. Границы в глобальном информационном пространстве стираются все быстрее из-за возросшей открытости и взаимодействия с информационными пространствами других стран.

Особое внимание следует уделить организационным и технологическим возможностям, которые могут обеспечить информационное пространство. Это говорит о том, что современные компьютеры, искусственный интеллект и даже печатные средства массовой информации имеют решающее значение для развития информационной среды как в коммерческом, так и в государственном бизнесе.

Термин «информационное пространство» относится к отдельным лицам, профессиональным ассоциациям, государственного управления, экономических и политических отношений или, в более общем плане, практически к любой сфере деятельности, которая использует современные информационные технологии для выполнения таких задач полностью или частично. Скорость расширения информационного пространства оказывает огромное влияние на две основные сферы жизни общества – социально-политическую и экономическую. Этот уровень имеет решающее значение для социальной стабильности, развития общественно-политических движений и поведения людей.

Основная часть.

В современных условиях информационные технологии дают частному сектору универсальную основу и превращают местные события в общемировые. Таким образом, можно сказать, что на данном этапе развития функция распространения информационного пространства явно доминирует. Несмотря на то, что все вышеупомянутые формы социальной информации в значительной степени выиграли от стимулирования развития за прошедшее столетие, существует преобладающий спрос на информацию, который распространяется со стороны разных частных и государственных организаций, а также простых граждан.

Три основных фактора - массовая информация, информационный обмен и массовая информационная коммуникация - сформировали информационную инфраструктуру России. Эти факторы обусловлены тем, что современные массовые компьютерные сети и средства массового обмена информацией объединили и, в какой-то степени, поглотили традиционные средства массовой информации, предоставив любому человеку неограниченный доступ к широкому спектру информационных ресурсов через Интернет. Как следствие, традиционные средства массовой информации в России маргинализируются, поскольку Интернет занимает центральное место в процессе формирования общественного сознания [2]. Глобальная сеть предоставляет людям больше возможностей и ресурсов для ознакомления с правительственными инициативами и распространения информации о социально-экономических проблемах.

Три основных аспекта повлияли на информационную инфраструктуру России: массовые коммуникации, обмен информацией и массовое информирование. Тот факт, что современные массовые компьютерные сети и средства массового обмена информацией, которые предоставляют любому человеку беспрепятственный доступ к разнообразным информационным ресурсам через Интернет, объединили и, в некоторой степени, поглотили традиционные средства массовой информации, оказывает влияние на решение этих проблем. В результате традиционные средства массовой информации в России маргинализированы, а Интернет играет решающую роль в оказании влияния на общественное мнение. Всемирная сеть повышает осведомленность о социально-экономических проблемах и улучшает доступ людей к ресурсам и возможностям узнавать об инициативах правительства [4].

В таблице 1 представлены основные элементы информационного пространства публичного управления.

Таблица 1

Основные элементы информационного пространства публичного управления

Элемент	Основное содержание	Значение для публичного управления
Данные	Реестры, документы, сведения и результаты взаимодействия	Информационная основа решений
Информационные системы	Программные и технические комплексы	Обработка и хранение данных
Регламенты	Правила и маршруты работы	Единообразие процессов
Участники	Органы власти, учреждения, организации и граждане	Формирование и использование информации
Защита	Идентификация, разграничение доступа, контроль	Сохранность и правомерность обращения

* Таблица составлена автором

Из таблицы 1 видно, что информационное пространство нельзя свести к технической инфраструктуре. Его устойчивость определяется сочетанием данных, систем, регламентов, участников и механизмов защиты. Слабое звено любого из этих элементов отражается на всей цепочке.

Информационное пространство публичного управления рассматривается как организационно-правовая и технологическая система, а не просто набор технических средств. Его ключевыми признаками выступают системность, регламентированность, функциональная направленность и динамичность. Правовую основу образуют Федеральные законы № 149-ФЗ [5] и № 210-ФЗ [6], а также постановление Правительства № 198 [7] закрепляющее единое информационное пространство. Субъектами являются органы власти, учреждения, организации и граждане, а элементами - данные, информационные системы, регламенты, участники и механизмы защиты.

Показательным примером является предусмотренная постановлением № 198 [9] возможность использования типовых маршрутов согласования, контроля исполнения и автоматизации делопроизводственных операций. В этом случае информационная система становится не архивом готовых документов, а инструментом организации работы.

В таблице 2 представлены основные изменения процессов при переходе к электронному документообороту.

Таблица 2

Основные изменения процессов при переходе к электронному документообороту

Процесс	Традиционная модель	Информационная модель
Регистрация	Внесение записи сотрудником	Автоматизированная регистрация
Согласование	Последовательная передача документа	Маршрут в системе
Контроль	Ручная проверка сроков	Системный мониторинг
Поиск	Поиск в делах и архивах	Поиск по реквизитам и данным
Хранение	Бумажный архив	Электронное хранение с учетом требований

* Таблица составлена автором

По представленной в таблице 2 информации можно сделать вывод, что переход к электронному документообороту может затрагивать весь цикл работы с документами. Поэтому для реализации данной идеи надо рассмотреть несколько факторов для эффективного создания информационного пространства. Данные факторы указаны (на рис 1).

В заключение, поскольку информационное пространство все еще находится в стадии формирования и многие его ключевые компоненты все еще находятся на ранних стадиях разработки, проблема очень многогранна. Вот почему эта тема по-прежнему актуальна сегодня. Для решения вышеупомянутой проблемы необходимо увеличить число ИТ-специалистов и повысить общий уровень компьютерной грамотности населения, а также расширить и укрепить существующие каналы коммуникации и сде-

лать их более доступными по всей России.

Рис. 1. Модель формирования и использования информационного пространства органов публичной власти

*Схема составлена автором

Список источников

1. Бачило И. Л. Информационные технологии и система органов государственной власти. Нормативное регулирование // Информационное общество. – 2000. – № 1. – С. 47–52.

2. Волченков И. Д. Разработка и реализация информационной политики органами государственной власти в Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. – М., 2008.Лолаева А. С. Правовое регулирование использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов публичной власти //Административное и муниципальное право. – 2022. – №. 1. – С. 42-50.

3. Фомин А. А. Формирование информационного пространства в современной России: проблемы и перспективы //Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2019. – Т. 19. – №. 2. – С. 192-195.

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Гарант: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/12148555/ (дата обращения: 12.10.2026).

5. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 12.10.2026).

6. Об утверждении Положения об информационной системе «Единое информационное пространство процессов государственного управления»: постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 198 // Гарант: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/403553148/ (дата обращения: 12.10.2026).

УДК 349

ХОРОШО ЛИ ПЕДАГОГИ ЗНАЮТ СВОИ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

ЗОТОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Научный руководитель: Буркина Ольга Александровна
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Аннотация. В данной статье проанализирована одна из проблем современного образования. К сожалению, приходится констатировать, что педагоги, недостаточно хорошо ориентируются в основных нормативно-правовых актах, регламентирующих их профессиональную деятельность, а также знают содержание коллективного договора и локальных нормативных актах конкретной организации. Такой пробел в знаниях негативно отражается на их профессиональной деятельности. Что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на их профессиональную эффективность.
Ключевые слова: права, обязанности, закон, нормативно правовой акт, педагогический работник, исследование, защита.

DO TEACHERS KNOW THEIR RIGHTS AND OBLIGATIONS WELL

Zotova Ekaterina Vladimirovna

Scientific adviser: Burkina Olga Aleksandrovna

Abstract. This article analyzes one of the problems of modern education. Unfortunately, it has to be stated that teachers do not have a good understanding of the main legal acts regulating their professional activities, as well as the content of the collective agreement and local regulations of a particular organization. This lack of knowledge has a negative impact on their professional performance. This, in turn, has a negative effect on their professional efficiency.
Keywords: rights, obligations, law, legal act, teacher, research, protection.

В современном мире защита прав граждан имеет первостепенное значение. Это касается различных сфер общества. Одна из известных сфер, где с нарушением прав сталкивается огромное количество граждан – сфера образования. Права и обязанности учителя – это одна из наиболее острых проблем современной школы, которая из «храма знаний» постепенно превращается в «поставщика образовательных услуг».[1]

Отношения в образовательной сфере на федеральном уровне регулируются Конституцией РФ, федеральным законом «Об образовании в РФ», а также множеством других законодательных актов.

Кроме того, действую указы Президента, постановления Правительства РФ, разработанные в соответствии с федеральным законом «Об образовании в РФ», а также ведомственными нормативными правовыми актами Минобразования России, Минобрнауки России, а также Минтруда России и другими.

Основные гарантии педагогов закреплены в статье 47 федерального закона «Об образовании в РФ». Например: право на свободу преподавания и обсуждения; свобода выбора и использования педа-

гогически обоснованных форм, методов; выбор учебников, учебных пособий, материалов и иных средств обучения.

Трудовые отношения педагогов с работодателями строятся на основе Трудового кодекса, закреплены в главе 52 Трудового кодекса РФ, а также других нормативных актов, коллективных и локальных договоров, и, конечно, индивидуального трудового договора.

Помимо прав и свобод педагоги имеют правовую ответственность. В отличие от прав, обязанности педагога представляют собой определенные ограничения его свободы в рамках профессиональной деятельности, направленные на достижение образовательных целей. Совокупность прав и обязанностей образует правовой статус педагогических работников.

В условиях современного общества, когда требования к качеству образования постоянно растут, вопрос защиты прав педагогов становится особенно актуальным.

Магистрантом ФГБОУ ВО Тихоокеанского государственного университета было проведено исследование уровня правовой осведомленности педагогических работников. Тестирование сотояло из 28 вопросов и результаты вальировались от 63% до 89%. [3]

Так же Евгений Одинцов в своей статье выделяет, что согласно данным «Право Просвещения» 37% всех запросов от учебных завений – это обращения от преподавателей.[4]

На основании данных исследований и для подтверждения нашей гипотезы о том, что действительно не все педагогические работники владеют знаниями о своих правах, свободах и обязанностях, был проведен опрос ряда педагогических работников различных регионов России.

Разработанный нами тест «На сколько хорошо Вы знаете свои права и обязанности» был размещен на платформе образовательного онлайн-сервиса для создания тестов **«Online Test Pad».**

Вопросы были направлены на определение уровня знаний своих прав и обязанностей педагогическими сотрудниками, а также уровня ознакомления с локально нормативными актами образовательной организации, трудовым договором. Тест состоял из 22 вопросов, проводился анонимно. Ссылка на тест была размещена в педагогических каналах национального мессенджера «MAX», а также педагогических сообществах Вконтакте.

Всего приняли участие 55 педагогов из 20 регионов Российской Федерации.

Средний возраст участников тестирования составил 32 года. 7 участников (13%) были мужчины, 48 (87%) женщины.

Средний педагогический стаж участников 10,5 лет: у 12 участников (22%) педагогический стаж составляет 5 лет и менее, у такого же количества стаж от 5 до 10 лет, у 11 участников (20 %) педагогический стаж составляет более 20 лет. У большей части опрошенных (64%) педагогический стаж составляет от 10 до 22 лет. 34 участника, это 62%, с высшим образованием.

В среднем правильно ответили на 49% вопросов от общего количества вопросов теста.

Самые распространенные вопросы, на которые педагоги ответили ***не верно***:

- «Какие из перечисленных документов стоит изучить, чтобы понять, что педагог обязан делать, и за что предусматривается дополнительная доплата: …» (84%);
- «Если учитель согласился выполнять дополнительную работу с соответствующей оплатой, это должно быть зафиксировано: …» (75%);
- «Какие из перечисленных мер воздействия, в случае совершения учителем проступка, являются законными: …» (86%);
- «Соотнесите вид работы и часть зарплаты, которая может быть за него положена: проверка тетрадей, стаж, сверхурочная работа» (82%);
- «Учителя можно уволить в тот же день, если:…» (60%);
- «На уроке ребенок выбил себе зуб, учитель признал, что отсутствовал в этот момент в кабинете – вышел по личному делу. Что может ожидать учителя: …» (82%);
- «Аморальный поступок отличается от дисциплинарного нарушения тем, что: …» (68%).

Самые распространенные вопросы, на которые педагоги ответили *верно:*

- «Курсы повышения квалификации учитель: должен/не должен проходить …» (88%);
- «Для защиты чести, достоинства, частной жизни, прав учитель может обратится: …» (75%);

«В каком из перечисленных документов перечислены права и обязанности педагога?» (89%);

- «Имеет ли право директор общеобразовательного учреждения отказать учителю в приеме на работу, на основании того, что у него имеется судимость.» (89%).

Таким образом, результаты проведенного нами опроса подтверждают предположение о низком уровне знаний у педагогов о их правах и обязанностях.

Заслуживает внимание позиция операционного директора программы юридической поддержки школ и учителей «Право Просвещения» И. Газизовым. Он считает, что из-за низкого уровня юридической грамотности педагогов в сфере образования и в трудовых отношениях происходят случаи снижающие репутацию педагогов. [4]

Для решения проблемы с низким уровнем юридической граммотности Б. Чернышов предложил ввести должность омбусмена для учителей.[3]

Для решения этой проблемы предлагаем:

1. проводить среди учителей педагогические семинары в образовательных организациях во время каникул по правовой тематике с приглашением специалистов в области юридической защиты;
2. педагогам проходить курсы повышения квалификации не только по преподаваемому предмету, но и курсы правовой осведомленности;
3. проводить викторины и интеллектуальные игры по правовой тематике.

Список источников

1. Ильин А. Права и обязанности учителей. Справочник для педагогов и администрации общеобразовательных школ. – М.: Издательские решения, 2018. – 100 с.

2. Кяримова А. Профсоюз учителей и депутаты Госдумы раскритиковали предложение о введении должности омбудсмена для учителей // Daily Storm. – 2022. – 8 февраля. – URL: https://dailystorm.ru/vlast/profsoyuz-uchiteley-i-deputaty-gosdumy-raskritikovali-predlozhenie-o-vvedenii-dolzhnosti-ombudsmena-dlya-uchiteley (дата обращения: 06.04.2026).

3. Давыденко В. А., Шепелева Н. А. Диагностика правовой осведомленности педагогических работников // Эпоха науки. – 2022. – № 30. – С. 210–217. – DOI: 10.24412/2409-3203-2022-30-210-217.

4. Школьные юристы: в РФ ежегодно происходит 1 тысяча случаев, угрожающих репутации учителей // Газета.Ru. – 2022. – 8 февраля. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2022/02/08/17258827.shtml (дата обращения: 10.03.2026).

УДК 347.77

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ

АЛЕКСЕЕВА АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА
магистрант
Новосибирский юридический институт (филиал)
Национального исследовательского Томского государственного университета

Аннотация: В статье исследуется проблема указания искусственного интеллекта в качестве изобретателя при патентовании технических решений. На материале заявок DABUS, поданных в патентные ведомства шести юрисдикций (США, Великобритания, Австралия, ЮАР, Германия, Россия), анализируются различные подходы к вопросу о допустимости признания ИИ-системы изобретателем. Делается вывод о недостаточности действующего российского законодательства для регулирования данных отношений и формулируются предложения по его совершенствованию.
Ключевые слова: искусственный интеллект, патентное право, изобретатель, DABUS, патентоспособность, правовой режим, интеллектуальная собственность.

THE PROBLEM OF RECOGNIZING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN INVENTOR

Alekseeva Aleksandra Andreevna

Abstract: The article examines the problem of designating artificial intelligence as an inventor in patent applications. Based on the DABUS applications filed in patent offices of six jurisdictions (USA, UK, Australia, South Africa, Germany, Russia), the article analyzes different approaches to the admissibility of recognizing an AI system as an inventor. The author concludes that current Russian legislation is insufficient to regulate these relations and proposes amendments.
Key words: artificial intelligence, patent law, inventor, DABUS, patentability, legal regime, intellectual property.

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) привело к появлению систем, способных самостоятельно генерировать технические решения, потенциально отвечающие критериям патентоспособности – новизне, изобретательскому уровню и промышленной применимости. В этих условиях право интеллектуальной собственности столкнулось с вопросом: может ли ИИ быть указан в качестве изобретателя в патентной заявке? Нормы об авторстве изобретений, в том числе статья 1347 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], формулировались до появления автономных генеративных систем, поэтому прямого ответа на этот вопрос действующее законодательство не содержит.

Проблема активно обсуждается в отечественной юридической науке. П.М. Морхат, предпринявший одно из первых в российской литературе комплексных исследований взаимодействия ИИ и права интеллектуальной собственности, констатирует неприспособленность классических конструкций этой отрасли к результатам, создаваемым автономными системами [2]. И.В. Понкин и А.И. Редькина, рассматривая понятие искусственного интеллекта с точки зрения права, обращают внимание на дискуссионность вопроса о его правовом статусе [3]. И.А. Зенин характеризует происходящее как конвергенцию искусственного интеллекта и права интеллектуальной собственности, требующую доктринального осмысления [4]. А.И. Балашова исследует объекты и субъектный состав правоотношений, складывающихся по поводу результатов, создаваемых с применением ИИ, применительно и к авторскому, и к па-

тентному праву [5]. Вместе с тем именно вопрос об указании ИИ изобретателем получил наибольшую практическую остроту благодаря серии судебных разбирательств в зарубежных юрисдикциях.

Наиболее масштабной попыткой получить патент с указанием ИИ в качестве изобретателя стал проект The Artificial Inventor Project, инициированный Стивеном Тейлером (Stephen Thaler). В 2018–2019 годах Тейлер подал патентные заявки на два технических решения – контейнер для пищевых продуктов и устройство для привлечения внимания – в патентные ведомства нескольких государств. В заявках в качестве изобретателя была указана система DABUS (Device for the Autonomous Bootstrapping of Unified Sentience), а Тейлер заявлял о приобретении прав на изобретения как собственник машины [6].

Результаты рассмотрения заявок оказались различными в зависимости от юрисдикции, что отражает отсутствие международного консенсуса по данному вопросу.

В США Патентное ведомство (USPTO) отказало в принятии заявки, указав, что Патентный закон неоднократно ссылается на изобретателя как на физическое лицо (natural person). Окружной суд Восточного округа Виргинии в деле Thaler v. Vidal (2021) поддержал эту позицию. Апелляционный суд Федерального округа в августе 2022 года оставил решение в силе, а Верховный суд США в апреле 2023 года отклонил петицию Тейлера о пересмотре дела [6].

Верховный суд Великобритании в решении от 20 декабря 2023 года по делу Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49 единогласно постановил, что изобретателем по смыслу статьи 7 Закона о патентах 1977 года может быть только физическое лицо. Суд подчеркнул, что данное решение касается исключительно толкования действующего закона и не затрагивает более широкий вопрос о том, должны ли технические достижения, созданные автономными машинами, быть патентоспособными в принципе [7].

ЮАР стала единственной юрисдикцией, где заявка DABUS была принята. Патентное ведомство (Companies and Intellectual Property Commission) выдало патент в июле 2021 года. Однако этот результат объясняется особенностью южноафриканской патентной системы: ведомство проводит только формальную экспертизу, не оценивая заявку по существу, в том числе не проверяя правомерность указания ИИ в качестве изобретателя [8].

Германия представляет особый интерес. Федеральный верховный суд (BGH) в 2024 году разрешил противоречия между нижестоящими судами, постановив, что изобретения, в создании которых участвовал ИИ, могут быть патентоспособными, при условии что в качестве изобретателя указывается физическое лицо, внесшее вклад в процесс создания изобретения. Этот подход разделяет два вопроса: патентоспособность изобретения и статус изобретателя [9].

В России Роспатент отказал в принятии заявки DABUS, руководствуясь статьей 1347 ГК РФ, согласно которой автором изобретения признается гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат интеллектуальной деятельности [1]. Эта норма, как и аналогичная статья 1228 ГК РФ, прямо связывает изобретательство с физическим лицом, что исключает возможность указания ИИ в качестве изобретателя.

Анализ описанных решений позволяет выделить два концептуальных подхода к проблеме. Первый – формальный – исходит из буквального толкования действующего законодательства: поскольку закон определяет изобретателя как физическое лицо, ИИ изобретателем быть не может, и вопрос закрыт до изменения законодательства. Этот подход реализован в США, Великобритании и России. Второй – функциональный – предлагает разделить вопрос о патентоспособности изобретения и вопрос об указании изобретателя: изобретение, созданное с участием ИИ, может быть запатентовано, если в качестве изобретателя указано физическое лицо, организовавшее процесс. Этот подход реализован в Германии.

Отдельного рассмотрения заслуживает австралийский кейс. Федеральный суд Австралии в сентябре 2021 года в решении по делу Thaler v Commissioner of Patents первоначально постановил, что ИИ может быть изобретателем, что стало единственным решением такого рода в юрисдикции с полноценной системой патентной экспертизы. Однако в апреле 2022 года полный состав Федерального суда отменил это решение, вернувшись к позиции о необходимости указания физического лица. Австралийский опыт демонстрирует, что даже внутри одной юрисдикции вопрос остается дискуссионным и может получать противоположные ответы на разных уровнях судебной системы [8].

В рамках ВОИС (Всемирной организации интеллектуальной собственности) проблема обсуждается с 2019 года. ВОИС провела серию консультаций с государствами-членами, по итогам которых выявлены два ключевых вопроса. Первый: следует ли изменять патентное законодательство для допуска ИИ в качестве изобретателя, или достаточно расширить понятие человеческого вклада в изобретательский процесс? Второй: как определить объем прав лица, заявляющего о приобретении прав на изобретение ИИ – через собственность на систему, через трудовые отношения с разработчиками, или через специальный правовой режим? Консенсуса по этим вопросам достигнуто не было, что отражает глубину противоречий между различными правовыми традициями [10].

Практическая значимость проблемы состоит в том, что формальный подход создает «патентный вакуум»: если ИИ автономно создает техническое решение, а закон требует указания физического лица в качестве изобретателя, то ни одно лицо не может быть правомерно указано как изобретатель, и патент не выдается. Техническое решение при этом переходит в общественное достояние, что снижает стимулы для инвестиций в разработку ИИ-систем, способных создавать изобретения. Эта проблема особенно актуальна для фармацевтической отрасли и материаловедения, где ИИ-системы уже активно используются для генерации новых молекул и составов, потенциально отвечающих критериям патентоспособности.

Критики концепции ИИ-изобретателя указывают на принципиальное различие между алгоритмической обработкой данных и человеческим изобретательством. Современные ИИ-системы, включая DABUS, работают на основе статистических закономерностей в обучающих данных и не обладают пониманием проблемы, для решения которой создается изобретение. Они не ставят перед собой цели и не осознают значимости полученного результата. С этой точки зрения, наименование «изобретатель» применительно к ИИ является метафорой, а не описанием реального статуса, и расширение правового понятия «изобретатель» на машину искажает его содержание.

Функциональный подход, реализованный в Германии, представляется более перспективным для российского права. Его можно реализовать путем дополнения статьи 1347 ГК РФ нормой, допускающей указание в качестве изобретателя лица, которое организовало процесс создания изобретения с использованием системы ИИ, при условии что это лицо определило задачу и существенные параметры, на основе которых ИИ-система создала техническое решение.

Такая конструкция не требует наделения ИИ правосубъектностью и не противоречит антропоцентрическому характеру российского гражданского права. Она лишь расширяет понятие «творческий труд» применительно к изобретательству, признавая, что постановка задачи и определение параметров для ИИ-системы могут быть квалифицированы как творческий вклад, достаточный для признания лица изобретателем.

В 2026 году в России был принят Федеральный закон о регулировании технологий искусственного интеллекта, однако он не затронул вопросы патентного права, сосредоточившись на регулировании больших фундаментальных моделей. Статья закона, устанавливающая, что объекты, созданные с использованием сервисов ИИ, охраняются по нормам ГК РФ, является отсылочной и не снимает проблемы пробела в патентном праве [11].

Таким образом, проблема признания ИИ изобретателем остается нерешенной в российском законодательстве. Международная практика демонстрирует два подхода – формальный и функциональный, – из которых для России более перспективным представляется функциональный, реализуемый путем дополнения статьи 1347 ГК РФ. Это позволит обеспечить патентную охрану изобретений, созданных с участием ИИ, сохранив при этом принцип признания изобретателем физического лица.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 5496.

2. Мохат П.М. Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 121 с.

3. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.

4. Зенин И.А. Конвергенция искусственного интеллекта и права интеллектуальной собственности // Право интеллектуальной собственности. – 2021. – № 1. – С. 4–9.

5. Балашова А.И. Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 2. – С. 90–98.

6. Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207 (Fed. Cir. 2022). – Certiorari denied by the Supreme Court of the United States, 24 April 2023.

7. Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49. – Supreme Court of the United Kingdom, 20 December 2023.

8. Egbuonu K. The latest news on the DABUS patent case // IP STARS. – 2025. – 7 July. – URL: https://www.ipstars.com/NewsAndAnalysis/The-latest-news-on-the-DABUS-patent-case/Index/7366 (дата обращения: 14.09.2026).

9. BGH, Beschluss vom 11.06.2024 – X ZB 5/22 (DABUS) // Bundesgerichtshof. – 2024.

10. The Artificial Inventor Project. Patent [Электронный ресурс]. – URL: https://artificialinventor.com/patent/ (дата обращения: 14.09.2026).

11. Законопроект о регулировании искусственного интеллекта принят Государственной думой // Denuo Legal. – 2026. – 13 июля. – URL: https://denuo.legal/ru/insights/news/l30/ (дата обращения: 14.09.2026).

© А.А. Алексеева, 2026

УДК 342.5

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ В КОНТЕКСТЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

МАРТЮШЕВА СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА
студент
Дальневосточный институт (филиал) ВГУЮ РПА Минюста России

Научный руководитель: Овчинникова Татьяна Анатольевна
к.ю.н., доцент
Дальневосточный институт (филиал) ВГУЮ РПА Минюста России

Аннотация: В статье анализируются проблемные аспекты реализации законодательства, регламентирующего противодействие коррупции, в части буквального толкования правовой категории «личная заинтересованность». Неоднозначность смысловой сущности исследуемой категории порождает формализм мер, предпринимаемых для урегулирования конфликта интересов. В частности, традиционная ориентация правоприменителя на материальную выгоду оставляет вне регулирования целый массив коррупционных рисков, связанных с нематериальными интересами и неформальными социальными связями. В связи с этим обосновывается вывод о том, что концептуальные недостатки действующего механизма противодействия коррупционным проявлениям в обществе порождены отсутствием содержательного основания как на уровне законодателя, так и правоприменителя. С учетом изложенного обосновывается необходимость системного совершенствования понятийного аппарата антикоррупционного законодательства и выработки единообразных подходов к его применению в практической деятельности.

Ключевые слова: коррупция, конфликт интересов, личная заинтересованность, урегулирование конфликта интересов, государственная служба.

PROBLEMS OF LEGAL IDENTIFICATION OF PERSONAL INTEREST IN THE CONTEXT OF CONFLICT OF INTEREST RESOLUTION IN PUBLIC SERVICE

Martyusheva Svetlana Alekseevna

Scientific adviser: Ovchinnikova Tatiana Anatolyevna

Abstract: Abstract: The article analyzes problematic aspects of the implementation of anti-corruption legislation in terms of the literal interpretation of the legal category "personal interest". The ambiguity of the semantic essence of the category under study generates the formalism of measures taken to resolve conflicts of interest. In particular, the traditional orientation of the law enforcement officer towards material benefits leaves out of regulation a whole range of corruption risks associated with intangible interests and informal social ties. In this regard, the conclusion is substantiated that the conceptual shortcomings of the current mechanism for countering corruption in society are caused by the lack of a substantive basis both at the level of the legislator

and the law enforcement officer. Taking into account the above, the necessity of systematic improvement of the conceptual framework of anti-corruption legislation and the development of uniform approaches to its application in practice is substantiated.
Keywords: corruption, conflict of interest, personal interest, conflict of interest resolution, public service

В архитектуре современной системы противодействия коррупции на государственной службе, урегулирование конфликта интересов выступает одним из базовых, системообразующих институтов. Закрепление исследуемой категории в российском законодательстве было обусловлено как внутренней правовой необходимостью так и международными обязательствами Российской Федерации в части имплементации перспективной категории в отечественное правовое поле.

Традиционно, конфликт интересов рассматривается как ситуация, при которой личная заинтересованность государственного служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей. При этом, как отмечает В.И. Малкина [1, с.4] порядок его урегулирования регулируется несистемно, более чем 30 нормативными правовыми актами в публичной и частной сфере, что свидетельствует о фрагментарности юридической конструкции конфликта интересов в России.

Исследование правовой природы конфликта интересов на государственной службе требует обращения к анализу двух взаимосвязанных аспектов реализации Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2]. Первый аспект лежит в плоскости законодательной техники и связан с ограничительным характером легальной дефиниции «личная заинтересованность». Второй аспект имеет сугубо прикладной характер и проявляется в формализме мер по урегулированию конфликта интересов, что во многом предопределено отсутствием четко сформулированного правового и морально-нравственного основания в самой норме. Очевидно, указанные проблемы не являются изолированными. Ограниченность легального определения, сводящего личную заинтересованность преимущественно к материальной выгоде, неизбежно порождает формализм правоприменения уполномоченными лицами, зачастую не усматривающими признаков коррупционного правления, в случаях, когда имеет место извлечение нематериальной выгоды. Возникшие проблемы являются следствием единого дефекта правового регулирования-отсутствие содержательного обоснования исследуемой категории на законодательном уровне.

Поскольку именно содержательная ограниченность категории выступает исходной точкой рассматриваемой проблемы, логичным представляется инициировать анализ категории «личная заинтересованность». Это позволит не только выявить дефекты законодательной формулировки, но и проследить их влияние на непосредственную реализацию.

Законодательно «личная заинтересованность» определена в качестве возможности получения доходов, имущества или иных выгод, обусловленных личными, родственными или имущественными отношениями. Буквальное прочтение формулировки обнаруживает ее фактическое сведение к материальной выгоде. Соответственно, практически управление конфликтом интересов необоснованно сужает сферу действия, поскольку направлено на борьбу лишь с преследованием материальной выгоды при выполнении должностных обязанностей. При таком подходе нематериальная выгода, которая также может оказывать влияние на поведение государственного служащего, остаётся за пределами правового регулирования» [3, с.4]. Представленная доктринальная позиция является принципиально важной, поскольку карьерные устремления, неформальное покровительство, создание преимуществ для друзей и деловых партнёров ничуть не меньше порождают конфликт интересов, однако не подпадают под легальное определение.

В подтверждение принципиальности обозначенного недостатка обратимся к позиции А. Д. Ильякова [4, с.33], отмечающего, что конфликт интересов может возникать не только при стремлении к материальной выгоде, но и при реализации иных личных интересов, что обуславливает необходимость расширения понятия «личная заинтересованность» за счёт включения в него любых форм личной выгоды, помимо очевидной имущественной.

Ограничительный характер легального определения создает целый ряд негативных последствий.

Прежде всего, он вступает в противоречие с закрепленным принципом приоритетного применения мер по предупреждению коррупции, который требует выявления рисков на самых ранних стадиях. Если нематериальные интересы не охватываются понятием личной заинтересованности, превентивный механизм не срабатывает, поскольку формально такие ситуации не образуют коррупционные риски. Кроме того, правоприменительная практика наглядно демонстрирует, что значительная часть коррупционных проявлений связана именно с неформальными отношениями и нематериальными интересами, которые остаются вне поля зрения законодателя. Показательным в этом контексте является случай, когда личная заинтересованность должностного лица возникает в связи с его вовлеченностью в деятельность общественных организаций. В подобной ситуации личный интерес основан на личной включенности в деятельность такой организации, что может стать источником последующего конфликта между общественным долгом публичного должностного лица и его личными интересами[5, с.22].

Обозначенный тезис находит свое подтверждение у других ученых. Так, Нужнова С. Л., Новахов Т. А., Омельченко И. В. [6, с. 228] справедливо отмечают, что отношения государственного служащего с третьими лицами могут быть совершенно не связаны с имущественной выгодой. Личная заинтересованность нередко базируется на не нежелании портить отношения с каким-либо человеком, боязни обидеть его и иных причинах. Как подчеркивают исследователи, подобные обстоятельства зачастую являются гораздо большим препятствием на пути надлежащего, объективного и беспристрастного исполнения служащим своих должностных обязанностей, а его личная заинтересованность в этом случае может не иметь никакой материальной выгоды.

Представленная теоретическая позиция находит наглядное подтверждение в правоприменительной практике. Так, с 2006 года С. занимала должность государственного гражданского служащего в отделе камеральных проверок налоговой инспекции. Причиной расторжения контракта стало проведение служебной проверки, инициированной в связи с поступившей из Следственного отдела информацией о совершении С. коррупционных правонарушений. В ходе расследования С. проводила мероприятия налогового контроля в отношении организаций-клиентов ООО, предоставлявшего им бухгалтерскую и налоговую отчетность. При этом личная заинтересованность С. выражалась исключительно в ее личных связях: учредителем и директором данной организации была ее подруга (Д.), а сотрудником — родная сестра (Ч.). Никакой иной имущественной или материальной выгоды С. не получала. Поскольку заявления о личной заинтересованности С. не были поданы, меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов не были предприняты [7].

Анализ правоприменительной практики показывает, что формальный подход к определению круга «близких лиц» не позволяет охватить все реальные коррупционные риски. В этой связи для устранения выявленного дефекта правового регулирования представляется целесообразным расширить понятие личной заинтересованности, включив в него не только имущественные, но и неимущественные выгоды: карьерное продвижение, укрепление авторитета, расширение влияния, а также создание преимуществ для лиц, связанных неформальными отношениями. Исходя из чего объективно необходимо дополнить перечень лиц, находящихся в близких отношениях, в том числе сожителей, друзей, партнеров, при наличии объективной возможности влияния этих отношений на исполнение должностных обязанностей.

Справедливость и практическая значимость такого подхода наглядно подтверждаются следующим примером. Занимая должность начальника отдела тылового обеспечения таможни, государственная служащая осознавала, что вступление в имущественные отношения с лицом, представляющим интересы ООО, оказывающего клининговые услуги таможне, приведет либо может привести к возникновению конфликта интересов. При этом, придавая видимость отсутствия конфликта интересов, денежные средства (заем) от лица государственная служащая получила путем проведения транзакции с использованием банковского счета своего родственника. О возможности возникновения конфликта интересов и об обязательствах имущественного характера перед заинтересованным лицом государственная служащая руководителю не сообщила[8].

Логическим продолжением проблемы ограниченности формальных критериев является оценка ситуации, когда участники правоотношений пытаются обойти закон с помощью юридических фикций. В

практике урегулирования конфликта интересов широко распространено стереотипное мнение, что расторжение брака является способом разрешения конфликта. Подобные случаи встречаются в судебной практике, когда после выявления конфликта интересов одна из его сторон (служащий) увольняется по собственному желанию, а после расторжения брака повторно поступает на службу. При разрешении судебных дел отклоняются доводы о последующем расторжении брака, как основании для освобождения от ответственности, оценивая исполнение обязанности по уведомлению и принятию мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов в момент возникновения самого конфликта интересов[9, с.49].

Наглядным примером, подтверждающим необходимость оценки фактических, неформальных связей, является следующий случай. Глава сельского поселения и председатель совета депутатов развелись, но продолжили совместно проживать и воспитывать детей. При этом председатель совета депутатов председательствовала на собрании, вела протокол и голосовала за избрание своего бывшего мужа на должность. Таким образом, для целей урегулирования конфликта интересов учитывается не формальное родство, а фактическая личная заинтересованность, которая может возникнуть в отношениях с широким кругом лиц. В связи с этим служащему следует оценивать любые личные отношения, способные повлиять на объективность принимаемых решений, и при возникновении сомнений незамедлительно уведомлять представителя нанимателя [10].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что действующий закон о противодействии коррупции содержит системный дефект, выражающийся в ограничительном подходе к пониманию личной заинтересованности. Сведение личной заинтересованности исключительно к возможности получения материальных выгод оставляет вне поля правового регулирования обширный массив коррупционных рисков, связанных с неформальными связями и нематериальными интересами. Очевидно, что стремление создать благоприятные условия взаимодействия с другим человеком зачастую являются не менее мощным мотивом чем получение материальной выгоды. Игнорирование этого обстоятельства в современном обществе, ориентированном на приумножении и масштабном выстраивании социальных связей, препятствует полноценной реализации превентивных механизмов. Личная заинтересованность требует расширительного толкования и охвата всего спектра отношений, способных повлиять на беспристрастность государственного служащего. Кроме того, как показывает сложившаяся практика, происходит постепенная ориентация на оценку фактических обстоятельств, сложившихся на момент возникновения конфликта интересов, а не на формальные отношения между людьми, подстраивающими их под положения закона. Подобное системное совершенствование понятийного аппарата и практики его применения позволит перейти от казуистики к полноценной и всеобъемлющей защите публичных интересов от коррупционных проявлений. Преодоление не отвечающего реалиям общественного устройства приоритета коммуникативных отношений над материальными, обуславливает необходимость совершенствования категории «личная заинтересованность» в целях повышения эффективности всей системы противодействия коррупции на государственной службе.

Список источников

1. Малкина В.И. Конфликт интересов в юридических лицах: дисс ... канд. юрид. наук :- Москва, 2021. - 197 с.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Цыбикова А. А. Управление конфликтом интересов на государственной гражданской службе: автореф. дис. … канд. наук. — М., 2011.— 24 с.
4. Ильяков, А. Д. Урегулирование конфликта интересов как основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления : специальность 12.00.14 "Административное право; административный процесс" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ильяков Александр Дмитриевич, 2016. – 176 с. – EDN EJHLYT.

5. Чалых Т. В. Проблема конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации // Вестник государственного и муниципального управления. — 2017. — № 2 (25). — С. 18–25.

6. Нужнова С. Л., Новахов Т. А., Омельченко И. В. Совершенствование понятия и содержания конфликта интересов в сфере государственного и муниципального управления // Сборник трудов конференции: противодействие коррупции на государственном и муниципальном уровне в современной России. — 2020. — С. 226–231.

7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2020 г. № 88-1669/2020 (УИД 36RS0003-01-2019-000748-45) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2024 г. по делу № 8Г-467/2024 (88-1555/2024) (УИД: 65RS0001-01-2023-004751-91) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

9. Батищева Н.А., Бухряков А.В., Вишневецкий А.С., Захарова Е.А. Конфликт интересов. Практическое пособие для муниципального управления. М., 2023. – 377 с.

10. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 14/2026 «О рассмотрении судами дел, связанных с применением законодательства о противодействии коррупции и обращением в доход Российской Федерации имущества, приобретённого в результате нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции» (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 июля 2026 г. № 17А/2026) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 340.1

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

ТЕРЕНТЬЕВА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА
студент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: Аверьянова Вера Руслановна
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Аннотация: В тексте анализируется сущность и значение согласительных процедур как универсального инструмента урегулирования конфликтов в современном обществе. Рассматривается их нормативное закрепление в российском законодательстве, включая закон о медиации и процессуальные кодексы. Автор подчеркивает, что в отличие от состязательного судопроизводства, данные процедуры ориентированы на конструктивный диалог и поиск компромисса. Опираясь на статистику Судебного департамента за 2025 год, текст указывает на низкий процент мировых соглашений в России и делает вывод о необходимости их популяризации для снижения нагрузки на суды, экономии ресурсов и гармонизации общественных отношений.
Ключевые слова: согласительные процедуры, медиация, мировое соглашение, разрешение конфликтов, правовая система РФ, диспозитивность, примирительные процедуры, судебная практика, ЮНСИТРАЛ, ГПК РФ, АПК РФ.

ADVANTAGES OF USING CONCILIATION PROCEDURES TO RESOLVE LEGAL CONFLICTS IN MODERN RUSSIAN LAW

Terentyeva Ekaterina Pavlovna

Scientific supervisor: Averyanova Vera Ruslanovna

Abstract: The text analyzes the essence and significance of conciliatory procedures as a universal tool for resolving conflicts in modern society. It examines their normative consolidation in Russian legislation, including in the law on mediation and procedural codes. The author emphasizes that, unlike adversarial litigation, these procedures are focused on constructive dialogue and the search for a compromise. Based on statistics from the Judicial Department for 2025, the text highlights the low percentage of settlement agreements in Russia and concludes that it is necessary to promote them in order to reduce the burden on the courts, save resources, and harmonize social relations.
Keywords: conciliation procedures, mediation, settlement agreement, conflict resolution, legal system of the Russian Federation, dispositive nature, conciliatory procedures, judicial practice, UNCITRAL, Civil Procedure Code of the Russian Federation, Arbitration Procedure Code of the Russian Federation.

Общество - это сложный механизм со своими правилами, особенностями и исключениями. Любому современному обществу свойственны конфликты, споры, разногласия, что является нормальным явлением и способствует развитию гражданских правоотношений. Соответственно в любом обществе возникает потребность в разрешении таких конфликтов.

Возникновение противоречий служит сигналом о необходимости применения специальных средств, которые помогут сторонам, вовлеченным в конфликт, принять взаимоприемлемое решение. В связи с этим, согласительные процедуры - это те самые средства или способы разрешения разногласий, возникающих во всех сферах общественной жизни - экономике, праве, политике, быту, культуре, идеологии. В каждой отрасли права существует свой набор способов и процедур разрешения конфликтных ситуаций между участниками правовых отношений.

Именно разрешение споров между субъектами права с позиции их интересов отвечает требованиям стремительно развивающихся рыночных отношений, превалирующее количество которых носит договорной характер. На указанное обстоятельство обращал внимание и Владимир Владимирович Путин, отмечая «необходимость развития альтернативных способов разрешения конфликтов с помощью третейского разбирательства, досудебного и судебного урегулирования споров посредством переговоров, обращения к посредникам, заключения мировых соглашений» [1].

В ряду указанных способов можно выделить использование согласительных процедур в рамках разрешения возникших противоречий между субъектами права. Как справедливо отмечают Н. И Матузов и А. В. Малько, согласительные процедуры являются «обычным и надежным способом улаживания конфликтов» [2]. Собственно согласительные процедуры и процедура медиации - это те самые средства или способы разрешения разногласий, возникающих во всех сферах общественной жизни - экономике, праве, политике, быту, культуре, идеологии. «Под согласительными процедурами принято понимать регламентированную законом совместную деятельность субъектов по устранению возникающих между ними разногласий на взаимоприемлемой (компромиссной) основе» [3, с. 486].

В ряду признаков согласительных процедур целесообразно обозначить их направленность на поиск наиболее оптимального решения для разрешения юридического конфликта. В ходе принятия итогового решения стороны не реализуют принцип состязательности, а ориентированы на конструктивное взаимодействие по согласованию разнонаправленных позиций. Иными словами, итоговое решение есть результат примирения разнонаправленных мнений сторон. П. А. Астахов в своей работе указывает: «они включают совместные усилия сторон, обладающих схожими, совпадающими или даже противоположными интересами, направленные на выработку соглашений, ведущих к гармонизации их линий поведения» [4, с. 258]. Кроме того, участники согласительных процедур могут по своему усмотрению задавать вектор развития переговорного процесса и влиять на принятие итогового решения.

В юридической деятельности можно выделить такие виды согласительных процедур, как переговоры, создание согласительных и примирительных комиссий, третейский суд, медиация, судебное примирение.

Согласительные процедуры активно применяются при разрешении споров в международной коммерческой торговле. В 1980 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Согласительный регламент Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) и рекомендовала применять этот регламент в тех случаях, когда в контексте международных коммерческих отношений возникает какой-либо спор и стороны стремятся к мирному урегулированию этого спора, обращаясь к согласительным процедурам [5].

В Российской Федерации нормативную основу для внедрения примирительных механизмов в российскую правовую систему заложил Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Последующие изменения процессуального законодательства в 2019 году, включившие главу о примирительных процедурах в Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ, свидетельствуют о системном подходе законодателя к формированию культуры мирного урегулирования правовых конфликтов в Российской Федерации.

Согласительные процедуры представляют собой комплексный правовой феномен, находящийся

на стыке материального и процессуального права. Концептуальной основой согласительных процедур выступает диспозитивность как принцип гражданского и процессуального права. Как отмечает В.В. Ярков, диспозитивность означает свободу субъектов в определении содержания своих прав и обязанностей в рамках, установленных законом [6]. Применительно к примирительным процедурам этот принцип реализуется через право сторон самостоятельно определять условия прекращения спора, выбирать форму примирения, устанавливать сроки исполнения взаимных обязательств. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П подчеркнул, что право на судебную защиту включает и возможность окончания дела миром, если такое волеизъявление не противоречит закону [7]. Это правовое положение формирует конституционно-правовую основу института примирения.

Межотраслевой характер института примирительных соглашений проявляется в наличии различных форм их существования в зависимости от отраслевой принадлежности спора. Общими признаками примирительных соглашений выступают: консенсусный характер (достижение согласия сторон по всем существенным условиям); диспозитивность (свобода сторон в определении условий урегулирования спора); взаимность уступок (каждая сторона идет на определенные компромиссы); направленность на окончательное разрешение конфликта.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить реальное состояние института мировых соглашений, типичные проблемы, возникающие при утверждении соглашений судами, а также тенденции развития согласительных процедур. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2025 году мировым соглашением было окончено около 4,8% гражданских дел в судах общей юрисдикции и около 2% дел в арбитражных судах [8]. Эти показатели свидетельствуют о недостаточном использовании потенциала примирительных процедур. В развитых правовых системах доля дел, завершаемых мировым соглашением, достигает 20–30%. Низкая эффективность института мировых соглашений в России обусловлена комплексом факторов: недостаточной правовой культурой участников процесса, отсутствием экономических стимулов для примирения, процессуальными сложностями утверждения соглашений.

Основная масса мировых соглашений в гражданском процессе заключается по спорам, вытекающим из договорных обязательств. Это споры о взыскании задолженности по договорам займа, купли-продажи, аренды, возмездного оказания услуг. Характерной особенностью таких соглашений является рассрочка исполнения обязательств ответчиком при частичном или полном отказе истца от взыскания процентов и штрафных санкций. Подобная модель урегулирования спора выгодна обеим сторонам: истец получает реальную возможность исполнения решения, ответчик избегает дополнительных расходов и неблагоприятных последствий принудительного взыскания.

В арбитражном процессе мировые соглашения применяются преимущественно по спорам между коммерческими организациями. Специфика арбитражного процесса заключается в более активной роли суда в содействии примирению сторон. Статья 138 АПК РФ прямо предусматривает обязанность суда принимать меры для примирения сторон, содействовать им в урегулировании спора [9]. Арбитражные суды на стадии подготовки дела к судебному разбирательству выясняют, не желают ли стороны завершить дело мировым соглашением, разъясняют преимущества примирения, предлагают воспользоваться услугами медиатора или судебного примирителя. Анализ практики арбитражных судов показывает, что мировые соглашения чаще заключаются по спорам значительной сложности, где исход судебного разбирательства неоднозначен. Стороны идут на компромисс, оценивая риски неблагоприятного решения и длительность судебного процесса.

Таким образом, можно сделать вывод, что значимость согласительных процедур заключается в устранении различных спорных моментов, возникших между сторонами гражданского судопроизводства, а также в возможности уравновесить общественные отношения. В экономической плоскости примирительные процедуры способствуют избежать судебных тяжб, убытков и расходов, связанных с рассмотрением дела, помогают сохранить конфиденциальность составляющих элементов в коммерческих отношениях. Некоторые процедуры, например, могут быть эффективны на ранней стадии конфликта, когда еще не было нанесено значительного ущерба, в то время как другие могут быть полезны на более поздних стадиях, когда обе стороны уже начали осуществлять юридические действия. Так, напри-

мер, достаточно новый институт - судебное примирение представляет собой процедуру, в которой судья в отставке помогает сторонам прийти к мирному урегулированию спора. Это способствует снижению нагрузки на суды и обеспечивает более быстрое и эффективное разрешение конфликтов.

Использование согласительных процедур играет огромную роль в эффективности принимаемого решения при рассмотрении различных вопросов органами государственной власти. Закон или заключение, принятые при помощи согласительных процедур принимают характер общей воли. И напротив, когда государственные органы не согласуются между собой по вопросам своей деятельности, это приводит к огромному количеству проблем, некоторыми из которых является, например, принятие закона, который противоречит взглядам общественности, приводит к коллизиям в праве, в результате чего происходит затруднение в быстром принятии законов, необходимых государству [10, с. 144].

Так же можно отметить то, что при использовании согласительных процедур уровень культуры диалога между органами государственной власти и другими субъектами в государственно-правовой сфере повышается. В связи с этим, можно сделать вывод, что одним из самых универсальных средств, для разрешения государственно-правового конфликта являются согласительные процедуры. Благодаря данным процедурам разрешаются конфликтные ситуации на государственном уровне.

Приоритетной является деятельность, направленная на внедрение и расширение использования согласительных процедур, как в судебном, так и не в судебном порядке органами государственной власти. Важно понимать, что каждый спор должен рассматриваться индивидуально и выбор согласительной процедуры зависит от характера спора и пожеланий сторон. Правильно организованный процесс примирения может не только урегулировать спор, но и сохранить деловые отношения между сторонами.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что более активное внедрение согласительных процедур в правовую систему - это крайне полезный инструмент. Более активное использование согласительных процедур будет приводить к таким положительным эффектам, как:

- разгрузка судов: когда люди и компании учатся договариваться сами (через переговоры или с помощью посредника-медиатора), они перестанут идти по каждому мелкому поводу в суд, что освободит судей от вала типовых исков, позволяя им не распылять внимание;

- эффективность правосудия: у судей появится больше времени и ресурсов на более сложные, запутанные дела, требующие глубокого анализа. В результате чего качество их работы возрастет, а сами судебные процессы будут проходить быстрее;

- экономия ресурсов: мирное соглашение обходится сторонам гораздо дешевле, чем многомесячная судебная тяжба с оплатой госпошлин, услуг адвокатов и длительным ожиданием;

- сохранение отношений: в отличие от суда, где всегда есть победитель и проигравший, согласительные процедуры помогают найти компромисс. Это позволит деловым партнерам, соседям или бывшим супругам сохранить нормальные отношения после разрешения конфликта;

- польза для государства: когда государственные органы используют согласительные процедуры для решения внутренних разногласий, это предотвращает создание противоречащих друг другу законов и ускоряет принятие важных решений.

Таким образом, чем активнее государство будет поддерживать и развивать культуру мирного диалога, тем стабильнее и эффективнее будет работать вся правовая система, что в конечном итоге выгодно и участникам спора, и судебной власти, и государству в целом.

Список источников

1. Путин В. В. Вступительное слово Президента России на VI Всероссийском съезде судей. URL: http:/// www.ssrf.ru/page/846/detail.

2. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.,2004.

3. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. -3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2010.

4. Астахов П. А. Юридические конфликты и современные формы их разрешения (теоретико-правовое исследование): дис. д-ра юрид. наук. М., 2006.

5. Бенова, В. И. Медиация как альтернативный способ разрешения международных коммерческих споров: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Бенова Виктория Игоревна. - М., 2013.
6. Ярков В.В. Гражданский процесс: учебник / В.В. Ярков. М.: Статут, 2023.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.
8. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел за 2025 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 14.09.2026).
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 26.07.2026), ст. 138 ///https://base.garant.ru/12127526/?ysclid=mvms42lexf176047572.
10. Худойкина Т.В., Васягина М.М. Профилактика юридического конфликта: теория и практика. Саранск, 2007.

© Е.П. Терентьева, 2026

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ЗАКОН И ПОРЯДОК: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
г. Пенза, 25 октября 2026 г.
Под общей редакцией
кандидата экономических наук Г.Ю. Гуляева

Подписано в печать 27.10.2026.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 13,5

МЦНС «Наука и Просвещение»
440062, г. Пенза, Проспект Строителей д. 88, оф. 10
www.naukaip.ru